

уральский

следопыт

№11 ** 1974

СЛЕСАРЬ-МОНТАЖНИК, ПОЖАЛУЙ, ГЛАВНАЯ ФИГУРА НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЛАЙСКОГО КОМПЛЕКСА, ОДНОГО ИЗ КРУПНЕЙШИХ В СТРАНЕ КОМБИНАТОВ ПО ПРОИЗВОДСТВУ СВИНИНЫ. МОНТИРОВАТЬ КЛЕТКИ В 19 СВИНАРНИКАХ, УСТАНОВЛИВАТЬ СЛОЖНОЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОРУДОВАНИЕ НА КОМБИКОРМОВОМ ЗАВОДЕ, АВТО-

МАТИЗИРОВАТЬ ПРОЦЕССЫ УПРАВЛЕНИЯ — ВЕЗДЕ НУЖНЫ ИХ УМЕЛЫЕ РУКИ.

РАБОТА, ЧТО И ГОВОРИТЬ, ЖАРКАЯ. ЗАТО ТЕМ ПРИЯТНЕЕ КОРОТКИЕ МИНУТЫ ОТДЫХА.

Очерк о ЛАЙСКОМ КОМПЛЕКСЕ читайте на 2-й странице.

Фото А. ГРАХОВА

в номере:

С. Мешавкин ФАБРИКА МЯСА	2
СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	7
Р. Санина ВСЕ РАДИ ВОТ ЭТОЙ ДОРОГИ (Стихи)	8
В. Савельзон КАВАЛЕР ОРДЕНА ТРУДА	10
И. Иванов БУКЕТ	12
Л. Яшкин САШИН ШТАБ	16
А. Тумбасов В МУЗГАРКИНОМ КРАЮ	17
И. Брайнин СЧИТАЮ ДОЛГОМ СООБЩИТЬ	24
В. Дильман ЗАВОД О ДЕВЯТИ ПЕЧАХ	25
Б. Иванов СТАРОЕ СЕДЛО	26
Г. Трейлиб ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ВСЕ	29
Ю. Липатников 100 СТРАНИЦ ПЕРЕД ДОРОГОЙ	35
С. Слепынин ЗВЕЗДНЫЙ СТРАННИК. Фантастический роман. Продолжение	36
Г. Пермьяков ШПАГА ВИТУСА БЕРИНГА	61
В. Турунтаев МАСТЕРА И ПОДМАСТЕРЬЯ	62
Н. Попов, Ю. Чернов МОЯ СИБИРЬ	79
МИР НА ЛАДОНИ	77

Редакционная коллегия: Станислав МЕШАВКИН (главный редактор), Муса ГАЛИ, Алексей ДОМНИН, Спартак КИПРИН, Борис КОЛЕСНИКОВ, Владислав КРАПИВИН, Юрий КУРОЧКИН, Давид ЛИВШИЦ (заместитель главного редактора), Геннадий МАШКИН, Николай НИКОНОВ, Анатолий ПОЛЯКОВ, Лев РУМЯНЦЕВ, Константин СКВОРЦОВ, Игорь ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), Владимир ТРУСОВ.	
--	--

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА,
Технический редактор
Элла МАКСИМОВА,
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
Индекс 620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефон 51-22-40

Рукописи не возвращаются.
Сдано в набор 30/VII 1974 г.
НС 31257.
Подписано к печати 10/IX 1974 г.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 9,1.
Тираж 270 000
Заказ 460
Цена 30 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

1-я стр. обложки —
рис. З. БАЖЕНОВОЙ.

© Уральский следопыт, 1974 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И
ЮНОШЕСТВА
ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ
ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА
СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№11 * 1974

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

ФАБРИКА МЯСА

Станислав
МЕШАВКИН

Фото
А. Грахово

В слове романтика есть что-то от возвышенного. Романтика — это когда режет волны легкокрылая яхта, бьют в лицо соленые брызги и реет над тобой открытый солнцу и тугому ветру алый парус. Романтика, когда карабкаешься по каменистым кручам до заветной вершины, и пусть до тебя это сделали многие, дойдя до нее, чувствуешь себя первооткрывателем. В этот миг все твое — и далекие синие горы, и облака, до которых можно дотронуться рукой.

Многие материалы, публикуемые в нашем журнале под традиционной рубрикой «Даем адреса романтикам!», овеяны этим высоким словом. Сами адреса будят воображение. Бухта Врангеля, крупнейший порт страны... Ее первые строители живут в старом, навсегда поставленном на приколе пароходе и буквально у порога жилища плещется Великий океан и будит тебя по утрам встающее над огненными сопками огненное солнце. Величественные Саяны, безмолвный тюменский север, красавица Кама — это все громкие, зовущие молодость в путь адреса.

Но есть в слове романтика и иной смысл, когда романтика меняет розовые одеяния на суровый рабочий комбинезон, когда не надо отправляться в поисках ее на край света. Она — рядом, надо только уметь увидеть ее. Вспомните, как герои Николая Островского строили железную дорогу. Целыми сутками льют

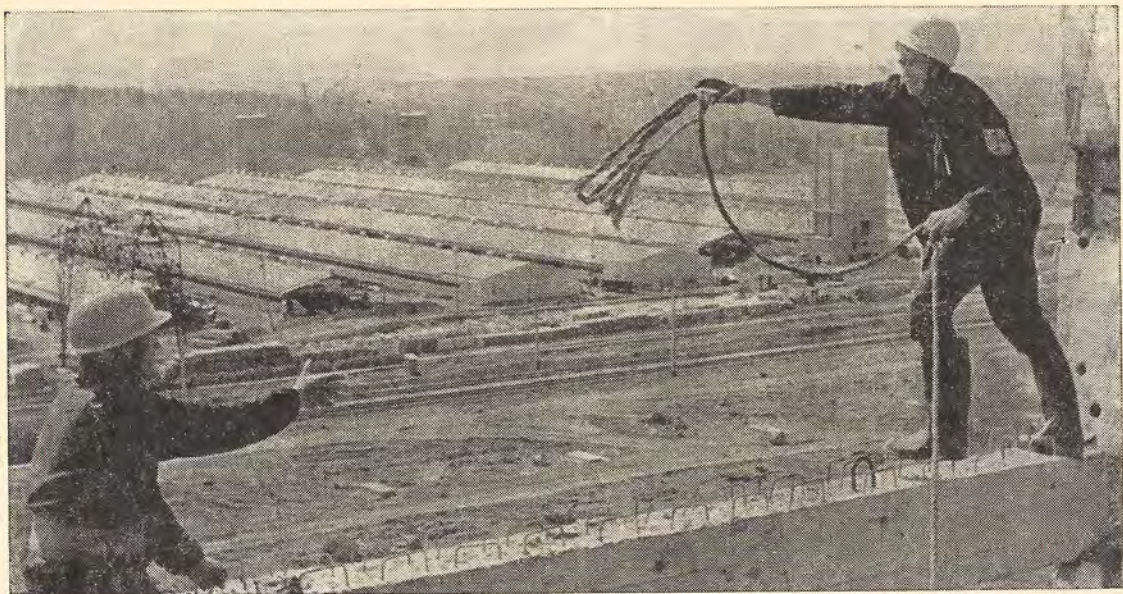
злые холодные дожди. В калошах, подвязанных к ноге веревочкой, утопая по колени в грязи, Павка Корчагин вместе с товарищами устало долбит киркой упрямую землю. И так изо дня в день. Тяжелая, монотонная, изнуряющая душу и тело работа. Какая уж тут, кажется, романтика! А она была, ибо железнодорожную ветку ждал голодный город, ибо вот за такими будничными делами поколению корчагинцев ясно виделось завтра родной страны.

Сегодня очередной адрес журнальной рубрики — Лая. На индустриальной карте Свердловской области рядом с такими известными всей стране промышленными центрами, как Свердловск и Нижний Тагил, Каменск-Уральский и Первоуральск, мало кому что говорит это название. Сейчас стройка в уральском селе, что находится близ Нижнего Тагила, возведена в ранг крупнейших. Что же такое Лая? Сразу оговорюсь, нет в этом адресе ни таежной экзотики, ни безмолвия тундры.

Лая — один из крупнейших свиноводческих комплексов страны. Чтобы оценить его значимость, надо заглянуть во вчерашнее нашего села. Те, кто рос в деревне и кому сейчас за тридцать, хорошо помнят, что представляли собой фермы лет двадцать пять назад. Чаще всего это было сооружение, напоминающее всем известное по сказкам жилище бабы-яги, правда, чуть крупнее по размерам (бабы-яга, как известно, была единичной личиной и большого хозяйства

не держала). Коровы и другая живность и впрямь находились в «скотских условиях», овеянные всеми ветрами, дождями и снегом. Причина заключалась в коротком и страшном слове: война.

Добротные — с размахом построенные — фермы выросли за последние годы на окраинах деревень. Но то, что сейчас строится в Лае, знаменует качественно новую ступень в жизни села.

Лайский комплекс — яркая иллюстрация к известным партийным документам, решениям XXIV съезда партии, в которых четко изложена генеральная линия развития сельского хозяйства на современном этапе: перевод сельскохозяйственного производства на промышленную основу.

Это прежде всего масштабность производства. Она зрима. С небольшого пригорка открывается панорама, необычная для села: приземистые, словно гоночные маши-

ны, только многократно увеличенные, корпуса свинарников, коробки административных зданий, а над всем этим высится котельная с ее 45-метровой трубой. Лайская фабрика мяса — это главным образом девятнадцать свинарников. Каждый свинарник — огромный пролет, которому может позавидовать современный завод. Длина 240 метров, ширина — 17,6 метра. Уходящими вдаль рядами — их в корпусе четыре — тянутся клетки. Куда ни глянешь, всюду металлические конструкции, и цех — иначе свинарник и не назовешь — представляет собой сплошное переплетение толстых и тонких трубок.

Все это внешние, видимые глазу, приметы «индустриального» пейзажа. Сравнение с заводом приобретает еще более реальную основу, когда знакомишься с технологическим процессом. Рабочий день свинарки на обычной ферме весь в бесконечных хлопотах: на-

кормить, напоить, убрать клетки и так с утра до вечера. И все вручную. На Лае обслуживающий персонал можно с полным правом отнести к промышленным рабочим высокой квалификации, ибо все процессы механизированы и автоматизированы. Корма подаются по кормопроводам в строго определенные часы. Рацион научно обоснован, выверен. В комплекс входит комбикормовый завод, мощность его 315 тонн в сутки, который и будет обслуживать свиное поголовье. Навоз убирается механическим способом через трубопроводы и транспортеры.

Как-то уж так сложилось, что хрюшке в мире домашних животных досталась роль падчерицы. С ней связаны самые нелестные эпитеты: и ест-то она без разбору и личную гигиену не очень соблюдает. Есть в этих оценках что-то справедливое, но немало и обидного. Специалисты и про-ектанты Лайского комплекса

отнеслись к свинье уважительно. Выяснилось, что свинья довольно теплолюбива, ей необходима температура на уровне 20—25 градусов. Кстати, здесь и встретились наибольшие затруднения. Дело в том, что проекты, разработанные для свиноводческих комплексов, наша страна приобрела у итальянских фирм. Климатические условия Италии и Урала, мягко говоря, несколько несовпадают. На Аппенинском полуострове зреют цитрусовые и десятиградусный мороз повергает жителей в панику, а у нас, как известно, шаловливый дедушка-мороз в минуту дурного настроения опускает ртутный столбик термометра аж до сорока градусов. Пришлось внести в проект солидные поправки. Помимо тепла свинье, оказывается, нужен свежий воздух, поэтому в помещениях

оборудуется мощная система приточно-вытяжной вентиляции. Словом, свинье создан свой микроклимат.

А сейчас пора задать самый главный вопрос: а что дают такие комплексы, нет ли тут моды на гигантоманию? Есть ли в них надобность? Есть и очень большая.

— Без цифр нам не обойтись, — говорит начальник штаба Лайского свиноводческого комплекса Анатолий Иванович Торопичин. — Мясная проблема, как вы знаете, в стране стоит достаточно остро. Растет население, главным образом городское, растут доходы, а стало быть и наше потребление. Несколькими путями решается эта проблема и один из них, весьма важный, создание вот таких фабрик, которые позволят в короткий срок резко увеличить выход мясной

продукции. Затраты большие, стоимость нашего комплекса, включая жилой поселок, — 35 миллионов, но они окупятся примерно через пять лет.

Судите сами. Ежедневно, подчеркиваю, ежедневно мы будем поставлять на мясокомбинат 300 свиней, каждая из которых весит в среднем 112 килограммов. А всего, когда мясной конвейер полностью вступит в действие, он станет поставлять ежегодно 108 тысяч свиней. Представьте зрительно такое поголовье — 108 тысяч! — и вы ощутите значимость комплекса. Можно эту обобщающую цифру выразить иными словами: 12,5 тысяч тонн мясной свинины будет поступать на прилавки магазинов Свердловской области. Если учесть, что уже утвержден проект второй очереди, точно такой же мощности, то к 1978 году производи-

тельность Лайской фабрики мяса будет выражаться внушительной цифрой — 25 тысяч тонн в год.

Второй, очень важный довод в пользу комплексов — низкая себестоимость продукции. На карликовых фермах, где все основано на ручном труде, сталкиваешься с таким парадоксом: килограмм мяса обходится хозяйству в 2 рубля и дорожке, а в магазинах, как известно, свинина продается по цене 1 р. 90 — 2 р. 10 к. О доходах и говорить не приходится, лишь бы свести концы с концами. Себестоимость килограмма мяса на Лайском комплексе обходится в 84 копейки.

Сейчас основное население Лай — строители. Хозяева комплекса, эксплуатационники, по-

ка что являют собой небольшой отряд в 140 человек. Он увеличится до 700 человек, когда фабрика заработает на полную мощность. Но уже сейчас анализ качественного состава тех, кто обслуживает комплекс, дает пищу для размышлений. Скажем, образовательный ценз. Из 140 человек у 15 высшее образование, у 22 — среднетехническое, у 30 — общее среднее. Несложные подсчеты показывают: половина сотрудников комплекса имеет за плечами, как минимум, десятилетку.

Что теперь скажут иные родители, которые в разговоре со своими детьми используют ферму как пугало: мол, не будешь учиться, пойдешь работать в свинарник? Что скажут они сами, эти великовозрастные дети, которых подчас чуть ли не за руку учителя, родители-

ли и вкупе с ними общественность тянут за школьную парту, а он, подпирая головой потолок — живое воплощение акселерации, — полуокрепшим басом твердит: проживу и без десятилетки? Прожить, конечно, можно, и еще сравнительно долго не исчезнет на селе потребность в малоквалифицированной рабочей силе, но разве можно не видеть, что колесница жизни несется, и все стремительней, по широкой дороге научно-технического прогресса и тем, кто не понимает этого, предстоит печальная участь робко прижаться к обочине полотна, провожая глазами уходящий к горизонту набирающий скорость поезд.

Стоит, пожалуй, привести возможным скептикам еще один довод. На Лае я впервые услышал непривычное для себя словосочетание — оператор-

животновод. Да, именно так, несколько холодно, но зато внушительно, звучит ныне древняя профессия свинарки. Один человек обслуживает 4500 животных. Он командует на пульте и по характеру труда своего близок, как брат, заводскому оператору.

Реформа на селе касается не только характера труда, она ломает крестьянский быт, стирая и в этой, пожалуй, самой консервативной области существенные различия между городом и деревней.

Рядом с лесом вырастает поселок на 1500 жителей. В десяти двух- и трехэтажных домах уже живут новоселы. На очереди — шесть пятиэтажных. В квартирах горячая вода, газ, паровое отопление, словом, все коммунальные удобства, к которым привык горожанин и начинает привыкать сельский житель. В поселке строится клуб на 400 мест, школа, торговый центр, столовая, детский и бытовой комбинаты.

Строит комплекс молодежь. Ежемесячно прибывают сюда по комсомольским путевкам отряды из разных городов области.

— В Лаю мы приехали 18 февраля, поздней ночью, — вспоминает командир Первоуральского комсомольского отряда Алексей Огороков. — Приятно удивились, когда, несмотря на поздний час, нас встретили представители комитета комсомола и администрации. Даже буфет работал! Разместились в общежитии, а утром на работу. Первый день и первое испытание. Сорок градусов мороза! Иным не хватило отбойных молотков, иным — лопат. Стоять без дела в такой холод, сами понимаете... Самосвал сделал один рейс и исчез на два дня. Как видите, начинали с трудностей.

К сожалению, такое начало типично для стройки. Постоян-

но идут жалобы, и справедливые, что людей не хватает, а в итоге выясняется, что к встрече даже меньшего числа работников не готовы. Уж слишком сильно вошла в плоть и кровь — и не только на Лае — привычка, что на стройке, мол, без этого нельзя. Добро, были бы объективные трудности, а то обыкновенная нераспорядительность. Потом все каким-то странным и чудесным образом «утраясается». Утряслось и у первоуральцев, нашлись и молотки, и лопаты, и кран, а бригада заняла первое место среди всех комсомольских отрядов.

..Я приехал в Лаю первый раз в апреле. Погода, как иллюзионист, вытряхивала из своего мешка все, что в нем имелось. Выглянет на минутку солнце, стихнет ветер, и в пору скидывать пальто. Но тут же нагрянет тучка, дождь мелкий, противный, а после обеда в довершение пошел снег — тяжелый, липкий.

Под ногами чавкает глина. Сапоги вытаскиваешь с опаской, того и гляди останешься без оных — засасывает грязюка. Да, нелегка служба у строителя, часто его рабочее место под открытым небом, а оно на Урале неласковое. Но другой профессии им не надо, да и нет таких, которые бы оборачивались для человека лишь одной приятной стороной.

Стучат отбойные молотки, идет перезвон топоров, слепит глаза электросварка. Каждую декаду на мачте, что у штаба комплекса, взвизывает алый флаг трудовой славы в честь лучшей бригады. Быстро растет стройка. В конце текущего года, самое позднее в начале будущего, мясной конвейер начнет работать на полную мощность. А первые обороты он дал в июне, когда в Лаю завезли 4,5 тысячи свиноматок.

Свинарники, чтобы не перепутать, их все-таки девятнадцать, обозначают буквой алфавита. В корпусе 1-а я встретил шестерых ребят из Красноуфимска. Коренастый паренек первым называет себя:

— Ложников Александр, — и, помолчав, добавляет на всякий случай, — Васильевич.

Сообща, под дружный смех решаем, что парню пока можно обойтись и без отчества. Семнадцать лет — счастливый возраст!

В биографиях Александра Ложникова, Сергея Томилова, Анатолия Муталапова, Валентина Махаева, Михаила Красноперова и Петра Дедкова много общего. Всем по семнадцать, все из одного города, учатся в Красноуфимском профессионально-техническом училище, все комсомольцы.

Лайский комплекс — их производственная практика. После практики экзамены, заветный диплом, в котором будет значиться, что его владелец является механизатором животноводческих ферм широкого профиля. Электромонтер, слесарь, понадобится, могут сесть за трактор. Таких специалистов ждет современная деревня.

Прощаясь, я сказал ребятам, что хотел бы встретиться с ними лет через пять в одном из хозяйств Красноуфимского района.

— А может быть, в Лае? — задорно спросил Саша, он же, как помните, Александр Васильевич.

Я пообещал им свидеться в Лае.

● Концерты краеведов

● Щит и меч природы

● Кто был на Эльбрусе?

● Наградить... литературного героя

● Далекая и близкая Арктика

Ребята Чигеринской средней школы Ростовской области много поколесили по станицам, чтобы записать еще звучащие там старинные донские песни. Добавив главу пословиц и поговорок, они составили сборник произведений устного народного творчества. А наслушавшись в походах могучих казачьих песен, юные краеведы... сами запели. Вечера художественной самодельности пытливых школьников — ожившее песенное эхо минувших столетий.

по фауне и флоре Волгоградской области — это 3000 различных книг.

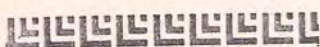

Село Верхний Баксан находится в Приэльбрусье. Тот, кто когда-либо поднялся на знаменитую горную вершину, не миновал заоблачного Баксана.

Один из просветителей Балкарии Исмаил Урусбиев уже в прошлом веке вел книгу записей о пребывании в селе иностранных и отечественных путешественников. В числе первых в книге оставил автограф председатель английского горного клуба Дуглас Фрешвилд. Баксан посетил ученик великого Чайковского, директор московской консерватории С. И. Танеев. Его интересовали песни горцев. Ноты песен и письма Танеева к Чайковскому хранятся теперь среди прочих интересных экспонатов в музее Верхнебаксанской средней школы.

Прототипами героев произведений Ю. Германа «Дорогой мой человек» и «Дело, которому ты служишь» были врачи, служившие на Северном флоте. Вымышленный герой одной из книг Германа, мужественный старшина 2-й статьи стал настолько любимым героем североморцев, что его даже разыскивали, чтобы наградить.

Литературное краеведение — увлекательное занятие ребят школы № 2 Полярного.

В лесхозах Волгоградской области созданы экспериментальные участки по биологической защите растений. За новое дело берутся и ребята клуба «Юные любители природы» при областной детской экскурсионно-туристской станции. Они помогают специалистам оценить современное состояние флоры и фауны области. Натуралисты собрали также 13 тысяч видов насекомых, которые переданы во Всесоюзный научно-исследовательский институт агролесомелиорации. Коллекция позволяет уточнить соотношение вредных и полезных для растений насекомых и выработать рекомендации по биологической защите леса.

Члены клуба «Юные любители природы» составили библиографический каталог

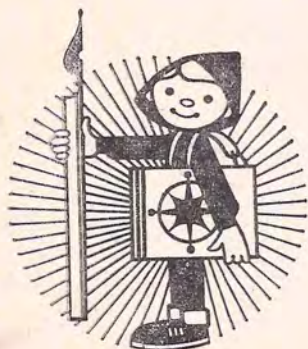
Таруса далека от суровой Арктики, но, может быть, именно поэтому местные ребята создали клуб «Юный полярник», который ведет краеведческий поиск. В литературе нигде не упоминается место рождения отважного землепроходца Василия Прончищева. Даже в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона не было исчерпывающих сведений о нем. И вот краеведы листают родословную дворян Капужской губернии: Прончищев — уроженец села Ботимово Тарусского уезда! На заседании клуба обсудили вопрос, как увековечить память земляка. Краеведы собирают также материал об известном исследователе Арктики Василии Челюскине — он тоже уроженец Капужской губернии.

История города Полярного Мурманской области — это история флота. Об этом говорит и художественная литература. В Полярном Каверин заканчивал главы романа «Два капитана».

следопытская

хроники

ВСЕ РАДИ ВОТ

Рина
САНИНА

Рисунок
В. Меринова

Где облака не тают

Легка дорога и ясна,
И все мне просто удается,
И нету тьмы, а только солнце —
Пока есть мама у меня.

Чего бояться мне! Огня!
Все пустяки. Любые беды
Пройдут легко, пройдут бесследно —
Пока есть мама у меня.

Что смена вечера и дня!
Со мною происходит чудо.
Я девочкой, я юной буду —
Пока есть мама у меня.

Не так!

Так влага прозрачна в колодце,
Так запах полыни горчит,
Что жить по-иному придется,
Не так, как рассудок велит.

Не так, избегая тревоги,
Не так, под защитой слов.
Все ради вот этой дороги
Вдоль светлых, осенних ствол.

В стороне моей

Бег брезентового газика
По дороге ледяной.
Вкус нечаянного праздника,
Происшедшего со мной.

Я дорог не перепутаю,
Та моя, что вдаль ведет.
Подвезет меня попутная,
Дверь водитель распахнет.

Безмянные трехтонки,
Вы встречались на пути.
В стороне моей-сторонке
Доброту легко найти.

Лишь при свете

Как все вокруг добры ко мне.
Я не устану удивляться
Огню, зажженному в двенадцать
Лишь для меня в чужом окне.

Есть атмосфера доброты,
Я буду верить в это чудо,
Когда вокруг одни цветы
И лица добрые повсюду.

Я верю в тайные слова,
Что мир наш сделают добрее.
И я, наверное, права,
Что лишь при свете жить умею.

ЭТОЙ ДОРОГИ

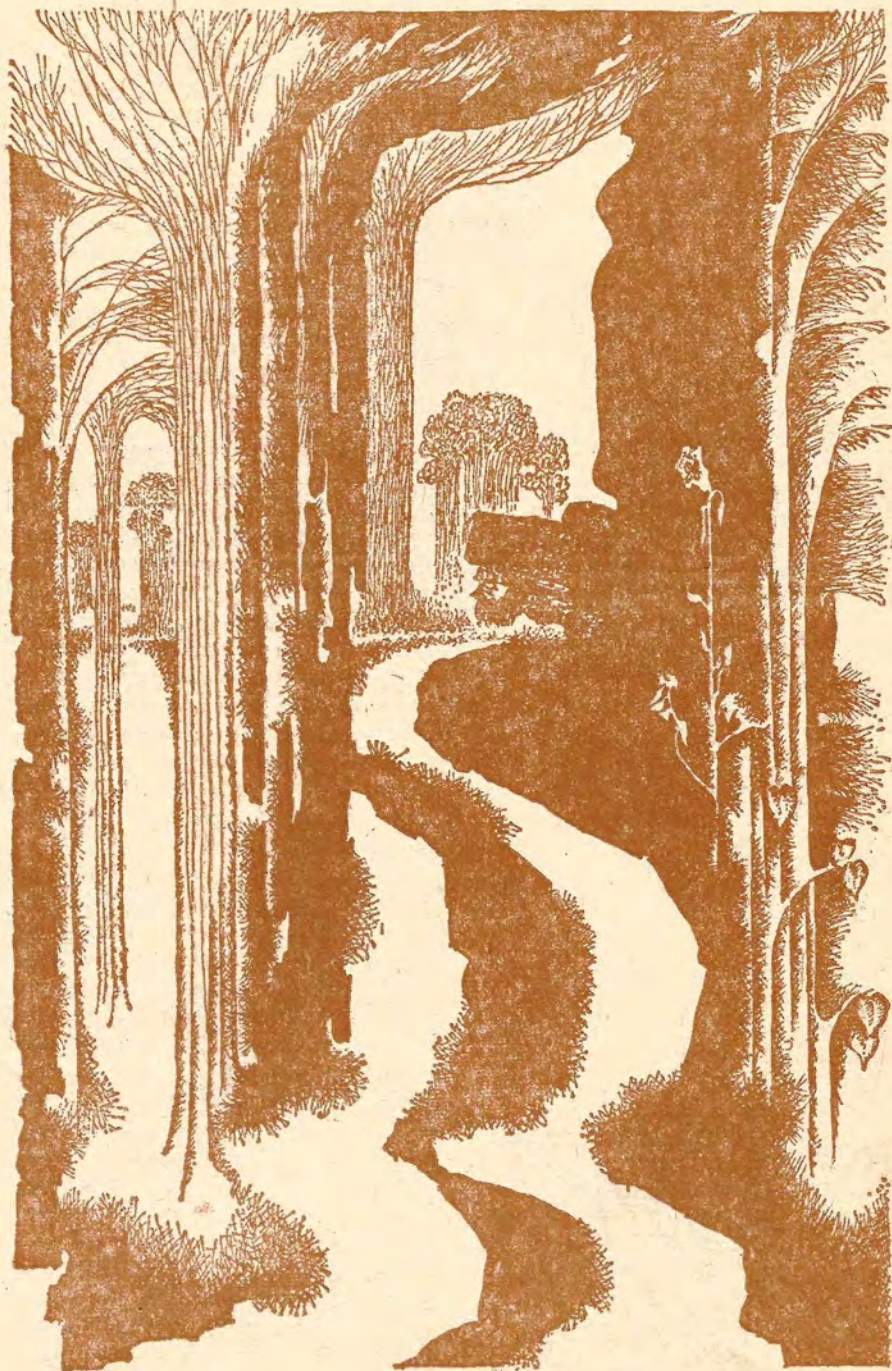
Мой зонтик, словно птица

Мой зонтик, словно птица
Над ливнем голубым.
Летит куда-то, мчится,
А я спешу за ним.

Он легче, чем былинка,
И, если захочу,
Я с зонтиком в обнимку
Над миром полечу.

Раскрашен и расцвечен
Мой зонтик в чудный цвет.
И кажется, что вечен
Бесь этот белый свет,

Где облака не тают
И все горит звезда,
Где зонтики летают
Неведомо куда.

КАВАЛЕР ОРДЕНА

**Вильям
САВЕЛЬЗОН**

В июле 1917 года в железнодорожном батальоне на станции Воропаево за большевистскую агитацию Терентий Чариков был приговорен к расстрелу, но чудом избежал его. В Риге его изолировали от роты, как человека опасного. Здесь он вступил в партию большевиков. В дни Октября принимал участие в штурме Зимнего. Затем отбивал бронепоезд в Валках.

В родное Абдулино вернулся уже закаленным, идейно крепким большевиком. Стал членом революционного штаба.

Вскоре же после революции понадобилось его умение водить паровозы. Да при таких обстоятельствах понадобилось — лучше б и не надо. Подняли мятеж белочехи, двинулись по железной дороге от Самары, расстреливая и разрушая. В Абдулине готовился к эвакуации эшелон — большевики и сочувствовавшие им с семьями. А на станцию вот-вот вернуться поезда с белочехами. И Терентий Чариков получил от штаба приказ — спустить с рельс на мосту в нескольких верстах по направлению к Самаре паровоз.

«Щука», как называли паровозы серии «Щ», весело постукивала колесами, и до того обычной была мирная картина набегающих холмов и перелесков, что Терентий на минуту забыл о том страшном, что он должен был сейчас сделать. Заметив грязь на манометре, машинально взял тряпку, вытер и только тогда иглой кольнула мысль: зачем? Еще несколько минут, и умной, сильной машине — конец. Взглянул на Григория Чарикова, дядю своего, «еропланщика» — тоже ходят желваки на скулах: жалко. Недаром прозвали его «еропланщиком» — золотые руки у человека: вместе с Терентием и еще тремя-четырьмя мастеровыми в 1909 году, когда и в столице самолет был ред-

костью, он соорудил свой «ероплан» и даже летал на нем.

Когда до моста, где уже были разобраны рельсы, оставалось совсем немного, они прыгнули. Не сговариваясь, стянули с голов замасленные фуражки.

В гражданскую Терентий Чариков был машинистом паровоза на бронепоезде. Состоял этот бронепоезд из нескольких американских полувагонов, вдоль бортов которых были уложены мешки с песком, а между ними торчали стволы нескольких трехдюймовок. Да и этих трехдюймовок не было бы, не отправься за ними в Уфу общительный и горячий Терентий. Зашел в артиллерийские казармы. Слово за слово — через пять минут поднялся там хохот: ай да паровозник, свой парень, комар его забодай! Но едва завел речь о пушках, сразу притихли: нет, парень, не поедем с тобой.

— Ах, не поедете? Пускай, значит, погибает Советская власть? Сейчас вот свистну — мои ребята, целый полк, окружают казарму. Всех разнесем!

— Ты нас не пугай. Пуганые уже, — сказал здоровенный рыжий солдат, развалившийся на нарах. — И нас тоже пойми. Пойдем мы с вами, а что нам с этого? Погоди, погоди, ты чего? Чего ты? — забеспокоился он, увидев, как машинист вдруг ожесточенно, рывками стал сдергивать с себя рубаху.

— Что иметь будешь? На вот мою рубаху! На! Новая совсем, на хлеб сменяешь! Нажрешься!

Зашумели тогда артиллеристы, прыгали с нар, окружили Терентия:

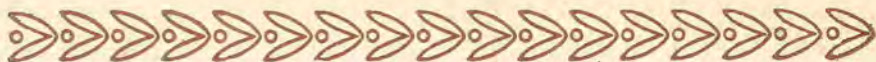
— Ты парень, нас не срами. Сами тоже не графья будем — мужицкая кость. Давай толком решать...

Когда грузили оружие на платформы, рыжий вдруг опомнился:

ТРУДА

— Постой, а где же твой полк? Вот эти четверо? Ай, хитер!

К разъезду Удряк, где принимал боевое крещение интернациональный полк, подоспели вовремя. Прямо с платформ открыли огонь. Повеселели сразу красные бойцы: как же, свой бронепоезд появился!

Уфа, Бирск, Казань, Симбирск, Мелекес. Бои, бои, бои. Одно время он водил бронепоезд, на котором ездил легендарный начдив Гай.

Кончилась гражданская война, и Терентий Чариков с боевого фронта ушел на трудовой.

...Паровоз Б-24, или «Букашку», как его называли, отбили у колчаковцев. Когда его привели в Абдулино, на него жалко было смотреть: у паровоза были подплавлены буксы, многих деталей не хватало. Грязный, залущенный, он холодной глыбой металла стоял в тупике.

— Гроб со свистком, — покачал головой начальник депо.

— Теперь ему последний рейс — на переплавку, — вздохнул кто-то из машинистов.

— На переплавку пустить, большого ума не надо, — возразил Чариков. — А где сейчас новый-то возьмешь?

Несколько дней осматривал Терентий Чариков паровоз, облазил весь, по сто раз прикидывал.

— Терентий, ты чего как вокруг невесты ходишь? — смеялись друзья.

— Да вот хочу себе эту «букашку» в жены взять.

Думали — шутит человек. А он пришел к начальнику депо:

— Дайте мне в помощники брата Андрея, Ивана Галактионова и Михаила Акимова. Отремонтруем паровоз.

Надо было выкатить из-под паровоза скаты, наплавить буксовые подшипники, а затем поставить скаты на

место. Но как это сделать, когда в депо только маленькие домкраты? Чариков пошел на риск: предложил подкладывать — по мере подъема — и под днище паровоза и под домкраты шпалы. Тут нужны были ловкость, смелость и точнейший расчет — паровоз легко мог перевернуться и придавить людей.

За эти дни Терентий Чариков похудел, осунулся, будто сам держал на плечах многотонный груз.

И однажды чуть не случилось несчастье. Зазевался Андрей, неплотно подsunул шпалу под один из домкратов. Огромная туша паровоза, будто раньше времени ожив, дрогнула и начала медленно крениться.

Терентий бросился к груде шпал, которая поддерживала паровоз посередине, и, подперев брюхо паровоза

еще одной шпалой, навалился всем телом. Паровоз, словно раздумывая, медленно приостановил движение.

За две недели бригада Терентия сумела изготовить или отыскать все недостающие детали. Наплавляли буксовые подшипники. Накачали воды, развели в топке огонь, подняли давление, и паровоз задышал, ожил.

19 сентября 1922 года в числе первых пятнадцати человек, награжденных орденом Трудового Красного Знамени, был удостоен этой высокой награды и машинист станции Абдулино Терентий Матвеевич Чариков.

БУКЕТ

(Из воспоминаний)

Иван
ИВАНОВ

Рисунки
В. Бубеницкова

Этот вагон в нашем составе появился от самой Перми. Желто-зеленый, неряшливый и неприглядный, с железными решетками на окнах и на дверях, с конвойными солдатами в тамбурах, он сразу бросался в глаза, и уже на следующей станции под окнами вагона толпился народ. Кто-то сказал:

— Арестантский...

— Кто в нем едет? — поинтересовался я.

Бывалый, знающий на вид человек, случившийся рядом, посмотрел на меня и в свою очередь спросил:

— Ты что, с луны свалился?

Я смущенно пожал плечами. Откуда мне было знать? Восемнадцатилетний парень из глухого угла, я впервые ехал по железной дороге.

— Арестантов в ссылку везут, вот кого, — снисходительно пояснил бывалый человек.

Раскурив папиросу и сделав несколько затяжек, он качнул головой и, ни к кому не обращаясь, произнес:

— И опять политических. Еще и женщин.

— Правильно изволили заметить, политических, я тоже так на свой манер определяю, — подхватил господин в легкой поддевке, лаковых сапогах бутылками, в фуражке с высокой тульей, с пухлым румяным лицом и рыжеватой бородкой веером. — Ишь, головы-то у них не бриты, не уголовщики, значит, не простолудье... И удивительное дело, скажу я вам, любезнейший, как только зачалась эта война с германцем, везут и везут их чуть не кажинный день. Добрых-то людей везут воевать за веру православную и царя-батюшку, а энтих в острог да на каторгу. Смутьянят, говорят, больно, а кои и за германца стоят, вот и достукались. Ну, а бабенок-то...

Он прищурил глаз, словно нацеливаясь на кого-то, и хотел, видно, сказать что-то пошленькое, но бывалый человек сплюнул и перебил его:

— Вы что, из прасолов?

— Ага, из прасолов! Скотинкой промышляем, только что гуртик военному ведомству сдал, — пухленькое лицо расплылось в самодвольной улыбке, глазки весело засверкали. — А вы как угадали?

— Видно птицу по полету. Покупаете и продаете? Народ надуваете, капитал наживаете?

И обдал его таким взглядом, что прасола будто срезало, он сразу осекся и замолчал...

Вагон, видимо, был разделен на две половины. В окна одной выглядывали только женщины, на другой половине были мужчины. И какие все разные лица! Одни угрюмые и, казалось, даже злые, другие — добродушные и веселые, третьи — задумчиво-грустные. Прильнув к запыленным стеклам наглухо закрытых окон, они смотрели на «потусторонний» для них мир и о чем-то переговаривались между собой.

Вдруг среди женщин я увидел лицо, чем-то не похожее на все остальные, лицо, сразу захватившее мое внимание. К сожалению, оно только мелькнуло ненадолго и тут же затерялось. Напрасно я ждал, что оно появится снова. Проходила минута за минутой, наконец, три удара в пристанционный дребезжащий колокол и протяжный гудок паровоза провозгласили отправление поезда, и я поспешил в свой вагон.

Едва дождавшись следующей остановки, я чуть ли не первым подбежал к арестантскому вагону и сразу увидел ее. Прислонившись к оконному косяку и не замечая меня, она смотрела вдаль и, должно быть, что-то читала про себя, чуть-чуть шевеля губами. Я замер, наблюдая за ней. Это была совсем молодая девушка, возможно, вчерашняя гимназистка. Была ли она красивой, не знаю, тогда я еще не разбирался в этом. Но, во всяком случае, было в ней что-то такое, что резко отличало ее от других, и я не спускал с нее глаз.

Говорят, человек чувствует на себе чей-то упорный взгляд. Если правда это, девушка почувствовала, что я смотрю на нее. Она вдруг повела глазами и увидела меня. Изучающе смотрели мы друг на друга. Я разглядел, что у нее большие черные, какие-то не здешние глаза, скорбные и задумчивые, прямой нос и слегка вытянутое худощавое лицо. Темные волосы с прямым пробором были собраны в толстую косу, лежавшую у нее на груди.

Не знаю, сколько времени продолжалось наше молчаливое созерцание друг друга. Но вот девушка чему-то нахмурилась, отвела в сторону глаза и, постояв еще с минуту, уступила место у окна другой женщине.

Длинный и жаркий июньский день сменился коротким вечером, а затем такой же короткой ночью. Словно пританцовывая, бежит и грохочет на стыках рельс наш старенький, обшарпанный вагон четвертого класса, болтается из стороны в сторону, потрескивает, поскрипывает и порой чуть ли не по-человечески стонет. Кажется, что катит он не на обычных колесах, а на каких-то зубчатых, и под тобой не просто голые трехместные полки-ящики, до блеска залощенные боками и спинами пассажиров, а грохоты, на которых кто-то взбалтывает тебя, стараясь вытрясти грешную душу.

В железном фонаре с закопченными стеклами, что висит над дверями, догорает остаток свечи. Тошенькое и бледное пламя подпрыгивает и едва-едва светит.

Я не силю, лежу с открытыми глазами и все думаю о девушке. Кто она? Откуда везут ее и куда? За что сослали?

Подмяв под головы армяки, по ту и другую стороны от меня храпят пассажиры, мои попутчики. Один все что-то бормочет во сне и часто двигает ногами, а другой вдруг просыпается, кричит, чешется и громко зевает. Приподняв голову, долго глядит в окно и спрашивает сам себя:

— Где же едем-то?

Опять зевнув, отмечает:

— Светать начинает.

И верно, вскоре наш поезд вырвался из горного ущелья, в окна начал пробиваться слабый предутренний свет. А еще через десяток минут вагоны залязгали буферами, затормозили, блеснул один огонек еще не погашенного керосинового фонаря, другой, третий, и вагоны загремели по стрелкам.

Не дожидаясь полной остановки, я спрыгнул с подножки и остановился в ожидании, когда поравняется со мной желто-зеленый вагон, шедший в составе предпоследним. А он словно по заказу остановился как раз против меня.

Я не думал, что так рано увижу ее. Она уже стояла у окна и смотрела туда, где над гребнем далекого леса разгоралась заря. Яркие блики блуждали по окнам вагона, один из них упал на лицо девушки.

Заметив меня, она строго свела брови, как бы спрашивая: «Зачем ты опять тут?»

А мне хотелось сказать ей что-нибудь, узнать ее имя.

— К-а-к в-а-с з-о-в-у-т? — беззвучно спросил я.

Вместо ответа она отошла от окна.

Далеко позади остались лесистые предгорья Урала и сам он, величественный, могучий, седой и прекрасный. Наш поезд шел уже по безбрежным просторам Сибири. Во все стороны растлались и бежали навстречу нам поля, мелькали березовые роши, и где-то далеко-далеко, в чуть заметной дымке, виднелась синева сибирской тайги.

Почтово-пассажирские маршрутные поезда, «Максимы», как их тогда называли, шли не спеша, услужливо уступая дорогу и встречным, и обгоняющим составам. Мы подолгу стояли на разъездах, у семафоров, на станциях.

И на каждой остановке я бежал к арестантскому вагону, который, как я узнал, следовал в Сибирь транзитом. И еще издали не раз замечал, как, увидав меня, девушка хмурила лоб и либо уходила в глубь вагона, либо становилась сзади кого-нибудь так, чтобы мне не было ее видно.

Мне хотелось сделать для нее что-нибудь хорошее. Но что? Передать кусок хлеба, как это делали многие пассажиры? Нет, я понимал, что это только оскорбило бы ее.

Однажды наш поезд остановился на разъезде, по обе стороны которого раскинулись поля, усеянные цветами.

Я бросился в поле. Никогда до этого я не дарил девушкам цветы и, конечно, не умел складывать их в букеты. Я просто рвал и рвал цветы, и вскоре в руках у меня была целая охапка.

С волнением подошел я к тамбуру, где стоял солдат-конвоир с винтовкой.

— Дядя,— не зная, как иначе обратиться к нему, нерешительно сказал я,— передайте, пожалуйста, это туда, в вагон.

— Ча-а-во? — скосив на меня белесые глаза, переспросил солдат.— Эвон-те, чего придумал!

— А что,— сказал я сразу упавшим голосом,— разве нельзя? Ведь передают же другие хлеб, молоко.

— Вот-те, сравнил! То милостыньки, а это что? Трава! Недозволено такое. Давай не балабонь попусту, топай отседова!

И пристукнул прикладом.

«Недозволено». Я опустил голову и пошел прочь, готовый уже бросить цветы. Но вдруг солдат остановил меня.

— Погодь-ка... Ты это кому там?

— Да той, девушке черноглазой, с косой ко-

торая,— заторопился я.— Передайте, пожалуйста, ну что вам стоит!

— А-а, энтой,— солдат сдвинул фуражку на лоб, поскреб в затылке, ненадолго задумался.— Ежели энтой... Давай уж, что ли, передам, пожалуй.

Принимая цветы, он вдруг улыбнулся, сочувственно качнул головой.

— Экой ты, право, чудной...

И ушел с цветами в вагон. А я бросился к окнам и видел, как там, в вагоне, женщины вдруг засуетились, на время сгрудились, а потом снова появились у окон, и каждая из них держала в руках по несколько стебельков. Они видели, как я рвал цветы, знали, что цветы от меня, и благодарно улыбались, кивали, о чем-то говорили между собой. Потом расступились, и к окну подошла девушка. Она прижимала охапку к груди, вдыхала запах цветов, и ее лицо было такое радостное, возбужденное и счастливое! Встретившись взглядом со мной, улыбнулась; затем, точно вспомнив что-то, ткнула пальцем себе в грудь и, выразительно складывая губы, назвала свое имя.

— О-л-я? — переспросил я, желая убедиться, что правильно понял ее.

— Да, да,— подтвердили ее губы.

Кажется, никогда я не радовался так, как в этот раз. И, кажется, именно тогда я понял, как иногда мало надо сделать для того, чтобы доста-

жить большую радость обездоленному человеку.

Опять ночь. Опять не сплю, лежу и считаю остановки — две... три... пять. На какой-то станции наш состав долго толкают взад-вперед, должно быть, переставляют вагоны. Гремят и скрежещут буфера... Время тянется медленно, ночи, кажется, не будет конца.

Оля... После того, как она улыбнулась мне и назвала свое имя, я не переставал думать о ней. Я видел ее как бы наяву, улыбался ей, готовил для нее какие-то слова. И не чувство влюбленности, — об этом я, кажется, и не думал, — а нечто более возвышенное, еще не до конца осознанное влекло меня к ней.

Неожиданно созрело решение: узнать, куда везут ее, и... поехать туда же.

А что?

В Сибирь я ехал без какой-либо определенной цели. Билет у меня был взят до станции Тайга — столько хватило денег. Мне ничто не мешало остановиться ближе или, если Олю повезут дальше Тайги, поехать, в конце концов, зайцем, без билета. Едут же другие на подножках. Даже на крышах едут!..

Наконец-то рассвет начинается! Мрак постепенно рассеивается, отступает в темные углы. Теперь скорее бы остановка...

Вот, наконец, и станция.

Я уже прыгнул с подножки, стою и жду... жду и чувствую, как все больше и больше охва-

тывает меня непонятная тревога. Я волнуюсь, вглядываюсь в хвост поезда, но желто-зеленого вагона не вижу.

«Где же он? Может, поставили вперед?»

Бегу вдоль длинного состава обратно, разглядываю каждый вагон.

— Где же он?! — не говорю, а кричу я во весь голос.

— Кто — он? Кого ты потерял, парнек? — спрашивает меня усатый кондуктор.

— Да этот... вагон арестантский, что в нашем составе шел, — задыхаясь, говорю я.

— Ежели нет его, — невозмутимо говорит кондуктор, — стало быть, отцепили.

— Где отцепили?

— Этого не скажу. Наверно, где-то далеко, еще до смены моей бригады.

«Отцепили, — повторяю я. — Отцепили... Значит, не судьба побывать мне на станции Тайга... Отцепили... Значит, ехать надо назад... Искать, искать...»

Мой поезд уходит. Но я словно прирос к земле. Он стал ненужным, этот поезд.

Искать!..

САШИН ШТАБ

Леонид
ЯШКИН

Девять лет следопыты заполярного города Канда-лакши собирают материалы о частях Карельского фронта, которые вели трудные бои с фашистами на изолированном Кандалакшском направлении.

Инициаторы поиска — пионеры школы № 9.

Кандалакшские следопыты провели восемь походов по местам боев. В походах ребята увидели оборонительные сооружения, окопы, в которых дрались советские воины, нашли оружие. Фонды музея пополнились новыми экспонатами.

Ребята обнаружили несколько воинских захоронений и теперь выясняют фамилии погребенных здесь воинов и подробности их гибели.

Зачинатель следопытского поиска, руководитель группы «Поиск» Саша Крячков поехал в Ленинград. Договорился с администрацией Дома офицеров и ему отвели комнату. Там он обосновал временную штаб-квартиру. В «Ленинградской правде» появилось обращение к ветера-

нам боев на Кандалакшском направлении с просьбой поделиться всем, что у них осталось в личных архивах относящееся к боевым дням. И скоро тихая комната стала шумной. Столы завалены схемами, картами, фотографиями, альбомами, боевыми листками и фронтовыми газетами. Их внимательно изучают поседевшие ветераны войны, приносят все новые и новые материалы. Бесперывные звонки по телефону. Беседа с каждым. Четкие вопросы и тут же запись в журнал. Уточнение деталей боев, дат, фамилий погибших, мест захоронений, о которых знают участники сражения на Севере.

«Штаб» Саша посетили более трехсот ветеранов. Кто не мог приехать сам, прислал родственников.

Много было встреч с боевыми товарищами, потерявшими связь за прошедшие десятилетия.

Саша Крячков собрал множество фронтовых газет и фотографий, письменных воспоминаний, альбомов, схем, стихов, не вменявшихся в припасенный для этой цели чемодан внушительных размеров.

Фонды школьного музея «Боевой славы» пополнились ценными экспонатами. Установлена тесная связь с бывшими воинами частей, действовавших в период войны на Кандалакшском направлении.

ФОТО- СНИМКИ НИЖНЕ- ТАГИЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

публикуются на 1, 2, 3-й
страницах вкладки

СОЧИНЕНИЕ. Саша МАТРОСОВ (городская станция юных техников).

КОСМИЧЕСКАЯ МЕРА. Илья ХАФИЗУЛЛИН (фотостудия клуба юных техников НТМК).

ПРОИГРАЛИ. Илья ХАФИЗУЛЛИН (фотостудия клуба юных техников НТМК).

СЕСТРЕНКА. Игорь ШВЕДОВ (Дзержинский Дворец пионеров).

НА ПОСТУ. Коля МИТИН (Дзержинский Дворец пионеров).

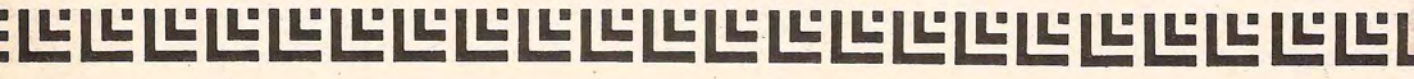
ЗАБИЯКИ. Костя ПОБЕРЕЖНЫЙ (Дзержинский Дворец пионеров).

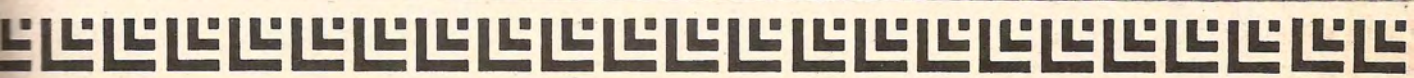

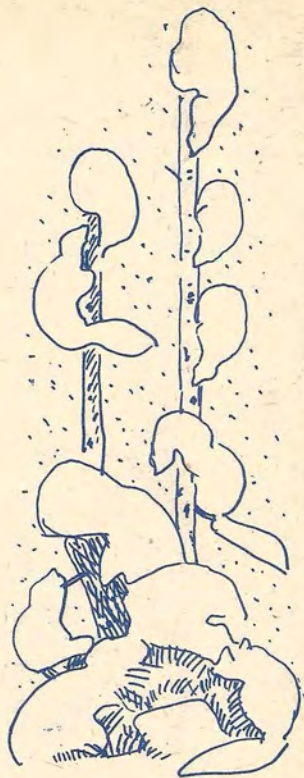

Сказка зимнего
леса

В МУЗГАРКИНОМ КРАЮ

Анатолий
ТУМБАСОВ

Рисунки
автора

«Ходит ветер по Студеной, намедает саженные сугробы снега, завывает в лесу, точно голодный волк. Избушка Елески совсем потонула в снегу. Торчит без малого одна труба, да вьется из нее синяя струйка дыму.

Воеет пурга уже две недели, две недели не выходит из своей избушки старик и все сидит над больной собакой...»

Эти строки из рассказа «Зимовье на Студеной» Д. Н. Мамина-Сибиряка, как и весь рассказ, я услышал впервые на уроке чтения еще в начальной школе, и он запомнился мне на всю жизнь. Даже на войне, в землянке при свете коптилки, сделанной из снарядной гильзы, иногда вдруг возникал в памяти образ старого охотника и собака Музгарко. Уроженец южноуральского поселка золотонка-телей, я все же ясно представлял себе тот суровый край, где даже речка называлась Студеной, а вокруг одинокого зимовья непроходимые болота и тайга, в которой жили медведи и волки, одолевавшие Елеску, и на десятки верст нет и намека на человеческое жильё. И все же я мечтал побывать там.

Прошли годы, и вот жизненные обстоятельства привели меня в северное Прикамье в бассейн реки Колвы, где, как можно понять из рассказа, и стояло зимовье Елеси-охотника. Вместе со мной путешествовал Георгий Николаевич Чагин, директор Чердынского краеведческого музея имени А. С. Пушкина.

Город Чердынь стоит на высоком берегу, на холмах, с которых далеко видны леса за рекой Колвой, Полюдов Камень, а в ясную погоду в дальней дали и очертания Уральских гор. А они то густо-синие, то размыты легкой дымкой в маревном дыхании земли.

Этот незабываемый пейзаж видел и Д. Н. Мамин-Сибиряк, когда в 1888 году приехал в Чердынь. Внизу река Колва. Она берет начало в северном Предуралье и, пробежав сотни верст по тайге, плавным разворотом подкатывает к Чердыни. На берегу ее в лесной деревушке Чалпан родился и жил Елеска. Но однажды в холерный год, рассказывает писатель, Елеска потерял всю семью и остался бобылем. А тут еще как-то его подмял на охоте медведь и крепко изуродовал. И когда Елеска поправился, то пошел в Чердынь искать место, либо какую работу. Богатые купцы предложили ему быть сторожем на зимовье.

«...Вся работа только зимой: встретить, да проводить обозы, а там гуляй себе целый год. Харч мы тебе будем давать, и одежду, и крипас всякий для охоты — поблизости от зимовья промышлять можешь. Одним словом, не жить тебе будет, а масленица», — обещали ему купцы.

Зимовье, узнал Елеска, на Студеной. На волоке с Колвы на Печору, то есть там, где с одной реки в другую суденышки можно перетащить волоком по суше. Место гиблое, глухомань и болота.

— Далеко, ваше степенство... — замылся Елеска. — Во все стороны от зимовья верст на сто жилья нет, а летом туда и не пройдешь.

— Уж это дело твое, выбирай из любых: дома голодать или на зимовье барином жить?»

Так и сказали с кривой усмешкой — «барином жить». Куда, мол, тебе бедняку еще податься.

«Подумал Елеска и согласился, а купцы высылали ему и харч и одежду только один год. Потом Елеска должен был покупать все на деньги от своей охоты и рыбной ловли на зимовье. Так он и жил в лесу. Год шел за годом...»

А купцы торговали, набивали мошну. В Чердыни стоят на берегу Колвы пузатые амбары, выстроившись в ряд, как пришельцы из прошлого века. Бойкая жизнь началась здесь по весне, когда, в ожидании парохода, купцы отпирали пудовые замки, распахивали двери, как черные пасти беззаконных амбарниц, и, подготавливая товары, выворачивали нутро кладовых наружу. А чердынский люд пестрой толпой высыпал на холмы встречать первый пароход.

в верховья Колвы — туда, где было зимовье. Это от Чердыни верст сто пятьдесят—двести.

Он показывался снизу. Сначала долго был виден черный столб дыма, а потом уж и пароход, шлепающий плечами торопливых колес. Шипящий и сверкающий медью, точно разгоряченный конь в богатой сбруе, пароход приставал к берегу, басовито оповещая прибытие. Заколвинские леса долго перекачивали зычное эхо первого гудка. Но Елеска в своем далеком зимовье не слышал его: между Чердыню и Студеной на сотни верст везде леса!

Вот и флюгер над двором купца Алина, скупщика пушнины, со значением: из жести вырезан бегущий олень. В какую сторону ни бежит он, поворачиваясь по ветру, все — в тайгу. Но не к Елеске — к нему и эхо не долетает, а весной и летом вовсе забывали о нем. Лишь с наступлением зимы вспоминали о зимовье.

«Выпавший снег все мысли старика сводил на обоз, который проходил по первопутку, когда вставали реки. Людей он только и видел один раз в году. Отрадой и радостью в его жизни был лишь верный понятливый и умный друг Музгарко. И на охоте не раз выручал, рискуя своей собачьей жизнью. И обоз вместе ждали они, вместе радовались его приходу. Музгарко отлично понимал каждое слово хозяина и при одном слове «обоз» смотрел вверх реки и радостно взвизгивал, точно хотел ответить, что вон, мол, откуда придет обоз-то, из-за мыса.»

Изменился край, Чердынь уже давно не купеческая, совсем другие люди живут. Лишь старый флюгер над бывшим алинским помещьем все еще указывает направление петра, и нередко в северную сторону, значит на Печору,

Зачердынские края — неохватное море тайги! Но надо ли считать версты и петлять по таежным дорогам, когда на картах уже давно пролегли прямые линии воздушных трасс. А самолет — что птица, ничем ему тайга, болота, ничем бездорожье. За каких-нибудь час-полтора мы перенеслись далеко в верховья Колвы. Проехав еще сколько-то на машине, я оказался вовсе близко к местам, где некогда стояло зимовье на Студеной.

... У спуска к реке стоял обоз. Не старики, не бородастые мужики в тулупах, а женщины, ребята и девчонки — школьники — сутились у подвод. На одних санях бочки с керосином, на другие укладывали продукты. Надя, кучер моей подводы, укрепила почтовую сумку к головке саней и, сдерживая гнедуху, толкалась коленями на мешках с сухиками. Лошади, почуяв дорогу, не стояли на месте.

— Может, не так ладно повезу — лошадь уронит, — стыдливо призналась Надя, натягивая вожжи побабьи неуклюже, но проворно. И тут же поввтересовалась:

— Далеко ли едете?

— Да слышали мы, где-то здесь раньше зимовье на Студеной было. Стариков-охотников хотим порасспросить... Может, расскажут — где?

А Надя, откинувшись назад, изо всех сил натягивала вожжи — подводы съезжали к реке. Спуск был крутой, лошади плохо слушались, пока не съехали и мало-помалу не разобрались друг за дружкой. Впереди пошла ретивая лошадка, задавая тон всему обозу. Конь хрупко уминали снег копытами, и сани неслышно катились по заснеженной ровнень с берегами Колве. Дорога, повторяя плавные изгибы реки, едва обозначалась на равнинно-белой, убаюканной метелями реке. Островерхние черные ели и пихты стояли по сторонам на страже тишины и покоя.

— Значит, на Студеную? — уточнила Надя, усаживаясь поудобнее в санях. — Да вроде какой речки вовсе нет, она только в рассказе про Музгарку.

— Почему же нет? Ведь то, что в рассказе написано про Колву, про Чердынь, — все правда, значит, и Студеная должна быть.

— В такую-то даль ехать, речку какую-то искать... Может, и зимовье-то поди сгнило, — сочувственно отозвалась Надя.

Я и сам не очень уверен в том, что найду Студеную и что зимовье там не сгнило за эти три четверти века... Но ведь все так же текут в Колву студёные северные речки, все так же шумит на их берегах вечно-зеленая тайга.

К вечеру подъехали к деревне Тиминской, что стоит на высоком правом берегу Колвы. В поисках ночлега зашел в школу. Как водится в деревне, она не закрыта, хотя никого нет. Собственно, вся-то школа — один класс: несколько парт и белесая от усердия поколений учеников доска. На стене список учеников первого и третьего классов, в большинстве Собянинных.

Я втиснулся за парту и представил, как, сидя вот так же, слушал в детстве рассказ «Зимовье на Студеной». Помню, в тот же вечер, придя домой из школы, я стал

читать его вслух, а когда дочитывал конец, голос мой задрожал. Кто-то из взрослых стал подтрунивать надо мной. Это обидело меня и раздосадовало, что взрослые не принимают печальную судьбу Елески и Музгарко так же близко к сердцу, как я.

Когда мы шли к учительнице, в домах уже горел свет. Валерия Павловна открыла ворота, и навстречу нам бросились сердитые лайки. Урезоненные хозяйкой, они сникли, но, все еще сердясь и обнюхивая нас, проводили до двери.

Хорошо вот так не вдруг, а после долгой дороги, очутиться в избе с полатами, с натопленной жарко печью, вышашей сытным хлебным духом! Учительница, более похожая на добрую крестьянку, поставила на стол разорванный в печи суп, откинула цельным пластом на блюдо творог и пригласила ужинать.

Под окном, завешенным пестрой ситцевой занавесочкой, вдруг словно бы пропел ребячий голос:

— Валерия Парна! Идите на собрание, — снег захрустел и вестовой исчез.

Валерию Павловну по совместительству хотели поставить продавцом и такой серьезный вопрос решили обсудить на общем собрании.

— Учила, учила варнаков, — круто заговорила Валерия Павловна, — а займется торговать — то растрата, то недостача. Не пойду я за молодых работать!

Однако, как ни есть, а сваты по торговой части из села Тулпан уже были, и она знала: не устоять ей от единодушной просьбы всех жителей. Я вспомнил Тулпан — большое село на Колве. Вокруг сопки, хвойные леса. «Тулпан-Чалпан...» — раздумывал я и поинтересовался:

— Это не бывшая деревня Чалпан, где родился Елеска? Тот самый, что жил потом на Студеной... — будто в их земляке, которого все знали, спрашивал я о Елеске.

Под окном снова захрустел снег, явился посланец постарше, и движок в этот вечер долго колотился на оклице деревни — электрический свет горел за полночь.

Утром, где-то часов в пять, уже топилась печь, шумно перемывалась картошка в ведрах, хлеб был раскатан...

— Согласилась принять магазин, — сказала Валерия Павловна, заметив, что мы проснулись.

Сказала она так, будто спрашивала: «Верно ли поступила?». Но тут же ответила со вздохом облегчения:

— Иначе не могла... За тридцать лет, пока учительскую в деревне, всякую работу перепробовала, и продавцом была!

Часам к восьми она управилась по хозяйству, сложила тетради стопкой и завязала в обыкновенный платок.

Мы вышли на улицу. Над горой, в легком морозце занималось утро. Ребята бежали в школу. За тридцать лет дети детей-учеников ее прошли через простую деревенскую школу.

— Здравьете, Валерия Парна. — Узнал я вчерашнего парнишку-вестового. Он шагал с портфелем. А сельская учительница Валерия Павловна в узелке несла проверенные тетради.

Начиная от Чердачанова вверх по Колве мы из чем

другом, как на лошадях, не проедешь в зимнее время. Летом еще можно по реке на «моторе». Но Колва, петляя, наматывает километров сто, а «горой», как называют здесь санный путь берегом, вдвое короче.

— О-о! Эстреб! — небрежно погоняет коня Ястреба Николай.

С Колвы дорога пошла в гору. Ястреб, выгнув спину и тяжело вздувая бока и напружинивая мышцы, кое-как тащил сани, проминая снег. Мы пешком поспедали за ними. Тяжелый подъем в гору возместился потом пологим длинным спуском. Хотя дорога была запорошена, однако сани легче скользили с горы и порой подталкивали коня. Он, вскидывая голову, мчал нас сквозь занесенную снегом тайгу. И только кое-где, прижимаясь к стволам великанов, стояли незаснеженные кедрки.

Деревня Сусай открылась враз, как только кончился лес, и мы выехали на реку. Несколько домишек Сусая напомнили мне деревушку из другого рассказа Мамина-Сибиряка — «Емеля-охотник». Домишки в Сусае, тоже, что избы в Тычках, выстроены без особого плана на берегу Колвы, будто рассыпаны из большой пригоршни.

Я спросил у Николая, не слышал ли он что-нибудь о Студеной? К сожалению, рассказ он не читал и речка такая для него ничего не значила. Ему, правда, известна Сурья, приток Колвы. Вполне возможно, что для остроты и образности рассказа писатель переделал Сурью на Студеную. Или же Студеную надо искать в сторону Печоры. Но, вспомнил я, пробираясь как-то с Колвы на Печору, записывал все речки, которые предстояло пересечь. Их перечислил мне слепой старик Никон Данилович Свирипов,

Вместо лыжных
палок — как
лыжи на оленьей
ноге

Охотник!
На груди —
лузан.
На ногах:
чулки ананые,
сукоты и
кожаные улитки

Талова

житель Петрецово, некогда ямщикивший на заброшенном теперь Якшинском тракте, Студеной там не было.

Деревня Сусай завьюжена, дома занесены вровень с крышами, прихлобучены с головой, что и труб не видно. Курятся лишь дымы из глубокой снежной воронки. Здесь зпору и подсмотреть что-то напоминающее Елескино зимовье. Вечер выдался холодный. Выяснило. Молодеющий месяц словно звенел на светлом и даже звонком небе, нацеливая острый конец в первую звезду. Огромный светящийся небосвод, серебряный месяц и яркая звезда — как предзнаменование белых ночей. Они зарождаются на севере Прикамья, а отсвет их, отраженный куполом высокого неба, распространяется далеко на юг, захватывая и Пермь. Словом, эти светлые вечера, как пролог весны света, когда незаметно расковываются снега и начинается великое пробуждение природы. За весной света наступает второй, наиболее бурный период — весна воды. А пока все ручейки и реки таятся под сугробами. Март в верховьях Колвы — зимний месяц.

Навстречу нам будто катились два розовых пряника, бежали голышами по снегу парнишки. Они были в таком счастливом возрасте, что стыдиться некого, а простуды не боялись.

Пробежав амбар, малыши-голыши скрылись в бане, курившей во все пазы щели жаром.

— Пацаны десятника Егора, — сказал Николай, — у него надо спросить лошадь до Талово.

Рано утром десятник шествовал по тропинкам, соединяющим дворы Сусая, наряжать ямщика. А конюх, Дорофея Анисимовна, расторопная и проворная женщина, уже запрягла сильного коня по кличке Греня. Наконец, как в старину, объявили:

— Лошадь подана, ямщик отряжен!

Но ямщик — не борода да рукавицы, а вчерашняя школьница Галя. Она сдерживала нетерпеливо настроенного коня вожжами. И когда чуть поослабила их, конь, уже почуввав седоков в розвальнях, так рванул с места, что едва не свернул прясла.

Дорогу изрядно запуржило ночью, и конь скоро поостыл. Мы ехали словно в траншее, рыхлый снег нависал с обеих сторон выше розвальней и нагребался в них.

Галя отпустила вожжи, и умаявшийся конь тащился, как мог. Сама она тоже устала, погоняя Греню, запарилась, и сбросила писанки, так здесь называют варежки, вязанные из цветной пряжи. Мастерство вязать, или писать, варежки и чулки узорами метляк, сорочья лапа, мысник, елочка, заимствованными у природы, передавалось из поколения в поколение и еще сохранилось в быту.

Казалось бы, зимний заснеженный лес — однообразная и скучная картина. А в самом деле это бесконечно длинная и неповторимая сказка. По тайге словно разбрелись белые медведи, разбежались соболя, чудища какие-то повсюду, на каждой выщерблине, в складке коры, на черных родинках белых берез, на сучьях и голых ветвях — комьями и комками снег. А на согбенных арками березах, перекинувшихся над дорогой, столько напластовано снегу — будто полотнища, на которых можно было бы написать: «Добро пожаловать! Въезжайте в сказку!» А иную арку-березу, донельзя угнетенную снегом, конь задевает

твой. Тогда, словно очнувшись, наддаст рывком, а потом снова тащится шагом, как в забытьи.

Начался удивительный, все завораживающий и усыпляющий снегопад. Лес отступил в пуржащем круговороте, дали заволокло, и мы не увидели с таловских полей Тулымский Камень, одно из звеньев в цепи Уральских гор.

Скоро въехали в деревню, так же убаюканную снегами. Внизу незамерзающий даже в лютые морозы ручей, либо речонка, впадающая в Колву и давшая название деревни — Талово.

Буря началась такой, что ни тропинок, ни дороги не видно. Кони лишь чутьем, памятью ли своей находят старую колею. За одной подводой пройдет вторая, третья — промгнет дорогу. Нет, не западет и не заглухнет путь в самую отдаленную деревню — Дий!

На перекладных пробирались мы в Дий и обратно. С разными ямщиками, так называют здесь кучера или возницу, встречались в дороге. Забытое слово «ямщик» словно всплывает из старины и бытует на верхней Колве наравне с современными.

Однако многие женщины за свой век никуда не ездили, а если и были, то только в Ныробе или Чердыни. Так жили здесь своими причудами, вот ехал я однажды с ямщиком Агапеей, на коне Линкор, она мне всю дорогу рассказывала о домовых и леших разные небылицы. Очень было смешно и больше над тем, что Агапья к поверью относится серьезно. А в деле все они, не только мужчины, но и женщины и ребята, проворны. Если запрягают коня, любю посмотреть, как затягивают, увертывают сырмятню упряжь, набадривают череседельником дугу, похлопывают коня, поправляют шлею... Куда там первоклассному шоферу такси — хлопнул дверцей и поехал.

Самый северный сельсовет Чердынского района — Черепаново. Деревня стоит на крутом, очень высоком берегу, и Колва видна из окошек далеко! Леса по склонам гор, теснящих Колву, словно в акварельных отмывах уходят в забураненную даль.

В Черепаново тридцать хозяйств, а в одном пятиэтажном доме в городе восемьдесят квартир — считай восемьдесят хозяйств, спрессованных тесно друг над дружкой. Из окна — окна, над крышей — крыша, и небо загорожено. А здесь?

— Рыба под окном, охота рядом, — рассказывает Николай Венедиктович Мисюрев. — Раньше-то вообще: рябчика много было. Теперь вот, чит был не березник, наклюется рябчик и пропадает, или яйца по весне в гнездах вымерзают — не стало рябчика. Белку собака брала на поезде, глухаря оказывала...

На охотничьем языке рассказывает Мисюрев о промысле зверя и птицы. Километрах в двадцати у него избышка в тайге и на расчищенном голом месте чамья — амбарчик на столбах, для хранения продуктов и шкурок от пакового зверя. В обыденном наречии охотников нет слова «убил», они говорят: добыл куницу, белку, рябчиков столько-то пар. Самостоятельно охотиться он стал с 15 лет, а с отцом помаленьку втягивался с десяти.

— Под Урал и за Урал ходили месяца на полтора, два. Четырех медведей убивал, — рассказывает охотник, разглаживая бороду и ветероблывая волосы.

Из окна мне видно баню, занесенную снегом, черный лес за рекой и горы — пейзаж напоминает природу в рассказе «Зимовье на Студеной». Давно был написан рассказ, и впервые он напечатан в 1892 году, а в Чердынь писатель приезжал в 1888 году.

— Вы не знаете речку Студеную? — спросил я у охотника.

— С Яшки на Чусовское озеро была Студенка, и перевозка стояла... А Студеную не слышал.

Да, Студеной, возможно, и нет вовсе. Но было зимовье, и много было в Чердынском краю охотников с подобной судьбой, как у Елески. «Отец промышлял охотой, и Елеска с ним еще мальчиком прошел всю Колву. Били они и рябчика, и белку, и куницу, и оленя, и медведя, — что попадет. Из дому уходили недели на две, на три».

Точно такое же рассказывали все охотники-старики, только с душевной жалобой на то, что птицы и зверя стало меньше. Даже в зимнем лесу отпечатки следов, какие могут оставить постоянные обитатели, почти не встречаются. Только однажды свежий и крупный след волка пересек нам дорогу в Дий. Это встревожило нас: увязался за санями пес, дурашливый и ласковый увальень. В общении с нами он проявил недолжное дружелюбие и все дальше и дальше убежал от деревни в лес и все больше и больше отставал. Мы беспокоились: вдруг снапает его волк!

Но вернемся к встрече с охотниками. Гаврило Максимович, один из первых поселенцев Дия, рассказывает, как основалась деревня:

— Приехал отец, дядя, племянники — Данила и Федор. У Федора пришли со службы сыновья Наум и Иван — тоже построились и стало шесть дворов — пошел род Собяниных.

Охотиться Гаврило Максимович начал с двенадцати лет и первый раз убил 50 пар рябчиков. Ружье было курковое, заряжалось с дула. Припасы и ружья доставляли через купцов в Чердыни. За пушшиной в Дий приезжал приказчик Шувалов. Белок, куниц, соболя увозил с собой, а рябков кто-нибудь доставлял в Чердынь. Получали муку, соль, крупу, товар...

Интересно было узнать, не пользовались ли охотники приметамы либо заговорами какими.

— Заговоров и примет не знал. Старанием да терпением добывал зверя и птицу, — тихим старческим голосом говорит он. — А вот медведя хитростью убивал. Устроил он берлогу — наставил в ряд бревен под обрывом, плотно, едва одна щель осталась. Я вырезал ивовый прут, нащупал медведя через щель, он цап! — удернул его. Дал медведю успокоиться, другой вырезал прут... Зверь его тоже удернул и смотрит одним глазом в щель: кто, дескать, его тревожит. Я и ударил...

Мне почему-то вспомнились добрые сказки о медведях... Но дед продолжал рассказывать, как добыл еще медведицу и медвежонка в берлоге под елью.

— Медведица-то шла напролом — дитя защищала...

«Надо же!» — негодовал я в душе, и не мог понять: жестокость это или удача — как считает сам охотник.

Чтобы отвлечься от охотничьей темы, я стал спрашивать о покосах и лугах, названия которых показались мне интересными: Полатна, Троедыра, Девятильник,

Мекитина Кулига, Выдерев исток, Крутое, Свизюхин мыс, Заячья пожинка, Егоркова пожня...

Память у деда, как и голубые глаза, была светлая. Назвал он и притоки Колвы. Вниз по течению: Меговая, Ямжач, Визья, Няризь, Буршер... Вверху — Сурья, Кысурья, Костина речка, Максина речка, Уйваш.

Опять упомянулась Сурья! А не слышал ли он о Студеной?

— Ключики-роднички называют Студенкой — знаю, а про Студеную речку не слышал...

Может быть, предположил я, речка Студеная со временем пересохла и остались от нее светлые, холодные ключики и роднички!

«Обоз пришел совершенно неожиданно. Старика больше всего паразило то, что Музгарко прокараулил дорогих, жданных гостей. Обыкновенно он чуял их, когда обоз еще был версты за две, а нынче не слышал. Он даже не выскочил на улицу, чтобы полаять на лошадей, а стыдливо спрятался под хозяйскую лавку и не подал голоса.

— Музгарко, да ты в уме ли? — удивлялся старик. — Проспал обоз... Ах, не хорошо!

Собака выползла из-под лавки, лизнула его в руку и опять скрылась: она чувствовала себя виноватой...

Обоз состоял воев из пятидесяти... На Печору чердынские купцы отправляли по первопутку хлеб, соль, разные харчи...

Музгарко заболел и с этих строк в рассказе начинают разворачиваться печальные события.

А собаки здешние, действительно, в одиночку или стаей всегда встречают незнакомца, облаивают лошадей. Бегают они на свободе, и, когда мы приехали в Дий, собаки окружили подводу, свирепо лаяли, а потом сцепились между собой и учинили настоящую свару. Вздывив шерсть на загривке, наморщив носы и оскалив зубы, озлобленные, они старались ухватить друг дружку, клацали зубами, свивались в клубок, взвизгивали, точно вскрикивая, пока не разбежались — кто укушен, а кто побежден. Но и после этого собаки не перестают горячиться, на лай отзывается тайга и дразнит их многократным эхом.

Собаки-лайки, которых так много во всех деревнях, заинтересовали меня, как некие предки по Музгаркиной ветви. Не сохранилась ли память о нем, хотя бы в кличках?

Но теперь собак кличут вполне по-современному: «Космос», «Спутник», «Уралко». И просто: «Ветерок», «Тайга», «Малина», «Охотник», «Думка», «Куфар», «Кушма»... Лишь в деревне Нюзим есть Музгар!

На Колве провожали русскую зиму! Весело, хмельно и празднично было в избах. От души провожали зимматушку. Всякий заезжий — гость, а гостя сажают в передний угол, оклеенный репродукциями из «Огонька», обложками журнала «Работница», картинками из журналов мод и всякими другими. Стол у Праксии Григорьевны покрыт новой клеенкой, пахнущей особым клеем или краской. На нее она расстилает клетчатую домотканую скатерть из покупных ниток, и ставит угощение. А когда

водружает на середину большую чашку, объявляет во всеуслышанье:

— Морошка!

Морошка! Мне никогда не приходилось пробовать морошки. Смородина и малина самая доступная ягода. Клюкву и бруснику потеснило Камское водохранилище, а до морошки я еще не добирался и смотрел на чашку с золотисто-желтым, неизвестным по вкусу хлебом в нетерпении. Но кто знал об этом: хозяева хлопотали и заботились угостить стопкой вина. И пока не перецокались, не перезнакомились не по первому разу, все шумели за столом.

А потом узнали соседи, от соседей — соседи, что приехали новые люди в деревню — и пошли гости. И дверь уже почти не притворялась: идут с угощением, идут с любезностью, идут поговорить.

Молодежи мало. Спрашиваем стариков и старух, где дети. Обычно о своих больших семьях почти все говорят примерно так: живут за Уралом, в Сибири, в Перме, по Березовой, в Чердыни — это уже ближе, а Платон в Тулпане — вовсе рядом. И все-таки при этом вздыхают.

Разговор заходит о старине, о вере, о старообрядцах... Но старообрядчество, как и всякая другая вера в бога, изживает себя, и беседа не клеится, зато про охоту и про стариков охотников, удачливых и злых, то есть особо добычливых, живущих еще в деревнях, рассказывают от души, советуют повидать их.

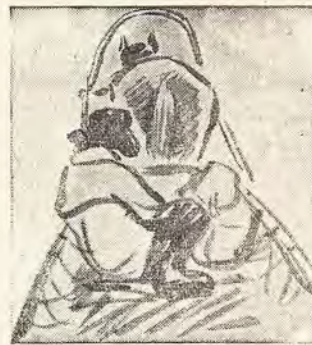
Наконец-то вспомнили про морошку — деликатес здешнего застолья. Подается команда:

— Угощайтесь морошкой, — в команде главным образом душевная щедрость. И со всех сторон потянулись руки. Большинство не из желанья, а из уважения к хозяевам отвели и положили ложки. Мне, как гостю, досталось сполна!

Об этой болотной вкусной ягоде рассказывают здесь, как о рассыпанном по земле кладе:

— Столько у нас морошки — ступить некуда... А вы бы видели, как она цветет...

Из разговора ясно: все, чем славен край, бывает летом! Зимы не любят. Про Студеную я больше не спрашиваю, смотрю и рисую зимовье колвинских деревень.

ЗЕМЛЯНИЙ ЭТЮД

Фото П. Деркача

Считаю долгом сообщить...

**Исай
БРАЙНИН**

Материалы для истории Курсов — так озаглавлена эта папка, одна из многих в архивном фонде Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов. Помимо прочих, любопытны тут документы, освещающие малоизвестную страничку биографии академика А. Е. Ферсмана.

2 декабря 1911 года директор Курсов С. Е. Савич сообщил попечителю Петербургского учебного округа, что «Совет профессоров С.-Петербургских высших женских курсов, в заседании 29 ноября с. г., по представлению физико-математического факультета, единогласно избрал окончившего Московский университет с дипломом первой степени бывшего сверхштатного ассистента при минералогическом кабинете Московского университета Александра Евгеньевича Ферсмана — преподавателем Курсов по кафедре минералогии»¹. (Заметим в скобках — по рекомендации В. И. Вернадского).

Директор просил попечителя учебного округа войти к министру просвещения с представлением об утверждении Ферсмана в этой должности.

Одновременно Савич сообщил Александру Евгеньевичу об этом решении Совета профессоров. В ответном письме Ферсман назвал «лестным» для него выбор преподавателем по кафедре минералогии.

Но министерство просвещения не спешило. 16 января 1912 года С. Е. Савич получил от Ферсмана письмо, в котором тот писал:

«Многоуважаемый Сергей Евгеньевич!

Благодарю за извещение часов лекций. Я хотел бы начать курс с 19 ян-

варя и вывесить соответственное объявление, но не знаю, как обстоит дело с министерским утверждением. Необходимо ли дожидаться официального извещения или же временно можно начать курс? Очень буду Вам благодарен за ответ.

*Готовый к услугам А. Ферсман»*¹

Рядом с этим письмом в деле подшита маленькая бумажка, по содержанию которой можно предположить, что это черновик ответа Ферсману. Не послан ли был ответ Ферсману? Это проясняется при ознакомлении с перепиской А. Е. Ферсмана с В. И. Вернадским. Вот что писал Александр Евгеньевич В. И. Вернадскому из Москвы 19 января 1912 года:

«Получил позавчера телеграмму от Савича, что пока все еще нет утверждения из Министерства и что ввиду этого необходимо отложить лекции. Таким образом, я остаюсь эту неделю в Москве и очень жалею, так как весенний семестр и без того очень короткий...»

Наконец, 18 февраля 1912 года последовал ответ из министерства просвещения. Товарищ министра В. Шевяков сообщал попечителю Петербургского учебного округа, что «за неимением окончившим курс императорского Московского университета Ферсманом ученой степени, установленной § 15-м Положения о С.-Петербургских высших женских курсах, Министерство не находит возможным утвердить Ферсмана в должности преподавателя Курсов».

Подоплека такого решения была ясна. Из Московского университета Ферсман ушел в знак протеста против реакционной политики царского правительства в области просвещения, и

¹ Ленинградский государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 113, оп. 1, д. 51, л. 116.

¹ Там же, л. 129.

оно отнюдь не было заинтересовано в том, чтобы усиливать и без того достававший ему немало беспокойства демократический дух, царивший на Бестужевских курсах.

На физико-математическом факультете отказ министерства утвердить Ферсмана преподавателем вызвал недоумение и возмущение. Профессора факультета предложили послать повторное аргументированное представление. Директор Курсов написал попечителю Петербургского учебного округа:

«По сему поводу считаю долгом сообщить Вашему превосходительству, что А. Е. Ферсман в ближайшем будущем заканчивает свой магистерский экзамен в Московском университете, задержка в коем произошла вследствие болезни профессора Московского университета Павлова; кроме того, диссертация г. Ферсмана на степень магистра в настоящее время совершенно готова и уже печатается в Записках императорской Академии наук. По имеющимся в факультете сведениям этот большой труд (30 печатных листов) составит в данной области знания крупное событие и вносит свет в одну из самых запутанных и трудных групп минерального царства, находившуюся до его работы в хаотическом состоянии и заброшенную исследователями. Из обширного списка научных работ А. Е. Ферсмана, при сем прилагаю, видна огромная работоспособность и производительность научного труда ученого, несмотря на его еще очень молодые годы (28 лет)...»

Прошел месяц. Молчание. Тогда начальству вновь посылается напоминание. Прошло еще полтора месяца. И лишь 19 мая 1912 года, почти через полгода после представления, Шевяков сообщил попечителю учебного округа, что министерство утверждает А. Е. Ферсмана «в должности преподавателя по минералогии и кристаллографии на С.-Петербургских высших женских курсах сроком на один год».

А. Е. Ферсман преподавал на Бестужевских курсах с 1912 до 1918 года — до слияния Курсов с Петроградским университетом.

Завод о девяти печках

Вилен
ДИЛЬМАН

Летом 1736 г. Башкирия была охвачена народным восстанием. В те кровавые дни царский сатрап И. Кириллов, командир Оренбургской экспедиции, отправился в южные районы Башкирии. 14 июля, прибыв со свитой в Табынск, он заложил там крепость. А через день, на правом берегу реки Белой, в двух верстах от Табынска, при впадении речки Шильвы (Воскресенки) было начато строительство завода о девяти печках. Устройство завода поручалось компаньону оренбургского купца Осокина Ивану Утятникову. По мнению И. Кириллова, завод через два года стал бы давать от 10 до 30 тысяч пудов чистой меди. («Донесение И. К. Кириллова в Кабинет министров в Петербурге от 16 июля 1736 года»).

На строительство завода Уральской берг-коллегией через Уфу было направлено 280 оброчных крестьян, всего царской казной на возведение завода израсходовано 565 рублей.

В 1738 г. строительство завода было завершено и произведены первые плавки меди из руды, доставленной гужом с Каргалинского рудника. Первый в Башкирии и на Южном Урале медеплавильный завод начал действовать.

Табынский завод играл двойную роль: с одной стороны стали использоваться несметные богатства Южного Урала, с другой — царское правительство стремилось постройкой заводов и крепостей закабалить вольных башкир. Притесняемые царизмом и местными феодалами башкиры не раз подымались против своих угнетателей. Крупным было башкирское восстание 1737—1739 годов, когда весной 1739 года Табынский медеплавильный завод был захвачен отрядом башкирских повстанцев и сожжен. И, так как царская казна была разо-

рена непрерывными войнами, правительство разрешило частным лицам вести горное дело в Башкирии и на Южном Урале. Восстановление сгоревшего Табынского завода взял на себя симбирский купец Иван Твердышев. Он обратился за разрешением к начальнику Оренбургского края И. И. Неплюеву о восстановлении при Табынске медеплавильного завода за свой счет. Но этому упорно препятствовали заводчик Демидов и купец Осокин. Разгорелась долголетняя война между уральскими воротилами. Лишь когда Твердышев принял на себя уплату денег, издержанных казной на постройку и содержание сгоревшего завода, и сделал уступку в поставке провианта для армии, Сенат 16 апреля 1774 г. утвердил за ним завод и разрешил возобновить производство. Твердышев выбрал для него более удобное место, на 90 верст южнее Табынска, недалеко от впадения реки Тор в Белую. Название завода и поселка было оставлено прежним. Твердышев за год закончил возведение завода, благодаря знанию горного дела и умению ладить с башкирами. Уже «за один 1745 год завод Табынский (Воскресенский) выплавил 12000 пудов штыковой меди» (Центральный государственный архив древних актов).

СТАРОЕ

Борис
ИВАНОВ

Рисунок
Е. Стерлиговой

Ума не приложу, откуда у моего Володьки страсть к лошадям. Мы живем в большом промышленном городе. Жена преподает иностранные языки, сам я тоже не связан с сельским хозяйством, разве что в войну подростком в глухой уральской деревушке за двести граммов ржаной муки летом пас колхозных овец, а зимой возил в обледеневшей бочке воду на скотный двор.

Старший сын Сережка еще в четвертом классе увлекся радио. Попался раз ему в руки старенький приемник «Рекорд». Дал я ему отвертку, пассатижи — сиди, ковырайся. Смотрю, уже записался в радиокружок при Дворце пионеров, в схемах, полупроводниках стал разбираться. Начадит бывало паяльником по всей квартире — хоть беги. Зачастили соседи:

— Сережа, посмотри — изображение у нашего телевизора чего-то барахлит...

— Нет ли у тебя, Серега, лампы «шесть-элка»? Перегорела.

Владимир посидит, посидит возле брата, позевает, да и утянется на конный двор, находившийся, как назло, поблизости от нашего дома. Возвращается он оттуда поздно вечером, весь пропахший лошадиным потом и сияющий, как красное солнышко.

Владимир в восьмом классе учился, когда в нашем микрорайоне стали готовить площадку для застройки. Сносили частные домишки, ломали вросшие в землю замшелые амбары из толстенных бревен. Владимир и подобрал в куче мусора старинное седло.

Увидев в обихоженной квартире этот живописнейший, в пыли и ржавчине, изъеденный молью и грызунами хлам, мать пришла в ужас:

— Убирай сейчас же... эту инфекцию!

— Мама! — взмолился сын. — Ты даже не представляешь, какая это шикарная штука. Его только немного подремонтировать...

— Слушать не хочу!.. Немедленно вынеси!

Сын впервые не подчинился. Закрылся в комнате, которую они занимали вдвоем со старшим братом, не вышел к ужину. Жена, то и дело поглядывая на запертую дверь, делала мне за столом красноречивые знаки: мол, скажи хоть ты свое слово. Но я решил пока не вмешиваться.

Утром, собираясь на завод, я спросил Владимира как бы между прочим:

СЕДЛО

— Что это ты опять придумал?

Сын загадочно улыбнулся, потянул меня за рукав. В комнате, занимая почти все пространство между кроватями, громоздилось большое, ладно сбитое древним умельцем кавалерийское седло. Несколько металлических деталей, начищенных до блеска, лежали рядом на полу.

— Гусарское! — объявил сын таким восторженным тоном, словно речь шла по меньшей мере о машине «Жигули». — Погляди, какая лука! — его длиннющие музыкальные пальцы мягко, любовно огладили верхнюю, самую неприглядную часть седла.

От седла так воняло псиной и прелой шерстью, что я попросил открыть окно. Затем посоветовал:

— Выбрось, подальше от греха. Или вон в палатку «Вторсырье» снес бы.

Но старое седло так и осталось в нашей квартире.

Правда, оно со временем неузнаваемо преобразилось. Во-первых, по настоянию матери оно прошло основательную санобработку в горячей ванне с дезинфицирующим раствором. Вечерами, когда мы все смотрели телевизор, Владимир усаживался в своей комнате на перевернутый табурет, клал на колени обрезок доски и, подражая, должно быть, шорнику с конного двора, принимался за работу. Что-то ушивал, приколачивал, прилащивал. Облезлую луку он проклеил несколькими слоями материи, просушил, опилил, покрыл нитроокраской. Выпросил у меня денег и купил у старьевщика выбракованной подошвенной кожи. «На подкрылки», — пояснил мне Владимир. И в самом деле, получилось отличное седло! Однажды, взвалив его на загорбок, наш дуралей побежал на конный двор, как он сказал, «поразмяться после умственного труда». Возвратился уже в сумерках. Отдуваясь, втаскивал тяжеленное седло на третий этаж...

Сделал я мальчишкам этажерку. Гляжу — Володька две полки уже занял конской сбруей. Здесь были сшитая им самим из кусков сыромятины уздечка, ременный кнут, выездные, из красного сукна, крестьянские вожжи. Тут же лежал и моток тонкой бечевы, искусно сплетенной из волоса — надергал из конских хвостов, не иначе.

— Это, папа, лассо.

— Какое еще «лассо»? Зачем тебе-то оно?

— Лошадей заарканивать. Вот поеду летом в деревню...

Начались летние каникулы. Другие в футбол играют, в турпоходы ходят, а наш младший собрался со студентами из педагогического института на сельскую стройку.

В конце августа Володя вернулся домой. Вытянулся, окреп на сельской работе. Выложил на стол заработанные деньги:

— Во-от! 250 рублей!

Сергей в институт московский поступил — как раз упаковывался, собирался в дорогу. Дважды пришлось этим летом сдавать ему экзамены — на аттестат и вступительные, — не успел подзаработать. Владимир отсчитал пятьдесят рублей, протянул ему, как старший младшему:

— Это тебе, студент, на штаны.

И вообще стал он теперь более самостоятельным в суждениях, юмор в разговоре все чаще мешался у него с иронией. С ним происходило то, что именуется ломкой характера.

...В девятом классе Владимир подружился с девочкой-одноклассницей. Худенькая такая, застенчивая. Глаза на особинку: синие-синие, то польхнут, то обдадут мягким светом... Походила-походила, а потом ее что-то не стало видно. Владимир — ни слова. Повстречал я однажды ее в магазине, поинтересовался деликатно:

— Ты что это, Оленька, не заходишь к нам?

Оленька глаз не показала — водила носком туфельки по полу. Наконец призналась:

— Скучно с вашим Володей. Он только все про своих лошадей...

Вот тут-то я впервые по-настоящему задумался над странным увлечением сына. Ведь теперь атомный век, теперь не то что в городе — в деревне лошади не при деле: крестьяне и пашут, и сеют, и скот выхаживают, и навоз убирают — все делают с помощью машин.

Пытались мы с матерью как-то объяснить это сыну — он в обиду: мол, ничего вы не понимаете в коневодстве. Подружился с неким Альбертом Николаевичем, работником областного сельхозуправления, который имел какое-то отношение к коневодству. Видел я этого Альберта Николаевича, он в соседнем доме живет: благообразный такой, борода клинышком. Стал Володька

засиживаться у него по вечерам, книги по сельскому хозяйству от него приносить, а в разговорах все только и слышим: Альберт Николаевич да Альберт Николаевич.

На летние каникулы увез он Володьку с собой в конесовхоз, устроил на временную работу конюхом. Подумать только: мой сын — конюх! Ну, ладно, пусть поработает, решили мы с женой.

Поначалу вроде бы Володька понравился старшему конюху Платонычу, тот даже на квартиру его к себе определил: дом большой, что им вдвоем-то со старухой. Зарплату Володьке определили 70 рублей, но он и задаром готов был выполнять самую грязную работу, только бы находиться в этом лошадином храме, с высокими, тщательно пробеленными стенами! Холить, чистить до блеска, расчесывать гривы, упиваться залившимся ржанием горячих, бьющих копытами в деревянный настил жеребчиков, ласкать, поглаживая за холки, нежногубых кобылиц... Немного погодя Платоныч доверил ему выводку племенного, со свисающей до земли черной гривой широкогрудого жеребца Додона...

Но скоро начались между ними — Володькой и Платонычем — трения. Не понравилось Платонычу, что Володька во всякое дело стал соваться.

— ...Не сыпь, не сыпь по полной, — ворчал на него конюх, вытирая ситцевым бабыим платком широкое безбровое лицо.

— Жеребым положено по два килограмма, — возразил Владимир, показывая на вешенный в проходе старшим зоотехником суточный рацион.

— Мало что положено. Дай-кось...

Приняв в шершавую, как неструганная доска, ладонь жестяную мерку, конюх сам принимался разносить овес по кормушкам.

Однажды на рассвете Владимир запнулся спросонья в сенках Платонычева дома о приставленный к деревянному ларю мешок с зерном. Бросилась ему в глаза сморщенная синяя заплатка на устье. А тут как раз Платоныча послали в город за медикаментами. Собираясь, старик на-

греб в фуражный мешок овса, затолкал в передок, под сиденье.

Владимир выставлял на телегу порожние бутылки. Утыкая их соломой, увидел на мешке знакомую заплату. Неужели?.. Не хотелось плохое думать о Платоныче. Но не удержался, высказался вслух.

Когда вечером пришел домой, калитка была заперта. Володя стал стучаться. Забрехал, заметался по ограде кобель. Старик вышел на крыльцо. Потоптался в валенках, дохнул табачищем в притихшую темень:

— А у нас все дома, — и выбросил за калитку Володькины вещички.

Запахнул тот болоньевую куртку, зашагал к огням на конюшне. Забрался в свободный донник, заснул в яслях. Там его и обнаружил утром ветеринар. Что делать с подростком? Дали расчет, отправили на попутной в город.

Выслушав его горестный рассказ, мы с женой, не сговариваясь, подумали одно: вот и понюхал настоящей жизни наш Володька, поработал конюхом! Теперь забудет про своих лошадей.

А он не забыл.

Отдохнув недельку, посоветовавшись все с тем же Альбертом Николаевичем, поехал на другой конный завод. Табунщиком. Пасли с пацаненком, из местных, девяносто голов молодняка. Возвратился, как из дальнего плавания: на вытянувшемся лице с прокаленной кожей одни скулы да нос. Привез немного денег, деревенских гостинцев: килограмма два белых грибов — сам насушил, — да алюминиевый бидончик свежей черемухи. Прихватил и справку с круглой печатью, с размашистым директорским крючком, в которой значилось, что мой Владимир «ходил за жеребятами исправно, не прогуливал...»

В квартире все уже спали, я дочитывал газеты. Сын, подсев на тахту, хриплым, ломающимся голосом поведал о выношенном в деревне решении: кончит школу и подаст заявление в сельскохозяйственный, на зоотехнический факультет...

Книга школьного музея

На берегу Северной Двины стоит старинное русское село Красноборск. Средняя школа в селе — тоже старинная. Ей 125 лет.

Уже несколько поколений учащихся под руководством учителя истории Сергея Ивановича Туницына любовно пестуют созданный ими краеведческий музей. Он состоит из четырех отделов. В первом представлена природа Красноборского райо-

на Архангельской области. Второй рассказывает о культурной и экономической жизни района за годы Советской власти. В третьем идет речь об историческом прошлом Красноборска, о его прославленных земляках — художниках А. А. Борисове и Н. Г. Бекрешеве, ваятеле Самсоне Суханове, землепроходцах Гусельниковых. В комнате боевой славы, четвертом отделе школьного музея, —

материалы об участниках гражданской и Великой Отечественной войн, о выпускниках школы — фронтовиках.

Краеведческий музей школы издал в Северо-Западном книжном издательстве брошюру «Наши славные земляки». В работе над книгой, сборе для нее материала принимали участие юные краеведы. На ее издание пошлн средства, полученные от сбора металлолома.

Книга как бы подводит итог многолетней увлекательной работы следопытов.

С. ПОПОВ

ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ВСЕ

**Георгий
ТРЕЙЛИБ**

*Фото
автора*

Взгляните — стул и столик: тонкие гнутые трубки, никель, плексиглас. Изящно, удобно, прочно. Сделано без единого прикосновения рук.

Крохотный электромоторчик от настольного вентилятора. Разбирался до последнего винтика. Перемотаны катушки статора. Заменены подшипники. Смазан, собран, работает. Однако рука человека никакого участия в ремонте не принимала.

Рукописная страница. Буквы ровные, разборчивые. Но и тут не рука водила пером.

Вы — в цирке. Здесь всегда праздник: арена убрана яркими коврами, залита светом, звучит оркестр. И начинается представление: силовые акробаты, турнисты, клоунада, дрессированные собачки. Лихие наездники-джигиты, мчась галопом, стреляют в цель, перескакивают с одной лошади на другую, сражаются на саблях. А самый удалой пролезает под брюхом скачущего во весь опор вороного...

Нет, не заскучаешь, не задремлешь в цирке.

Объявляется следующий номер:

— Оригинальный жанр. Выступает заслуженный артист Грузинской республики Сандро Да-Деш!

Бравурный марш, и он появляется на арене. Высокий, стройный. В черном цилиндре и черной мантии на белоснежной подкладке.

Изысканный поклон. Снятый цилиндр, описав дугу, летит к далекому стоящему ассистенту.

Актёр садится за столик. Поправляет расческой волосы. Просматривает меню. Листает журнал... Ах, вон оно что: все свои действия, полные изящества и ритмики, он совершает... ногами.

«Позвольте, да разве такое возможно?» — размышляете вы.

А он спокойно одной ногой берет со стола напиток, другой — штопор. Откупоривает бутылку. Наполняет фужер.

Артист снимает с ноги наручные часы на ремешке. Смотрит время. Заводит пружину. Прикладывает к уху: идут ли? Достает папиросу, спички. Чиркнул, прикурил. Спичечную коробку щелчком отправляет к ассистенту.

Из верхнего кармана актер вынимает очки, протирает платочком, надевает. Заметив, что ассистенту не удастся заточить карандаш, берет из его рук медицинский скальпель и затачивает сам. Высоко подбросив карандаш и поймав его, расписывается на небольших листочках. Подходит к мольберту с натянутым на подрамник полотном. Берет уголек, несколько штрихов, и портрет-шарж ставшего в позу комика готов. Очень похоже, публика смеется.

Сколько пластики и грации в каждом жесте, повороте!

Ассистент ставит специальную мишень. В ней горит свеча, и пламя служит «яблочком». Сейчас принесут винтовку. Как бы в нетерпении, артист отчетливо и громко щелкает пальцем о палец.

Прицел. Выстрел. Пламя свечи сбито. И когда брошенная ассистенту винтовка, дымя ствол, выплывает в воздухе полукруг — взрыв аплодисментов.

«Под шумок» расшалившийся клоун похищает у направляющегося к выходу артиста платочек. Но вынужден возратить, потому что пойман с поличным и взят ногою... за ухо.

Еще и еще раз аплодисменты вызывают Сандро Да-Деша на арену.

А его настоящее имя — Александр Александрович Дадешкелиани. Он — художник, ювелир, слесарь, столяр. Он совершенно самостоятельно стачает сапоги, подстрелил птицу на лету, поведет автомобиль. И все это без рук, их никогда не было. От рождения. Есть только бездействующие протезы.

В семье было пятеро детей — три девочки и два мальчика. Отец, Александр Бекербеевич, — грузин. Мать, Екатерина Николаевна, — поляка. До революции отец пробивался случайными заработками, с установлением Советской власти занимал небольшие должности в различных конторах и организациях. Место жительства — Тбилиси.

Сандро был самый младший.

Все едят сами, а его кормят с ложки:

— Почему меня кормят? Почему? И со слезами понял — почему. И не смирился.

Пальцы ног не хотят повиноваться. Все-то из них валится. Но это только первые двести — триста раз. Сидя на полу, мальчик держит ложку ногою, ест воображаемый суп из воображаемой миски. Орудует вилок. И до тех пор, пока правая нога не заболела от перенапряжения. Тогда Сандро начинает тренировку левой...

Соседки удивляются настойчивости ребенка и заодно, считая его несмышленышем, при нем же оплакивают его будущее:

— Не видать бедняжке школы: без рук не попишешь, да и мальчишки будут обижать. Кем же он, взрослый, будет? Так, читать-считать немножко наловчится, и в киоск — продавать папиросы. Ему все принесут, удобно разложат, он будет только смотреть, чтобы лишнего не брали и деньги полностью платили.

— Нет-нет! — говорит Сандро. — Я не пойду в киоск. Я все буду делать ногами, и лучше всех!..

Вот уже брат считает возможным вступить с ним в игру: кто больше и скорей нарисует солдатиков. Братишка рукой, Сандро — ногой, и у него выходит в три раза медленнее. Малыш не выдерживает:

— Ты хитрый! Хочешь, чтобы твои солдатики побили моих!..

И горькие, горькие слезы.

А время бежит. Сверстники Сандро играют в орешки, вращая и подбрасывая их. Обождите, скоро появится новый игрок. Он будет лучшим из вас, а пока он тренируется в углу заброшенного сарая.

Кто дальше и выше прыгнет? — Сандро. Кто всех бесстрашней мчался на коне, когда были в гостях у красноармейцев? — Сандро.

— Я уже большой. Покупайте мне книжки, тетрадки, карандаши. Я буду учиться в школе, — говорит он родителям.

— Не возьмут тебя, сынок...

— Не могу, веришь, не могу принять! — говорит отцу Сандро директор грузинской школы. — Няньку с ним посылать не будешь? Нет? А мы не можем создать условия...

Директор русской школы тоже отказывает.

Отзвенел первый звонок. Расселись и утихли первоклашки:

— Дети, — окинула их взором молоденькая учительница, — меня зовут Эльза Карловна. Все в нашей школе — русские, грузины, осетины, — все до единого будут учиться на немецком языке... А ты, мальчик, кажется, не записывался?

— Я сам пришел. Я все равно буду учиться. Я не уйду, вы меня не прогоните. Я умею читать, писать, рисовать!..

— Как тебя зовут?

— Сандро Дадешкелиани.

И снова времечко бежит:

— Сынок, ты уже в третьем клас-

се. Все тобой довольны. А ты целыми днями какие-то крючочки и кружочки пишешь. Сходил поиграл бы с ребятами.

— Нет, мама. Я все еще не могу по-настоящему писать с нажимом...

Редкий случай — в Тбилиси выпал снег. Играя в снежки, визжат девочки, ликуют мальчишки. А как быть Сандро, ведь на ногах ботинки? Снять, оставить на балкончике — и на улицу. Босиком в самой гуще сражения шлет Сандро свои снежки в неприятельскую сторону. Часа полтора продолжается баталия. Вдруг из подворотни вывертываются двое, почти взрослые:

— Держи босоногого! Это он вчера дразнился. Лупи чертенка!

Били долго и безжалостно.

Плакала мать, растирая одеколоном озябшие сыновьи ноги, делая примочки на синяки и кровоподтеки. Плакал и сын: сбывшись предсказания взрослых — его бьют, он никого не дразнил, бьют за то, что беспомощен.

Нет! Лучше умереть...

Два дня ни с кем не разговаривал, не ел и почти не поднимался с постели. Приходили ребята, навестила учительница. Не сокрушалась, не утешала. Оставила два билета в цирк. И отец уговорил-таки пойти на представление.

В кино Сандро уже бывал, и много раз. Но цирк... Особенно запомнился факир То-Рама. Он протыкал себе длинными блестящими иглами руки, шею, и ему не было больно, и кровь не текла. Безоружный, входил в клетку ко льву и одним лишь взглядом заставлял разъяренного зверя прижаться к задней стенке, смириться. То-Рама делал с собою все, что хотел: останавливал сердце и казался мертвым — прощупать пульс не удавалось даже врачам. Одну или несколько мышц — по заказу — мог заставить отчетливо выделиться на теле... А был он когда-то хиленьким мальчонкой и достиг всего благодаря настойчивости и специальным упражнениям.

— Я тоже буду То-Рама! — идя домой, говорил отцу Сандро.

И почти каждый день стал запирается в сарае со своим теперь уже совсем повзрослевшим братом.

— Ты бей меня! — доносится голос

Сандро из сарая. — Я сказал себе, мне не больно. Налетай! Ага, упал от подножки. Размахнись, ударь. Еще ударь. Я присел, ты промахнулся... Теперь держись!..

Тренировки продолжают. Брат же приходит не один, а со своим товарищем.

— Налетайте! — вновь слышится из сарая...

А как-то встретились те двое. Один смылнулся:

— Опять попался?! — и кинулся на мальчишку.

Но Сандро ударом головы сшиб тулигана с ног, а второй перетрусил, замыгнул в переулочек, перемахнул высоченную стену.

Весть о победе разнеслась мгновенно, и больше никто никогда в городе не посмел обидеть Сандро Дадешкелиани.

...Высокий мост над Курюю-рекой. На нем — шумливая ватага подростков лет по тринадцати. Безрукий шаренек что-то рассказывает и вместе со всеми смеется. Но вот он вскочил на перила, немного постоял и ринулся в волны вниз головой.

Сандро уже научился плавать.

Осенью 1925 года в Грузию приезжает нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. Посещает он и сто седьмую школу города Тбилиси, где преподавание ведется на немецком языке — дело по тем временам новое и редкое.

Просматривая письменные работы, он обращает внимание на красивый почерк, бойкость и грамотность изложения одного из пятиклассников:

— Счастливое сочетание, — улыбается, говорит нарком, — эрудит и грамматик. Парнишка, наверное, еще и Цицерон?

Приглашенный широкоплечий и кареглазый подросток четко и остроумно отвечает на вопросы по-русски и по-немецки.

Вдруг, оглядывая мальчика, как бы не доверяя оптике, нарком снимает пенсне, протирает его, снова водворяет на переносицу: нет, не обман зрения — у мальчика нет рук...

Луначарский предлагает сделать парту, удобную для письма ногою. Сандро отказывается:

— Я хочу сидеть, как все. Благодарю вас, Анатолий Васильевич...

Окончены восемь классов. Учиться

бы дальше, но дома нехватки, надо работать. Кем и где? Долго бродит, спрашивает. Кое-как устроился в механическую мастерскую зуборезчиком. Только освоил станок — вернулся из отпуска главный инженер. Он категорически возразил против работы Сандро на станке.

Снова поиски места. Берут полировщиком на мебельную фабрику. Работа вроде бы интересная: марлевый тампон окунаешь в политуру и круговыми движениями, слегка касаясь поверхности, постепенно наводишь глянцевый на изделие. Если все удачно, смотреться можно, как в зеркало. Но политура иногда местами «пригорает», получаются шероховатости. Надо вовремя замечать пригары и растирать их керосином.

Принимали с неохотой, с большим испытательным сроком, а потом не отпустили:

— Как, уходит лучший полировщик? Во что бы то ни стало удерживать. Создать условия! Повысить расценки!

Но Сандро все-таки уходит, и вот почему.

Однажды на водной станции шли соревнования по плаванию. Кто-то из посторонних пристроился на левом фланге, кинулся в воду и поплыл вместе со всеми. Да так поплыл, что обогнал соперников и первым закончил дистанцию.

— Беги, выясни фамилию! — кричит судья своему помощнику.

— Я и так его знаю: это Сандро Дадешкелиани, — ответил помощник. — Готовь ему первый приз!..

Еще были заплывы — лидер тот же. Сверх программы состязаются в нырянии. И тут Сандро одерживает победу.

И если после этого к тебе обращается сам председатель общества спасения на водах и приглашает работать матросом — откажешься ли от такого заманчивого предложения?

Идет Сандро по улице морской походочкой на восхищение детворе и зависть сверстникам. Бескозырка, брюки клеш, тельняшка. На плечах, внакидку, — белый, хрустящий от крахмала китель.

В то лето — две, потом три и, наконец, девять благодарностей от незадачливых купальщиков-тбилисцев.

Спасали обычно вдвоем. Сандро бросается в воду, отыскивает там утопающего и доставляет его к лодке. Товарищ принимает спасаемого, Сандро помогает. А сам потом — зацепился подбородком за борт, усилие — и в лодке.

Между прочим, утопающий не только за соломинку хватается, но и за того, кто его спасает. Того и гляди, чтобы обоим на дне не упокоиться. Несмотря на четко разработанную технику безопасности, Сандро дважды за сезон попадал в такой переплет, но сумел справиться и людей спасти.

Все хорошо, но служба эта временная, осенью матросов рассчитывают.

Фабрика игрушек. Она огромная-огромная. На радость малышам делается здесь «конструкторы», автомобили, лошадки, бабочек, жучков.

Вначале Сандро — в малярном цехе. Потом переходит в штамповочный: — Кляц! Кляц! — выстукивают прессы.

Только знай — подавай заготовки.

Однажды, перед уходом домой, заглядывает Сандро к токарям, упрашивает знакомого парня дать поработать на станке. Придвигает какую-то тумбу, ставит на нее табуретку, усаживается поудобнее, включает станок. И, кажется, крепко держит стамеску, но, споткнувшись о сучок и взывав, она вырывается, со свистом пролетает возле головы.

— На сегодня хватит! — поблел перепуганный парень и вытащил глупо засевшую в стену стамеску. — Отвечать за тебя не желаю.

И все-таки научил: через полмесяца многие детали, выточенные Сандро, ничем не отличались от тех, что изготовлены его наставником. Но вот за работой его застаёт начальник цеха. Парню обещает выговор за то, что допустил к станку постороннего, а Сандро хочет выгнать из токарной. Однако, полюбившись изделиями, гнев сменяет на милость:

— Выходи завтра вон на тот запасной станок: нам план увеличили...

Не работа — удовольствие: брызжут стружки из-под стамески, растет гора деталей, их так приятно складывать на верстак, они теплые и скользкие от шлифовки.

Но постоял как-то за спиной Сандро усатый инспектор по технике безопасности и решил неумолимо: опасно.

Уволился Сандро.

На лесосплаве — «не опасно». Какой-то делец, похоже из мелких частников, которые еще водились тогда, нанял Сандро и подюжины других сорванцов ловить бревна, плывущие по бурной и холодной реке Рион.

Тонкий трос с небольшим багром на конце привязан к столбу. Сандро подплывает к проносящемуся на гребне волн бревну, втыкает в него багор, увертывается от ударов, когда бревно разворачивается, вылезает на сушу и подтягивает добычу к берегу, словно шуку на удочке.

В горах — палаточный городок геологразведочной партии. Оставив лесосплав, Сандро поступает сюда завхозом.

...Подведя лошадь к высокому складскому крыльцу, юный завхоз ногою набрасывает седло, подтягивает подпруги, приторачивает переметные сумы и — в город, на базу за продуктами.

Вечерами кто читает книжку, кто на мандолине тренькает, а Сандро делает акварельные наброски. Их десятки: палатки, горы, заходящее солнце, люди, лошадка. Каждый геолог по рисунку-другому получил на память. И всякий хвалит. Молчит лишь начальник. Но однажды заговорил и он.

— Вчера был в Тбилиси, рассказывал о тебе в академии художеств. Показывал твои вещи — страшно заинтересовались. Если тебя возьмут, подыши, пожалуйста, замену. А завхоз ты замечательный. Скучать без тебя будем...

На заявлении в академию — резолюция: «Ввиду исключительного случая, принять без испытаний. Обязать в ближайшее время одновременно с обучением в академии получить среднее образование».

Окончена вечерняя средняя школа. Теперь — только графика, живопись, диалектический материализм, пластическая анатомия и еще с десятком-полтора специальных и неспециальных предметов.

А стипендия невелика. Не приработаешь, не проживешь. Поэтому, не заходя домой, прямо с занятий —

в городской гараж наводить косметику кузовам отремонтированных грузовиков...

Один из основных его учителей — известнейший график академик Шарле Мань. Как-то в преподавательской Мань устроил нечто вроде персональной выставки работ своего ученика:

— Обратите внимание, уважаемые коллеги, на выразительность и смелость рисунка! — просит художник, прикалывая к стене листы ватмана. — Вот, например, «Вид из окна». Даже как-то не верится, что такое можно сделать карандашом: сколько здесь света и солнца! И, между прочим, Сандро вовсе не пользуется резинкой...

— Он и у меня ярок и своеобразен, — говорит другой учитель-академик, впоследствии пятикратный лауреат Государственной премии живописец Мосе Тоидзе. — Особенно сочны у Дадешкелиани его последние этюды: «Набережная», «Голова девушки», «У ручья».

Внешне кажется, что учеба шутя дается Сандро. А на самом деле, чтобы карандаш и кисть были послушны, дома приходится делать тысячи эскизов, выполнять десятки самим же выработанных упражнений для пальцев и ступней.

Зачеты, экзамены. Спать удается два-три часа в сутки.

Хватит ли здоровья, выдержит ли организм? Чувствуется общая слабость, устали глаза.

Но самое трудное, кажется, уже позади. Через год выпускнику графического факультета будет присвоено звание художника широкого профиля. Поговаривают, что для совершенствования таланта пошлют в Италию. Разумеется, если ничего непредвиденного не случится.

Но непредвиденное случилось:

— Нужен длительный отдых, — сказали врачи, — необходимо прервать учебу, иначе зрение будет потеряно...

Однажды, удрученный болезнью и вынужденным ничегонеделанием, молодой художник сидит в кафе и пьет горький черный кофе. Приезжий артист видит, что за соседним столиком интересный парень держит свою чашку... ногою. Свободно, спокойно, красиво. Никакого напряжения.

Приезжий знакомится с Сандро.

— Хотите работать на эстраде? — как-то спросил он. — Пишите в Москву. Вот адрес.

Ответ пришел скоро: немедленно приезжайте.

Продано все. Оставлены лишь часы — академическая премия.

Приобретен билет.

Москва.

На лучших столичных сценах выступали тогда еще молодые мастера эстрады Леонид Утесов, Аркадий Райкин, Смирнов-Сокольский, Клавдия Шульженко. Конечно, работать в таком талантливом окружении для новичка поучительно и лестно.

Приглашают в цирк. Начались гастроли по стране.

Война. Сверхметкий снайпер, он еще в финскую кампанию просился на фронт и мог бы сейчас взять винтовку или прилечь у пулемета. Но приказ: эвакуироваться из Минска в Куйбышев.

Здесь формируется военно-шефская бригада. Ее основа — заслуженные артисты Республики Владимир Дуров, Гаджи Курбанов, Леон Танти, сестры Кох.

Ржев, Подмосковье.

На Волоколамском направлении фашисты осатанело бомбят. Наши отходят на более укрепленные позиции.

Военный без знаков отличия на гимнастерке сбит взрывной волной, оглушен. Но поднимается. Навстречу ему — грузовик. Человек, прихрамывая, идет на машину и та останавливается. Тогда человек подпрыгивает, повисает подбородком на высоком борту, забрасывает ногу, рывок — и в кузове.

Сдан в госпиталь в бессознательном состоянии.

Выписался раньше срока. И снова в строю. Снова гастроли. Теперь, главным образом, в госпиталях.

Сегодня было двадцать пять выступлений.

— Рядом, — обращается главный врач, — два тяжело раненных бойца. Не сможете ли побывать у них?

Как откажешь! А через час еще одно выступление — в цирке, двадцать седьмое за день...

В Свердловске девятнадцатилетнего минера, потерявшего обе руки на фронте, перевели на первый этаж

госпиталя, чтобы не выбросился в окно. Третьи сутки не прикасаются к воде и пище.

Смотреть выездное представление он не желает и вообще никого не хочет видеть. Входит артист:

— Здорово, товарищ!..

Молчание. Артист снимает ботинки. Достает ногою из верхнего кармана платок, вытирает им вспотевшее лицо, ногою же вынимает папиросы, ногою зажигает спичку, прикуривает, угощает хозяина. Однако все старания напрасны.

Не близкий путь от цирка до госпиталя. Осень, слякоть, ветер. Но артист снова здесь. День, другой, третий. И, наконец, заботливо провозжая усталого артиста, улыбается врач, улыбается минер. Сделано большое дело: раненый поверил в себя, человек будет жить!..

В Ашхабаде в госпитальной палате — семь бывших бойцов и все без обеих рук. Настроение мрачное.

— Вас зовут Петя? — спрашивает вошедший безрукий артист. — Будем писать ногою. Карандаш берется между большим и указательным пальцами. Так... Пусть он выпадает, не хочет слушаться, и пальцам без привычки больно, но мы будем настойчивы. Неровно, крупно, однако терпение, еще раз терпение. Вот... Кое-что вырисовывается. Смотрите, уже получается: «Петя».

В следующий раз все семеро в палате, словно первоклассники, усевшись в ряд, старательно выводят: «Федя», «Гриша», «папа», «мама». А буквы с каждым днем все ровнее и мельче.

Ногою, оказывается, и книжные страницы можно листать, и кружку соседу подать, и постель заправить. И чем дальше, тем больше успехов. Однажды: шум, крик, ликование. Сбежался весь корпус: Петя и еще один товарищ самостоятельно зажгли ногой по спичке и прикурили от них!

Через год Петя прислал «собственноручное» письмо. Пишет, что многое для себя и по хозяйству делает ногами. Благодарит за все. Почерку, правда, далековато до образцового, но читать можно.

И всюду, где в труднейшее и сложнейшее военное время появлялся необычный актер, павшие духом заражались от него оптимизмом, заново познавали себя и возвращались в жизнь...

Работать в цирке не только увлекательно, но и трудно.

Не зря акробаты и все выполняющие силовые номера пользуются правом выхода на пенсию в пятьдесят лет, то есть приравнены к тем, кто трудится в горячих цехах или во вредных условиях. И вообще в цирке все не так просто. Если, скажем,

эквилибрист не будет почти беспрерывно тренироваться в ходьбе по проволоке, а фокусник совершать свои манипуляции, они сразу же и непременно осрамятся перед публикой. Счастливого исключения не составляет и артист оригинального жанра Сандро Да-Деш: труд и еще раз труд. Повседневный, длительный, напряженный, самозабвенный и творческий. Тот самый труд, в результате которого рождается искусство.

Сандро на арене и лихой барабанщик, успевающий жонглировать своими палочками. Он и парикмахер. Он и веселый плотник-столяр: пилит дощечки, строгают, сколачивает ящики. Он и сказочный грум, подающий на раззолоченных подносах питья и яства своему глуповатому владыке...

Очередное выступление, как всегда, прошло блестяще. Перестань, Сандро, так часто и жадно дышать. Сердце колотится, лицо вспотевшее, потемневшее. Выходил на арену ведь тысячи раз, не пора ли привыкнуть, нельзя ли поспокойнее? Как видно, нельзя. И тот не актер, кто не волнуется.

В домашней обстановке Александр Александрович бреется сам опасной и безопасной бритвами. Бреет других. Вдевает нитку в иголку. Шьет. Сапожничает. Пишет театральные декорации, сбивая для них гигантские щиты в подрамники. Рисует

миниатюры, гравирует на металле и пластмассе.

У Да-Деша большой набор слесарных инструментов. Приходит знакомый артист.

— Дорогой Сандро! — просит он. — Вот эта штука от швейной машины подносилась. Расклепай ее. У тебя золотые «руки».

— Сандро, — жалуется немолодой иллюзионист, — в трех городах шести мастерам показывал свои карманные часы. Импортные. Запасных деталей к ним нет. Ось маятника сломалась. В один голос говорят: выброси. А они дареные..

— Принеси, посмотрим.

Вскоре иллюзионист почти каждому встречному подносит под ухо свои отчетливо тикающие часики и восторженно объясняет:

— Идут! Сандро надфилем и брусочком выточил ось маятника. Невероятно!..

Бывает, что инвалидность от рождения или приобретенная делает человека замкнутым и обозленным. «Это нехорошо», — говорит Александр Александрович. Сам он общительный, веселый, любящий шутку и острое словцо. Несчастливым себя Сандро никогда не считал.

На гастролях в Познани к артистам пришел импозантный старичок по имени Хабер Мариан. Он коллекционирует автографы исторических личностей. К его услугам прибегают устроители соответствующих выставок в самых различных странах. Дома у него целый музей. С собой он принес немного: письма Наполеона, Екатерины II, Байрона, Вольтера, Дидро. На русском Хабер Мариан разговаривает плохо, поэтому изъяснялся главным образом с Александром Александровичем на немецком. Не дожидаясь, когда актер выдвинется в мировые светила, започил и его автограф.

Славную жизнь, полную труда и творчества, прожил Александр Александрович Дадешкелиани. Ему было 68 лет, когда осенью 1972 года он неожиданно скончался на гастролях в Хабаровске.

ТУРИСТКА

Фото В. Белковского

100 СТРАНИЦ ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Юрий
ЛИПАТНИКОВ

Вспоминаю об одной встрече — писателей и биологов. Те, кто любит природу, задавали вопросы тем, кто знает ее...

— Разумеется, нормальный человек не может не любить природу,— говорил один ученый.— Но нужны и массовые знания природы. Гомо сапиенс все могущественнее, производительные силы природы всего лишь в семь раз превосходят производительные силы человека. Вот почему тревожит, будем прямы, экологическая безграмотность и неуважение к биологическим знаниям — не столько у пишущих, сколько у читающих... Надо усиленно учиться и работать и отдыхать в природе научно.

Научно отдыхать — не слишком ли? Но вот передо мной страничная книга Ю. А. Штюрмера¹. Это не традиционный рассказ о прелестных прогулках, а научный взгляд на то, как мы ведем себя в природе. Но насколько же более сильное впечатление производит деловой разговор о взаимоотношениях человека и природы.

Что губит природу? Техника. Технологизация. Туризм. Триада — ТТТ. Первые две «Т» укротимы. Да, автомобиль еще злобное устройство, но он все же станет скоро безопасным, то есть электрическим. Очистка стоков тоже достижима. Вот пример моментально ставший хрестоматийным: Рязанский нефтеперерабатывающий завод спускает стоки, которые чище речной воды. А чем пагубен туризм? Он

только становится в рост. Перспективы такие: число жителей на планете удвоится, досуг увеличится, транспорт удешевится, и люди станут еще мобильнее. Как нейтрализовать минусы третьей «Т». Именно о туризме и говорит, подробно и не пряча бед, книга Штюрмера. Единство противоречия: туристу нужна природа сохраненная, но от самого туриста ее тоже надо оберегать. Ведь туристское движение — это и буквально движение из пункта А в пункт Б. Перемещение массы людей по лесам, лугам, рекам. Определены три вида отдыха. Активный туризм (по маршруту). Он менее опасен: организован, культурен. Пляжно-парковый (пикниковый) туризм. Тут стонет земля. Ландшафт испытывает перегрузки: исчезает трава, сохнут деревья, земля утрамбовывается до твердости асфальта. Получается: от чего горожане ушли, к тому и пришли. Такое происходит в зонах отдыха больших городов. Например, из Москвы в летние субботы выезжает 5 миллионов человек. Третий вид туризма — стационарный. Отдых на полянке. Семейно. Группой. За два выходных дня поляна вытаптывается. Через неделю выбирается другая — чистая. Так «со вкусом» вытаптываются большие территории. Да, много человека ввести в культуру труднее, чем дикое растение. Кто-то из зарубежных специалистов заметил, что агрессивность к природе — основное противоречие в путешествиях. Едут в лес смягчиться душой, а выказывают жестокость.

В средние века строго спрашивали у крепостных стен: кто и зачем пожаловал в город? Ныне при

выезде из города надо задавать этот же вопрос. И выдавать туристский билет, как охотничий...

В книге есть знаменательный расчет: «валютная эффективность предприятий туризма на Байкале в 2—3 раза выше, чем эффективность двух других отраслей экспортной специализации района — производства пилломатериалов и целлюлозы. Она выше эффективности добычи россыпного золота». Так вот цели охраны природы и туризма замечательно совпадают. Чтобы избежать истощения интересных уголков природы, в штаты туристских комплексов станут планировать ландшафтоведов, лесоустроителей, биологов. За туристскими организациями необходимо закреплять территории. Надо строить избышки в малонаселенных местах — это уединение и рассредоточение групп отдыхающих. Ограничить вторжение в природу на моторах всех видов. Хочешь быть ближе к природе — скачи на коне, мчишь на нартах, плыви в долбленке. Выводы следуют один за другим, так книга переходит от «жалоб» к предложениям, и будущее туризма видится масштабным и прекрасным.

Отправляясь в дальний путь, принято присесть и помолчать. Когда-нибудь в такие мгновения мелькнут в моей памяти страницы только что прочитанной книги о природе, о туризме, книги деловой и увлекательной.

¹ «Охрана природы и туризм». Москва. Издательство «Физкультура и спорт». 1974 г.

ЗВЕЗДНЫЙ СТРАННИК

Фантастический роман

Семен
СЛЕПЫНИН

Рисунки
Н. Павлова

За кустами послышался невнятный говор. Я сделал несколько шагов, чуть раздвинул ветки и увидел такую картину.

На залитой солнцем поляне весело трещал костер. Перед ним на плоском камне сидели светловолосый молодой человек и тонкая, стройная девушка. Немного в стороне, прямо на траве, расположился здоровенный детина, этаким былинный молодец с добродушной и простецкой физиономией. Все трое одеты почти так же, как в родном моем двадцать первом веке одевались туристы. Пожалуй, и мой пилотский комбинезон сейчас мало отличался от их удобных для походов костюмов.

Светловолосый сунул в костер сырую зеленую ветку. Видимо, нарочно, чтобы дым был гуще и ядовитей. Ветер дул в сторону девушки,

Продолжение. Начало см. в № 10.

та, хмурясь и отмахиваясь рукой от едкого дыма, сказала своему соседу:

— Патрик, перестань дурачиться! Как ребенок...

Услышав знакомую речь, — они, несомненно, говорили на том, общепланетном языке, который начал складываться на Земле в двадцать первом веке, — я невольно покачнулся и переступил ногами. Под каблуками громко хрустнула сухая ветка. Скрываться больше не было смысла. Я вышел на открытое место и несмело произнес:

— Здравствуйте.

Все трое без особого удивления взглянули на меня и дружелюбно ответили на приветствие. Девушка показала на камень.

— Присаживайся к костру. Скоро будем есть грибочки.

— Грибочки? — удивился я. — Какие же грибы в начале лета?

— А маслята. Это наша Таня собирает их. Она у нас знаток... Кстати, где она?

По южному склону горы легко взбиралась девушка с гибкой и тонкой талией. Наклонив голову, она со счастливым смехом разглядывала грибы, которые несла в прозрачном мешочке. Густые пушистые волосы ее рассыпались и закрывали лицо. Она подошла к костру и показала всем грибы.

— Смотрите, какие красавцы! Будто из сказки.

Девушка откинула назад волосы и подняла голову. Я встретился с ней глазами и обомлел. Кровь отлила от моего лица, частые и сильные удары сердца прокатывались по всему телу. Смущенная моим взглядом, девушка удивленно смотрела на меня страшно знакомыми темными, как ночь, глазами. Я был потрясен: передо мной стояла... Элора!

— Что с тобой? — участливо спросил молодой человек, сидевший на камне. — Ты побледнел.

— Я тебе кого-то напомнила? — спросила наконец девушка, по-прежнему глядя на меня.

— Да, очень, — торопливо заговорил я, стараясь овладеть собой. — Даже растерялся.

«Что со мной? Отголоски видений? Какая чушь взбрела мне в голову?» — укорял я себя. Сходство поразительное, но светло-золотистые волосы девушки, ее звонкий голос, жесты и манера держаться... Нет, конечно же, это не Элора!

— А кого напомнила? Не секрет?

— Конечно, не секрет. Да я вам портрет покажу. Он в моей хижине.

— Я слышал об этой избушке, — вмешался светловолосый молодой человек. — Она где-то здесь. Точно не знаю. Ее построил мой соотечественник — шотландец. Сколотил сам примитивным топором. Ему так полюбили Урал, что прожил отшельником в хижине три года. И писал книгу. Вы, конечно, помните эту в свое время нашумевшую поэму «Внуки Оссиана».

— Моя хижина, оказывается, знаменитая, — пошутил я. — Приглашаю вас к себе. У меня уха почти готова.

— Приглашаешь, а мы даже незнакомы, — возразила девушка. — Давайте знакомиться. Таня. Татьяна Кудрина.

— Сергей, — представился я.

Пожимая всем по очереди руки, я узнал имена моих новых друзей. Светловолосый молодой человек — Патриций Рендон, его соседка — Вега Лазукович.

— Орион. Орион Кудрин, — былнный молодец слегка привстал. Он кивнул в сторону Тани и добавил: — Мне крупно не повезло — я брат вот этой ехидной особы. Ты ее еще не знаешь. У нее не только осиная талия, она и жалит, как оса.

Таня лукаво усмехнулась.

— У тебя модное имя, Сергей, — заговорила она со мной. — Сейчас вернулись к простым народным именам — Сергей, Татьяна, Патриций. Лишь изредка дают имена по старинке — по названиям звезд и созвездий. Звучные имена. Вега! Посмотри на нее — ей так подходит это красивое имя. Не правда ли?

Стройная и высокая Вега Лазукович и в самом деле отличалась незаурядной красотой. Несколько, правда, холодноватой. Но умные серые глаза оживляли ее строгие правильные черты.

— А теперь посмотри на моего любезного брата, — густые ресницы Тани затрепетали от еле сдерживаемого смеха.

— Татьяна! — Орион сурово повысил голос и погрозил крепко сжатым могучим кулаком.

Я невольно улыбнулся. Орион грозно сдвигал брови, стараясь, чтобы кулак выглядел устрашающе. И все напрасно. Удивительная вещь — от увесистого кулака так и веяло неистощимым добродушием. Мои новые знакомые покатывались со смеху, глядя на отчаянные усилия Ориона придать своему жесту свирепость. Наконец Орион отвернулся и с досады махнул рукой.

— Да, да! Взгляни на него, — Таня подняла вверх указательный палец и торжественно продекламировала: — О-ри-он! Услышав гремящие, фанфарные звуки имени, поневоле вообразишь стройного и гордого красавца. А конкретный носитель звонкого имени? Какой кошмар! Какое нелепое несоответствие! Это же медведь, неповоротливый, косолапый медведь!

— Ладно, Таня, хватит, — взмолился Орион. — Давайте обсудим предложение Сергея. По-моему, толковое предложение. Согласны? Тогда тушите костер и собирайтесь.

Орион, сидевший по-турецки, вскочил на ноги с легкостью кошки. «Не такой уж медведь», — подумал я и направился вслед за ним убирать палатки. Помощи, однако, не потребовалось. Орион протянул руку к стержню, металлически сверкавшему над палаткой. И стержень погас, цели-

ком уместившись в огромной руке. А палатка как будто растворилась. Заструившись, она исчезла в стержне. То же самое Орион проделал с другой палаткой, а стержни сунул в карман.

Через десять минут я, стараясь меньше опираться на палку, вел всех к хижине. «Кто они, эти аборигены эпохи? — ломал я голову. — И какой эпохи? Как им объяснить, кто я, откуда?»

А тут еще Орион смущал. Он шагал рядом и поглядывал на меня с таким выражением, будто думал что-то вспомнить.

Лес, наконец, кончился, и мои спутники ступили на цветущий ковер поляны. От согретой солнцем росистой травы поднимался легкий пар, окутывая хижину колышущейся кисеей.

— А здесь красиво! — прозвенел Танин голос. — Вега, посмотри на хижину. Она будто плавает в тумане. И костер дымится. А котелок! Какой странный котелок!

Котелок и в самом деле должен казаться необычным моим попутчикам. Обожженный на огне и закопченный, он сейчас мало походил на прозрачный гермошлем, который я отвинтил от комбинезона. Но Орион так и уставился на котелок, то и дело переводя изумленные глаза на отвороты комбинезона, где еще сохранились пазы. Я опустил на колени, нагнулся и начал подкладывать в костер сухие ветки. Костер запылал, охватывая гермошлем огненными космами. Вега и Таня готовили какую-то хитрую смесь из грибов и рыбы.

— Когда будет готово, — сказала Таня, — все равно никому не дам завтракать. Уморю всех голодом, пока Сергей не покажет, на кого я похожа.

Я пригласил всех в свое обиталище. Наверное, хижина никогда не принимала столько гостей.

— Таня! — воскликнула Вега. — Это же ты! Почти копия. Только вот волосы... У нее они совсем черные. А твои словно вымыты в золотой воде. И загар у тебя золотистый. А она белая...

— Не так уж и похожа, — возразил Патрик. — Выражение лица другое.

— Совсем не похожа, — вставил Орион и приторно зевнул. — Никогда не поверю, что моя вертлявая сестра походит на эту спокойную марморную красавицу.

Когда все вышли из хижины и уселись вокруг костра, Таня сказала:

— Мне она не очень понравилась. Слишком строгая, даже высокомерная.

— Ничего удивительного. Она аристократка. Но не из прошлого...

Хотел добавить: из будущего. Но осекся. Наступал решительный момент — надо рассказать о себе, о своих приключениях. Поверят ли?

— Вспомнил! — воскликнул Орион и вскочил на ноги. — Но это же невозможно! Невероятно!

Потом подошел ко мне, нерешительно потоптался и сказал:

— Я, кажется, знаю, кто ты. Видел... Ты Сергей Волошин, астронавигатор старинного гравитонного звездолета «Орел».

— Плохо придумал, Орион, — сказал Патрик. — Все знают, что «Орел» вылетел к системе Альтаира в двадцать первом веке и не вернулся. Погиб, не долетев до цели.

— Орион у нас выдающийся мистификатор, — с улыбкой пояснила Таня. — Любит разыгрывать.

— Нет, Орион не выдумал, — возразил я, стараясь быть спокойным. — Вот только где ты видел меня?

— А в музее Астронавтики. Там портреты всего экипажа... Постой, если ты тот самый, где же корабль? Как сам очутился здесь?

— Сначала объясните, в каком я веке.

— Сейчас двадцать четвертый век, — прошептала Таня, странно глядя на меня расширенными глазами. — Две тысячи триста шестьдесят пятый год.

— Да мы с вами почти ровесники, — усмехнулся я. — Разница в триста лет — сущий пустяк по сравнению с тысячелетиями!

— Тысячелетиями? — пробормотал Орион. — Говори яснее. Сразу.

Пока я рассказывал о своих приключениях, со всех сторон, погрохатывая громами, напоздали темно-синие тучи. Никто этого даже не заметил, забыли и о завтраке. Когда подул свежий ветер и защелкали по траве первые крупные капли, Вега зябко передернула плечами, взглянула на небо и сказала:

— Нас замочит. Не перейти ли в хижину?

— Там тесно, — напомнил Патрик. — Но я попрошу хорошую погоду.

Патрик взял у Ориона стержень, из которого раньше была развернута палатка. Стержень в его руках удлинился, острый конец Патрик воткнул в землю, а наверху появился тонкий обруч диаметром в полметра. Пространство внутри круга затуманилось, замерцало и превратилось в серебристый экран.

Патрик нажал кнопку, и на экране возникла девушка с причудливой копной огненно-рыжих волос.

— Центральное управление погодой. Дежурная по сектору два-восемь, — четко доложила рыжеволосая девушка.

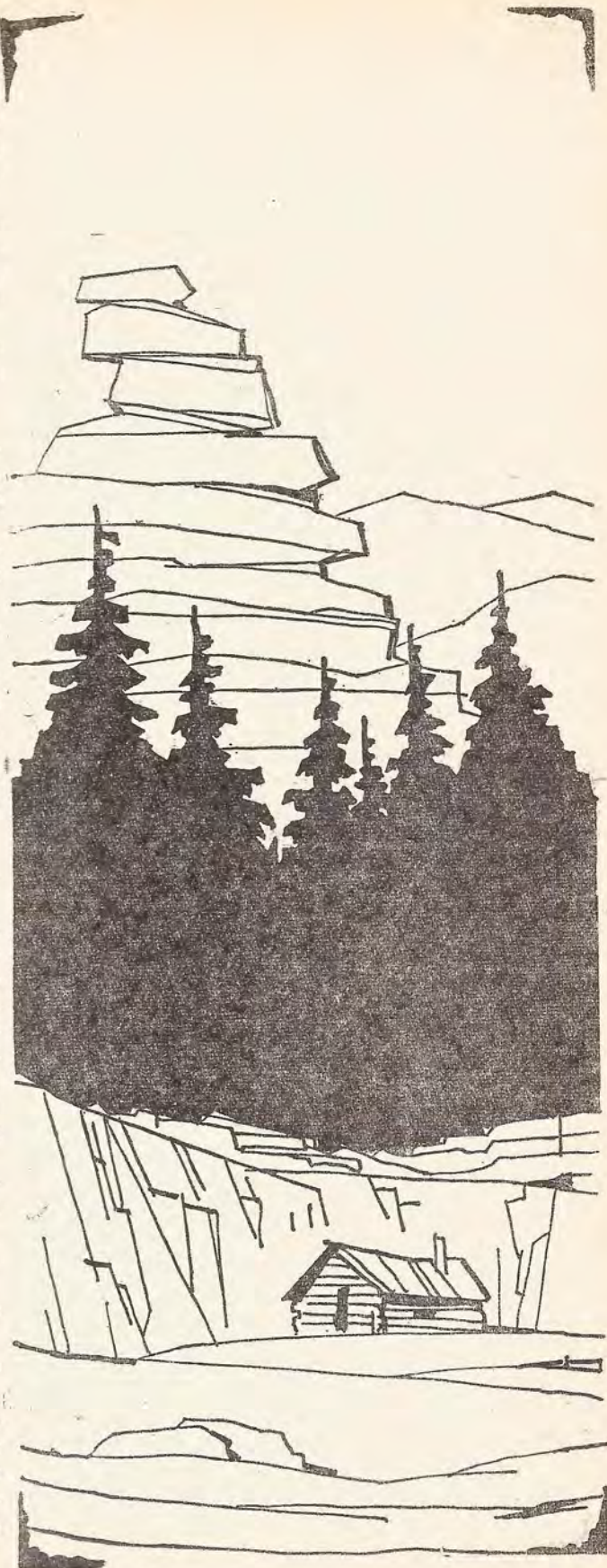
— Как тебя зовут, огненная богиня туч и громов?

— Ирина, — улыбнулась девушка. Нахмурилась брови, добавила: — Это к делу не относится.

— Какая строгая! А мы по делу. Просим часа на два расчистить над нами небо.

— А еще туристы! Дождичка испугались, — Ирина насмешливо сощурила глаза. Затем снова нахмурилась и сухо отчеканила: — Частные просьбы выполняем в исключительных случаях.

— Орион, придется тебе, — развел руками Патрик. — Я бессилён.

— Орион у нас важная персона,— обратилась ко мне Таня с дрогнувшими в усмешке полными губами.— Знаменитый астролетчик. Выдвигали даже в капитаны, но комиссия каждый раз браковала из-за мягкости характера. Вот он сейчас и тренируется в свирепости.

— Таня, не издевайся над братом,— улыбнулась Вега.— Может быть, он сумеет воспитать у себя командирскую требовательность.

Орион подошел к экрану. По приветливой улыбке можно было догадаться, что огненная девушка его узнала.

— У нас, Ирина, тот самый исключительный случай.

— Хорошо. Назовите квадрат.

Орион назвал цифры. Экран погас. Тяжелые редкие капли, казалось, вот-вот сольются в сплошной поток. Но в это время тучи над нами за клубились, начали таять и раздвигаться в стороны. И вместо дождя на поляну полились теплые солнечные лучи.

Я встал и жадно смотрел по сторонам. Лишь над нами голубела проплетшина чистого неба. Кругом же курчавились сизые тучи.

— Правда, красиво? — услышал я рядом шепот Тани.— Ты, видимо, очень любишь природу.

— Еще бы,— пошутил я.— Ничего подобного не видел тысячи лет. Истосковался.

— Ты удивительный человек.

Я посмотрел на Таню и не мог отвести взгляда от тревожно знакомых глаз.

— Да, удивительный,— смутившись, продолжала она.— Я имею в виду не только твою судьбу и скитания. А вообще.

— Татьяна! — послышался сзади окрик.

Мы обернулись, и Таня рассмеялась, увидев вознесенный вверх кулак, которому так хотелось казаться свирепым.

— Отпусти Сергея,— продолжал Орион.— Сейчас он мой. Мы немедленно отправимся с ним в Совет Астронавтики. Это же эпохальное событие!

— Сергей не твой, а наш,— перебила его Таня.— Сначала он расскажет о себе. Потом позавтракаем. И вообще не командуй. Не получается у тебя.

Орион поворчал и унялся. Я почувствовал неизъяснимую симпатию к этому былинному богатырю. Мягкие линии его лица, каждый его жест словно излучали неистребимое добродушие, которое он пытался скрыть. «Да, видимо, не получится из него командира корабля!» — подумал я и с грустью вспомнил Федора Стриганова — человека огненной воли, с твердыми, гранитными чертами лица.

Все снова расселись вокруг костра. Я коротко поведал о последних днях жизни в Электронной эпохе, о том, как с помощью капсулы выбравшись из пыточного кресла Тибора.

Я оголил до колена правую ногу. Шрамы, си-

няки и кровоподтеки произвели впечатление. Особенно на Таню. Она смотрела на меня с таким страданием, как будто ей самой было больно.

— Вега, помоги ему. Ты же врач.

— Радикальных средств мы не взяли,— ответила Вега.— Сергею придется лететь со мной в кочующий аквагород. Кстати, там исследуем его память. Орион со своим Советом Астронавтики подождет. Сейчас нужны медики.

— Ладно,— неохотно согласился Орион.

Я выразил сожаление, что из-за меня расстраивается туристский поход, рассчитанный на много дней.

— А мы его повторим,— обрадовалась Таня.— С самого начала. И обязательно все вместе. А сейчас только позавтракаем.

Во время завтрака мне пришлось выслушать всевозможные предположения. Все сходились на том, что странствовал я не в будущих эпохах Земли, а где-то в стороне. В доказательство Орион привел пример, удививший меня. Оказывается, в системе Альтаира нет населенных планет. Вокруг голубой звезды вращаются не три, а пять планет — те самые безжизненные планеты, какие наблюдал Иван Бурсов до черной аннигиляции.

— Пойдите! — воскликнул я.— Сейчас, когда узнал вас и вашу эпоху, верю, что Земля в будущем не может быть такой. Но... Но я ведь жил среди людей. Внешне таких же, как вы. И Луна... Что все это?

— А вот что... — Орион немного подумал и воскликнул: — Дискретное развитие!

Он начал торопливо и не очень ясно излагать гипотезу дискретного исторического развития. По словам Ориона получилось, что странствовал я в реальности... несуществующей.

Таня иронически захлопала в ладоши, затем, подняв палец, пояснила мне:

— Орион у нас не только мистификатор, но и выдающийся мистик.

— А сейчас слово Сергею,— сказала Вега.— Что ты подумал, когда очутился в нашей эпохе?

— Подумал, что с высот будущего упал в восемнадцатый век. А потом вот что произошло...

Мой рассказ о том, как я нашел остатки высоковольтной линии и шоссе на дороге, развеселил слушателей. Орион восторженно.

— Сергей ошеломил нас своими приключениями. Теперь мы возьмем реванш!.. Вот слушай. Еще в твоём столетии леса и луга отступали под натиском гремящей техники. Кругом дымили заводы и фабрики, земля содрогалась от железнодорожного и автомобильного транспорта, а в воздухе с каждым годом нарастал реактивный гул. Человек и природа сжались и потеснились. Так вот — сейчас ничего этого нет. У нас произошла промышленная... контрреволюция!

Ориону так понравилось последнее слово, что он хохотнул и вскочил на ноги.

— Да, да! Промышленная контрреволюция! Обшарь, Сергей, всю планету и нигде не найдешь ни заводов, ни шахт, ни дорог. Одни только города и поселки, утопающие в зелени и шумящие фонтанами. Никаких колес. Люди ходят пешком, а в воздухе одни птицы... Ну что получишь! — торжествовал Орион.

— Бедный Орион! — Таня смотрела на брата с хорошо разыгранной жалостью. — Что с тобой? Ты деградируешь прямо на глазах. Сергей же сразу понял, в чем дело.

Орион недовольно взглянул на сестру, сел на траву и насутился.

— По-моему, энергостанции, заводы, транспорт и все прочее — под землей, — предположил я. — Изгнание техносферы под землю.

— Не только под землей, но и в космическом пространстве, — сказала Таня. — Основную энергию, например, отсасываем от расточительного Солнца. Вот и получилось: земля — людям, воздух — птицам. А перемещаются люди в подпространстве.

— В гиперпространстве, — хмуро бросил Орион. — Невежда.

— В гиперпространстве, — с улыбкой поправилась Таня. — Пассажирский и грузовой гиперфлот.

— Сергею я все объясню. Нам пора, — заговорил Вага. — Патрик, вызови дежурную станцию вакуум-такси.

Шотландец, как я заметил, охотно слушался Вагу. Он подошел к экрану-обручу, с кем-то переговорил, назвал квадрат и еще какие-то цифры. Затем выдернул из земли стержень, который в его руках стал расти и достиг трех метров в длину. Экран-обруч растаял.

— Сейчас этот карманный киберуниверсал превратился в аварийную причальную мачту, — объяснил мне Патрик.

Он отошел на край поляны, воткнул мачту в землю и вернулся к угасающему костру.

Через минуту острая вершина мачты с сухим треском заискрилась, засверкала бенгальским огнем.

— Вот и такси, — с улыбкой кивнула Вага в сторону мачты.

Бенгальский огонь погасал. Медленно, как изображение на фотобумаге, «проявлялась» сигарообразная машина. Наконец, она полностью выплыла из гиперпространства и уткнулась игольчатострым носом в вершину мачты.

Когда прощались, Орион смущенно попросил:

— Сергей, на столе я видел твои записки... Воспоминания. Можно ими воспользоваться? Все останется на месте. Только снимем копию для нескольких членов Совета Астронавтики. Можно? Ну и прекрасно! Больше в дневнике никто не будет рыться. Даже вот эта нахальная осо-

ба, — Орион с добродушной ухмылкой взглянул на Таню. Он перестал сердиться на нее.

Пожимая руку, Таня посмотрела на меня долгим взглядом и сказала:

— Наш медведь не отличается вежливостью. Не догадался пригласить в гости... Приходи к нам. Мы живем здесь, на Урале, недалеко от твоей хижины. Вага расскажет, как нас найти. А мы с братом придем к тебе в кочующий аквагород.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Кочующий аквагород

Мы с Вегой уселись в мягкие кресла двухместного вакуум-такси. Прозрачная кабина заволкла туманом.

— Гиперпленка насыщается и пропитывается тахионно-фотонным излучением, — поясняла Вага. — Переменное поле дает возможность машине соскальзывать в гиперпространство и перемещаться там практически мгновенно.

Среди множества кнопок Вага отыскала на пульте одну, около которой светилась надпись: «Аквагород Риори». Нажала ее.

— Вот и все. В каком бы месте Мирового океана ни плавал этот город, гиперлет найдет его и причалит к станционной мачте. В морях и океанах несколько тысяч дрейфующих городов. В них почти четверть населения планеты.

— Но я не чувствую никакого полета...

— А мы уже на месте, — Вага не удержалась от улыбки. — Вот смотри.

Стенки кабины подернулись светящим туманом и вскоре стали совсем прозрачными. Верх кабины, щелкнув, откинулся назад.

Переход был ошеломляющим. Только что над утренним лесом грохотала гроза и молнии обжигали края черных туч. А сейчас надо мной синела огромная чаша безоблачного вечернего неба. На западе багрово расплывшее солнце коснулось края океана, прочертив на воде золотую дорожку. С высоты трехсотметровой причальной мачты я увидел город-сад, окруженный со всех сторон океаном.

Лифт опустил нас вниз. Мы шли по широкой аллее, по краям которой шелестели пальмы. Вскоре очутились на берегу. Волны плескались у самых стен санаторных зданий.

Меня поселили в комнате с верандой, нависающей прямо над водой. Большую ногу облучили, а на ночь наложили пухлую повязку, пропитанную целебным раствором.

Спать лег на веранде, открытой с трех сторон океанским ветрам. Внизу с еле слышным стеклянным звоном плескались волны. «Рэй», — ус-

мехнулся я и подивился причудливости своих скитаний.

Я ворочался в постели, перед закрытыми глазами кружились смутные картины будущих эпох. Будущих? Или посторонних?

Невидимые кибер-врачи и кибер-сестры, вмонтированные в колоннаду веранды, уловили встревоженное, смятенное состояние и раскинули надо мной силовую излучающую сферу. Зазвучала тихая, убаюкивающая музыка. Я заснул.

Проснулся с бодрым чувством, со странным ощущением, что я так же свеж и могуч, как вот этот синий бескрайний океан, сверкавший под косыми лучами утреннего солнца.

Пришла Вега.

— Ну, давай полюбуемся твоей ногой.

Вега сняла повязку. На ноге — ни одного шрама, ни одной ссадины.

— Вот так же легко можем убрать и шрам на щеке.

— Пусть останется, — усмехнулся я. — Это память о Вечной гармонии. С ней еще не рассчитался.

— Надо сначала вспомнить нелюбезную гармонию, — с улыбкой возразила Вега. — Для этого и пришла за тобой.

По переходному мосту направились в соседнее здание. Мост выглядел, по-моему, слишком театрально. По бокам рдели цветы величиной с блюдо, журчали фонтаны.

Тенистый парк, раскинувшийся на крыше, был скромнее. В конце его, опираясь на перила, стоял высокий пожилой мужчина с загорелым лысым черепом и любовался океанской гладью.

— Доктор Руш, — коротко представился мужчина и, кивнув в сторону океана, добавил с усмешкой: — Застоялись молодцы. Пираты... Ждут не дождутся шторма.

На пологих волнах покачивались два древних парусных корабля, похожих на каравеллы Колумба. На мачтах закрепляли снасти загорелые ребята.

— Ну-с, молодой человек, — доктор Руш взглянул на меня пронизательным острым взглядом. — Загадка номер один? Так, кажется, именуют сейчас тебя. Очень рад, что загадка попала ко мне. Идемте.

Втроем спустились вниз и вошли в просторный залитый светом зал.

— Ну-с, загадка номер один, — доктор Руш приглашающе взмахнул рукой. — Садись сюда.

Я сел в глубокое сиденье. К вискам, к запястьям рук мягко присосались датчики. Антрацитово-черные острые глаза доктора останавливались то на мне, то на экране, занявшем противоположную стену. Я видел на экране сменяющиеся расплывчатые фигуры, переливы красок, змеистые пересекающиеся линии — непонятную для меня картину моей психической жизни.

— Психика в хорошем состоянии, — доктор

Руш обменивался мнениями с Вегой. — Гибкая, отлично натренированная. Вот только иногда какие-то навязчивые мысли.

— Например, о фантомах, — улыбнулся я.

— Может быть, — согласился доктор Руш. — Но это не болезнь, а результат несколько недисциплинированного богатого воображения. У тебя фантазия поэта-романтика. Ну, и еще некоторая импульсивность... Теперь насчет памяти, — доктор Руш пожал плечами. — Здесь труднее. Блокада памяти... Тонкая, кружевная, прямо-таки ювелирная работа. Блокада локальная, местная. Определенные ячейки памяти замкнуты. Информация в них не стерта, но основательно подавлена. Постепенно память восстановится. И здесь помогут только отдых и душевное равновесие.

— Ассоциативная память, — подсказала мне Вега. — Стоит вспомнить какую-нибудь яркую деталь или ряд деталей, слов, образов — и в опустевших ячейках начнет всплывать информация. Но блокада может прорваться и мгновенно.

— Ну-с, загадка номер один, — улыбнулся доктор Руш. — Попробуем прочитать кое-что из твоих таинственных приключений. Эпизоды, которые удастся выхватить, запишем на микрокристалл. Это по просьбе Совета Астронавтики... Сейчас окутаю непроницаемым читающим облаком, клубком излучений. Постарайся думать о своей странной гармонии. Может быть, удастся кое-что выхватить из недр...

Опустилась тьма. Напрягая память, я пытался штурмовать блокаду. Внезапно ощутил боль в левой скуле и удар. Такой сильный, что перед глазами поплыли радужные круги. Заметил даже очертания огромного кулака, вlepившего затрепанный — первый привет Вечной гармонии. Чуть волнуясь, пробовал высветить в памяти весь эпизод. Но безрезультатно. В космически непроницаемой тьме роились неуловимые образы. Вероятно, это читающее облако последовательно перебирало заблокированные ячейки.

Так продолжалось довольно долго. И вот следующая картина — яркая, объемная. Целый кусок моей прошлой жизни. Правда, началось все не с видимого изображения, даже не со звуков, а с настроения. Меня затопила волна невыразимого горя и отчаяния. И только потом увидел себя бредущим с членами экипажа по лунному космодрому. Мы несли тело погибшего капитана...

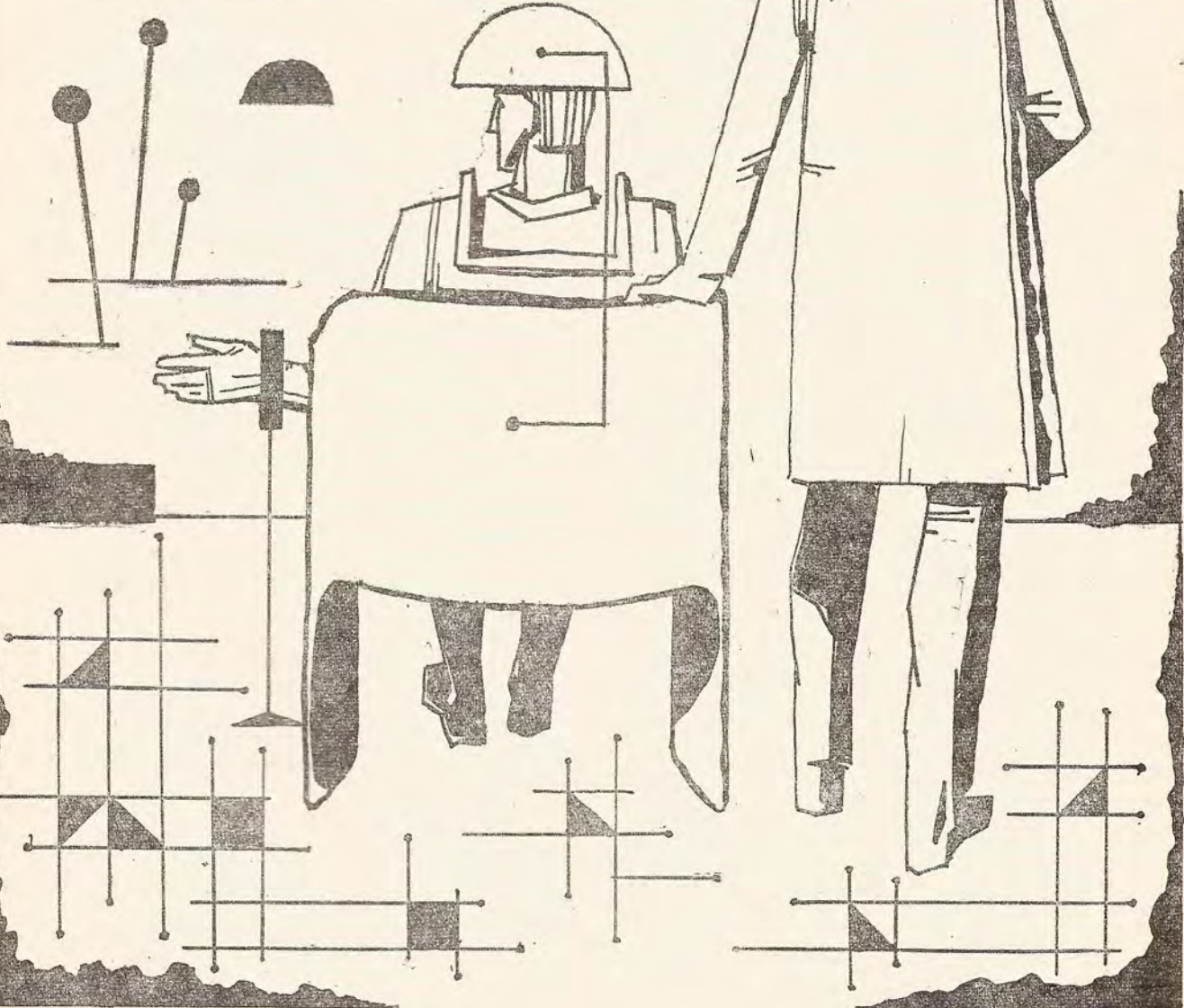
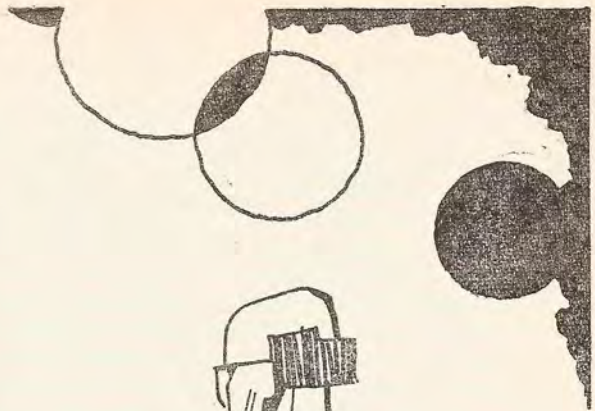
Мы похоронили капитана на краю космодрома. Поставили памятник с вечным огнем наверху... И вдруг картина оборвалась, погасла вместе с рубиновым вечным огнем. Снова тьма, густая и липкая, с колыхающимися неясными образами.

Тьма рассеялась, и я увидел просторный светлый зал, Вегу и доктора Руша, глядевшего на экран.

— Небогато, — сказал он, обернувшись ко мне. — Всего две картинки... Не поискать ли еще между этими двумя эпизодами? Попробуем...

WAVE

И снова удар в скулу и расходящиеся круги в глазах... Немного погодя чудом перенесся из кресла и тьмы на солнечную, покрытую изумрудной травой поляну. В середине ее — небольшое овальное озерко, скорее глубокая лужа с прохладной и чистой водой. Мы, члены экипажа, как обездомившие, плескались в этой луже. Даже наш строгий капитан вел себя, как мальчишка. Вынырнув из воды, он вспомнил давнюю свою привычку декламировать Маяковского:

Уважаемые товарищи потомки,

Роясь в сегодняшнем окаменевшем дерьме...

Опять черный провал, густая клейкая тьма. Затем в клубящемся тумане начали медленно выступать какие-то очертания. Внезапно почувствовал, что сижу на жестковатом сиденье у пульта управления вездехода. Рядом — члены экипажа. Перед нами расстилались унылые, наводящие тоску ландшафты. Какие? Трудно сказать, потому что наше внимание поглощено многотысячным, может быть, даже миллионным войском. Солдаты изумительно правильными рядами двигались прямо на нас, четко печатая строевой шаг. Чем ближе, тем явственней вздрагивала земля: туммм... туммм...

— Капитан! — услышал я голос Ивана. — Капитан! Что они? Взбесились? Эти твои уважаемые потомки...

— Не знаю... Попытка вступить в контакты? Не похоже...

Капитан, наморщив лоб, размышлял. Потом морщинки на лбу разгладились, и он, желая нас успокоить, с кривой усмешкой произнес:

— Не бойтесь. Они решили просто попугать.

— Попугать? — Иван пытался улыбнуться. — Феноменально...

А солдаты все ближе и ближе. Они шли, встряхивая землю чугунным топотом: туммм... туммм... На их плечах — ружья с расплюснутыми на концах стволами. По неведомо кем поданной команде солдаты взяли оружие наперевес. Сверкнули на солнце стволы...

— Капитан! — Иван был не на шутку встревожен. — Они же сотрут нас сапогами... Я пуцу в ход биологический разрушитель!

— Никаких эксцессов! — прикрикнул Федор Стриганов. — Слышите! Никаких эксцессов! Кажется, я понимаю, в чем дело. Их не уничтожить никаким разрушителем. Они бессмертны, потому что давно мертвы.

— Капитан! — не унимался планетолог. — Сейчас не до шуток!

— А я не шучу. Потомки не сделают нам вреда. Это не входит в их задачу. Пока не входит... Может быть, все же контакты? Нет, не то... Есть! Понял! Смотрите, что произойдет.

Стриганов предостерегающе поднял руку. А солдаты — вот они, в двух десятках шагов. Мы видели их бессмысленные физиономии, покрытые капельками пота. Солдаты разевали рты, задыха-

ясь от жары. И вдруг все они пропали, будто провалились. Исчезновение было полным и ошеломляющим. Еще не осела пыль, поднятая сапогами, а их уже не было.

Капитан с облегчением опустил руку.

— Так и есть! Это просто парад. Парад мертвецов... Не спрашивайте, братцы. Сам толком не знаю. Одно ясно — с планетой случилось что-то страшное...

На этом все оборвалось. Густая, как нефть, тьма прочно занавесила память...

— Ну и ну! — развел руками доктор. — Вот уж действительно загадка.

— Сережа, — утешающе ласково сказала Вега. — Это не наша планета. Ты не расстраивайся, отдыхай. Только отдыхай.

Мне ничего не оставалось делать, как последовать этому совету.

Вечером услышал в комнате сигнал вызова. На засветившемся экране появился Орион Кудрин. Он лениво сидел в кресле, закинув ногу на ногу.

— А, космический бродяга! — Орион вместо приветствия чуть привстал и снова сел. — Звездный странник! Так именуют тебя телекомментаторы. С легкой руки Тани. Кстати, ты произвел на мою сестру сильнейшее впечатление. О тебе только и трезвонит...

Заметив мое смущение, Орион сказал:

— Извини, Сергей, за болтовню. Я по делу. Можно к тебе в гости?

— Что за вопрос. Конечно, можно.

Я сел, предполагая, что Орион через несколько минут на гиперлете появится в городе. Но случилось неожиданное. Орион прямо с экрана буквально ввалился в комнату и вместе с заскрипевшим креслом придвинулся ко мне почти вплотную. Я вскочил на ноги. Что это? Розыгрыш?

Орион тоже встал и, улыбаясь, сунул мне свою широкую, как лопата, ладонь. В растерянности я протянул руку и пожал... пустоту. Орион расхохотался.

— Слушай, ты, мистификатор! — воскликнул я. — За такие шутки влеплю, как мне когда-то!

— А давай влепи, — Орион охотно подставил ухмыляющуюся физиономию. Рассмеялся и добавил: — Это новый экран.

— Понимаю... Телевоссоздание.

— Оно. Последняя новинка техники. Объемное воссоздание... А ты молодец. Быстро ориентируешься! Сразу чувствуется астронавт. Но к делу.

Орион сел и закинул ногу на ногу.

— Просмотрели мы картины, расшифрованные доктором Рушем. Да-а... Ошеломляющие картинки. Да и записки твои тоже... Отрезвляют!.. В общем, озадачен даже невозмутимый академик Фирсанов — председатель Солнечного Совета... Солнечный Совет? Координирующий центр, что-то вроде правительства всех населенных планет

Солнечной системы — Земли, Луны, Венеры, Марса, спутников Юпитера... Но дело не в Фирсанове. С тобой хочет встретиться сам Спотыкаев.

— Спотыкаев?

— Да. Академик Спотыкаев. Своеобразная личность, новичку нелегко привыкнуть к нему. Но я буду с тобой, поддержу. Спотыкаев — милый, обходительный, корректный человек. Это в обычном, как он выражается, суетном настроении. Мой мозг, говорит он, отдыхает, погруженный в житейскую суету. Зато в ином, в рабочем настроении, так сказать, в научно-эвристическом... Вот тогда он настоящая Спотыкаев. Рассеян, невнимателен к собеседнику. Может ответить колкостью и даже грубостью. По рассеянности наступит на ногу и не извинится, способен споткнуться на ровном месте. Но главное — в эвристическом настроении он натывается на удивительные открытия и догадки, переворачивающие обычные представления. В общем, сам увидишь. Через два дня зайвися к тебе. А теперь, извини, тороплюсь. До свидания.

Орион привстал и с невозмутимым видом протянул руку для прощания. Но я пригрозил кулаком. Орион хохотнул и вместе с креслом втянулся в экран, который тотчас погас.

Нет ничего томительнее безделья. Не привык я к отдыху, который прописал мне доктор Руш. Вся жизнь моя была наполнена тренировками, работой, а затем головокружительными приключениями. А сейчас... Весь следующий день купался и загорал. Вечером гулял в парке на крыше санаторного здания. Подошел к малахитово-зеленым перилам и собрался встретить здесь закат, когда услышал сзади голос Веги:

— У нас, Сережа, гости.

Обернулся и рядом с Вегой увидел Таню.

— Ну, здравствуй, скиталец! — подала она мне руку с какой-то странной, просяще несмелой улыбкой.

— Орион выражается точнее: бродяга, — пошутил я. — Да, космический бродяга. Ничего не имею за душой. Даже воспоминаний!

— Воспоминания кое-какие имеются, — поспешила утешить Вега. — Остальные придут позже. А сейчас, извините, оставлю вас. Есть работа. Кстати, Таня покажет тебе город.

К вечеру стало прохладней, и мы с Таней долго ходили по паркам и площадям, по удивительно нешумным улицам города. Шелест движущихся дорожек сливался с шорохом листвы, а редкие гравимшины, похожие на лодки, скользили над деревьями совершенно беззвучно.

Я не нашел ни одного здания, похожего на другое. Словно люди, они отличались своеобразием, неповторимой индивидуальностью. В каждом дворце, в каждой набережной запечатлелась личность творца, художника-архитектора. Большинство городских сооружений были красивого изумрудного цвета.

— Жителям понравился цвет океанской волны, — заметил я.

— Это потому, что город почти целиком сделан из затвердевшей морской воды. А ты не знал?

Пока мы шли берегом, бронзовое солнце легло на водный горизонт, и пологие волны лизали его огненный диск. Вечер... Тихий, задумчивый. Мне же рисовалась почему-то иная картина: росистое утро, луг с шалфейными ароматами и жаворонок, повисший в небе серебряным колокольчиком. Почему? Быть может, потому, что рядом видел утренне-радостную Таню, слышал ее чистый звонкий голос. «Жаворонок», — подумал я. Вспомнилась Элора с ее низким грудным голосом. До чего они разные! Трагически одинокая Элора с душой загадочной и сложной, как лабиринт. И Таня — ясная и светлая, как солнечный луч. Совсем разные, несмотря на довольно заметное внешнее сходство, которое меня уже больше не смущало.

Вот только глаза... Прощаясь у станции гиперлетов, Таня смотрела на меня пугающе знакомыми ждущими глазами. Потом, ложась спать на веранде, я никак не мог забыть этого взгляда. Долго ворочался, вспоминал солнечную улыбку Тани, ее чистый голос и звонкий смех. Жаворонок...

Академик Спотыкаев оказался не таким уж страшилищем, как его расписывал Орион. Правда, встретившись со мной на веранде, он без всякого приветствия ткнул пальцем и равнодушно, погруженный в свои думы, спросил:

— Этот, что ли?

— Да, — ответил Орион и подмигнул мне: дескать, не робей. И я не робел. Чем-то располагал к себе этот высокий, средних лет человек с гладко зачесанными волосами. Он бегло осматривал мою подтянутую широкоплечую фигуру, загорелые мускулистые руки и одобрительно отозвался:

— Ничего экземпляр. Подходящ... Первобытный тип, говоришь? С первобытным мышлением? И за это выбросили из царства Диктатора? Так, так...

Словно спохватившись, он взял мою руку, крепко пожал и сказал извиняющимся голосом:

— Спотыкаев. Цефей Спотыкаев. Очень рад. Есть ряд вопросов. Присядем?

Но тут же снова погрузился в себя, стал рассеян и едва не сел мимо кресла.

Задавал он вопросы как-то странно, как мне казалось, без всякой логики, непоследовательно. Досконально выяснял незначительные детали Электронной эпохи, потом нетерпеливо, почти раздражаясь, перебивал, интересовался капсулой, задумчиво слушал рассказ о полетах в несовременном времени. Я никак не мог приноровиться к течению его мыслей, к причудливому бегу ассоциаций и чувствовал себя иногда bestолковым.

Неожиданно Спотыкаев вскопчил, как будто вспомнив что-то важное. Молча сунул мне руку на прощание и отправился к станции гиперлетов.

— Видел? — спросил Орион, собираясь идти вслед за академиком. — Это ты виноват, задал ему задачу... Ничего. Завтра-послезавтра он окупится в море житейской суеты и станет, как все. И ты его по-настоящему узнаешь. Милейший человек!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Парадокс Странника

Цефей Спотыкаев и в самом деле оказался милейшим человеком. Я убедился в этом через несколько дней, когда доктор Руш и Вега освободили меня из-под своей опеки.

Академик и я стояли в то утро на гравибалконе, парящем на полукилометровой высоте. Поднебесная тишина. Не слышно даже гомона птиц. Лишь ветер насвистывал в ушах разгульную песню просторов и странствий. Под нами, среди русских лесов, голубели полусферы Дворца Астронавтики. Далеко впереди, на самом горизонте, возвышались причудливые пирамидальные здания — гигантские дома-сады. Своими вершинами они почти касались кучевых облаков.

— В каждом таком домике живет до тридцати тысяч человек, — охотно рассказывает Спотыкаев. — Они кольцом опоясывают исторический центр Москвы. Он остался таким же, как и в твоём столетии.

Академик повернулся ко мне. На лице — дружелюбная улыбка. Стройный, подтянутый и корректный, он нисколько не походил на прежнего Спотыкаева.

— А теперь, Сережа, спустимся вниз. Нас ждут в Малом зале.

Гравибалкон снизился до уровня десятого этажа, подплыл к раскрытой двери, состыковался со стенами двора и стал обычным балконом.

В Малом зале на предварительное обсуждение «Парадокса Странника» собралась группа ученых во главе с председателем Солнечного Совета академиком Фирсановым.

Сначала выступали социологи. По их мнению, так называемая Электронная гармония отдаленно напоминала сплав тоталитарных режимов Западной Европы, Азии и Америки, существовавших в середине и конце двадцатого века. Но очень своеобразный сплав, развивающийся в условиях высокого технического потенциала. «Технотронный век», «общество потребителей и массового сознания», «научно-технический прогресс в условиях этатизма», — так говорили социологи. Слу-

чилось то, что и должно было случиться: функции тоталитарного государства были переданы электронному супергороду-автомату, который вышел из-под власти людей и стал независимой, саморазвивающейся субстанцией. Именно в этом надо искать разгадку последовавшей затем Вечной гармонии.

Все утверждали, что Скиталец, то есть я, побывал не на Земле будущего, а на совсем другой планете.

— Но где? На какой? — вырвалось у меня.

— На это, Сережа, ответить потруднее, — сказал Спотыкаев, положив руку на мое плечо. Затем встал и обратился ко всем:

— Да, это главный вопрос. Ответить на него мы сейчас не в состоянии. Разгадку можно искать отчасти в капсуле, в которой Сергей Волошин совершил рейды во времени. И, думаю, не только во времени... Тахионно-фотонная капсула, — продолжал академик, — чудо корпускулярно-волновой микротехники. Исследовать ее пока невозможно, потому что запрограммирована на индивидуальное биополе Волошина. Но принцип работы капсулы нам известен. По этому принципу мы строим гиперлеты и скоро создадим первый гиперзвездолет. Предположим, что вот сейчас у Волошина появится его индивидуальный энергопояс. Нажим переключателя, и пояс развертывается в капсулу. Сначала она состоит только из фотонного поля, и мы еще видим Волошина — он еще наш, в нашем «фотонном» континууме. Но вот в фотонное поле вплетаются нити тахионного излучения, и пассажир вместе с капсулой для нас исчезает. Сам Волошин еще видит нас, точнее — наше вторичное фотонное изображение, ибо попадает в несовмещенное время. Затем, по мере обогащения тахионами, капсула все глубже погружается в вакуум, то есть в нуль-континуум, или иначе в гиперпространство. А эта не наблюдаемая нами область мироздания обладает удивительными свойствами. Здесь нет ни пространства, ни времени в привычном понимании этих слов. В приграничных областях время может идти в разных направлениях и с разной, иногда стремительной скоростью. Если капсула запрограммирована на полет в прошлое, то она попадает в ту область нуль-континуума, где время течет вспять, от будущего к прошлому. Образно говоря, капсула подхватывается встречной рекой времени, которая и выносит путешественника в другую эпоху. Наши гиперлеты тоже просачиваются в гиперпространство, в вакуум. Но они способны мгновенно перемещаться только в пространстве и никак не реагируют на потоки времени. Почему? Да потому, что мы можем поддерживать тахионно-фотонное поле, лишь пропитав им вещество — молекулярную гиперпленку. А в Вечной гармонии создано нечто принципиально новое. Гиперлет так же отличается от загадочной капсулы, как телега наших предков от ионной ракеты.

— Не обидно ли для нас? Не слишком ли сильное сравнение? — спросил кто-то.

— Может быть, — согласился Спотыкаев. — Но этим сравнением хочу подчеркнуть, что мы пока не знаем, как подступиться к созданию частного тахионно-фотонного поля. В неведомой Вечной гармонии такое поле создано. Но я сильно подозреваю, что обитатели Вечной гармонии сами находятся в качественно ином, чем мы, физическом состоянии.

— Покойники? — с улыбкой спросил председательствующий Фирсанов.

— Может быть, и покойники, — серьезно ответил Спотыкаев. — Сведениям Сергея Волошина, хотя и очень скудным, мы обязаны верить. А расшифрованные доктором Рушем энграммы говорят сами за себя. Но мертвецы, конечно, создать ничего не могут. Таинственный Диктатор, которого называют Сатаной и который управляет мертвецами, — вот творец капсулы... Все дело в Сатане, — так под смех зала закончил Спотыкаев. Не смеялся лишь академик Фирсанов.

— Ясно одно: нашим ученым ничего не ясно, — хмуро сказал он. — Боюсь, что совещание на этот раз бесплодно. Ни одной гипотезы. Даже явно ошибочной, но способной зажечь воображение...

Я снова поселился в хижине. В мое отсутствие Орион и Патрик кое-что переделали. Вместо старого колченого стола у окна белеет новый. Но не современный пластиковый, а дощатый, сколоченный с нарочитой грубостью, чтобы не нарушать гармонию старины. Рукопись на прежнем месте. В темном углу справа тускло поблескивает небольшой экран всепланетной связи. Теперь могу включить любой концертный зал или стадион, вызвать любого человека.

На чисто прибранных полках — пакеты с консервированными продуктами. Таня похозяйничала, думаю я, и стараюсь поскорее подавить вспыхнувшее теплое чувство. Правда, недавно я почти объяснился в любви. Почти... Но нет! Романтические увлечения не для меня. Я должен вернуться в мир Элоры, Актиния и Тибора и выполнить там приказ капитана. Чтобы реже встречаться с Таней, я ссылался на совет доктора Руша: отдых и уединение. На весь день уходил из хижины. Брал с собой этюдник, краски, кисти и долго бродил в поисках подходящего уголка.

Я забывал обо всем, растворяясь в окружающем мире. Под ногами колыхались утренние, стеклянные от росы травы, вверху лениво плыли облака. Обрызганные солнечными бликами, тонко и чуть заунывно пели сосны, будто струны звенели в их рыжих стволах. Наконец нашел то, что искал. Начал рисовать пейзаж в манере Куинджи: негустую рощу, напоенную светом.

Когда уставал от буйства красок, оставлял этюдник на месте и шел обедать в ближайший небольшой город. В мое время его называли бы

городом металлургов. Гигантский металлургический комплекс растянулся на километры в глубоких и безлюдных подземных лабиринтах.

После обеда возвращался к этюднику, а к концу дня был уже в хижине. Включал экран. Сегодня передавали последние приготовления к старту гиперкрейсера «Лебедь». Завтра он отправится в первый и опасный экспериментальный гиперполет к созвездию Лебедя. В вакууме он почти мгновенно преодолет расстояние во много световых лет и вернется на Землю через месяц без всяких релятивистских фокусов со временем.

Затем смотрел фильмы. Сначала они меня удивляли: при общем оптимистическом тоне в фильмах было немало драматизма и трагических ситуаций. Нет, я попал не в Аркадию, не в страну блаженных улыбок и песнопений. Люди понимали счастье как вечную неудовлетворенность и вечное движение вперед, полное радости и горя, побед и поражений. В каком-то смысле покинутая мной Электронная гармония была чуть ли не идеалом «благополучия». Но это довольство нерассуждающего стада, электронная Нирвана...

Однако я должен вернуться туда. Сейчас начало сентября. Ночь. Прошло около ста дней, как я состыковался с эпохой. Я сижу в избушке и дописываю последние страницы. А щекочущий под рубашкой пояс так и зовет, напоминая о моем долге. Сейчас разверну пояс в капсулу... Точно в холодную воду, нырну в вакуум, в ту таинственную реку времени, которая вынесет меня на другой берег, в другую эпоху. Или в иной мир?..

Но я вернусь. Может быть, вернусь...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Гость из Вечности

Фиксация состоялась — удивительное постоянство! — в той же самой роще, на том же месте.

Роща почти исчезла. Вокруг жалкой кучки деревьев высились недоостроенные корпуса: город-автомат напознал со всех сторон.

В свое время я неплохо освоился с лабиринтами супергорода. И теперь, умело переходя с одной движущейся параболы на другую, вскоре добрался до дома, где жил раньше. На лифте взлетел на верхний этаж. Подошел к двери соседки: а вдруг Элора сейчас у матери? С нетерпением нажал клавишу.

Открылась дверь, и выглянувшая было Хэли быстро отступила назад. Ее глаза, окруженные веером морщинок, расширились от страха.

— О, небеса!..

— Где Элора? — спросил я, входя.

— Элора? — растерянно переспросила хозяйка.

ка.— О, небеса! Хранитель Гриони?! Вы ли это? Говорят, вы так неожиданно пропали. Тибор был в ярости. Но вы его не бойтесь. Элора выпросила для вас охранное время — полгода. У вас есть еще возможность доказать, что вы не пришелец. Тибор пока не тронет.

— А Элора, где она?

— Элора?.. Бедная девочка, — по глубоким морщинам ручейками потекли слезы. — Нет ее больше. Не увидим мы ее никогда. Она... Она сама... Она перешла в храм бессмертия.

— Сама?.. Покончила с собой? — холодея, спросил я. — Что за храм такой? Мавзолей? Пантеон?

— Не знаю... О, небеса! Я ничего не понимаю...

Старая женщина путано заговорила о храмах, которые были новинкой и попасть в которые считалось большим почетом. Нет, решил я, сегодня от нее ничего путного не узнать.

Я попрощался, обещав зайти завтра. Спустился в подземные лабиринты и здесь, в темном закоулке, устроился на ночлег.

Не знаю, сколько я проспал. День сейчас или ночь? Из полумрака подземных коридоров поднялся навстречу. Одурачивший городской свет, ударивший в глаза, создавал впечатление вечной ночи, опустившейся на планету.

Над одной из площадей сквозь паутины парабол еще проглядывало солнце. День! Здесь маршировало подразделение Армии вторжения. На другой площади, почти пустой, отдельные граждане, проходя мимо статуи Генератора, вскидывали руки и издавали верноподданнический вопль: «Ха-хай! Ха-хай!»

Унылая картина! Я сел в кресло транспортной эстакады и укрылся силовой сферой-экраном. Но город и здесь напомнил о себе своей стандартной продукцией: замелькали кадры очередного секс-детектива. Я закрыл глаза и молил судьбу, чтобы она не послала мне «толстомордого» раньше, чем появится пояс. Без капсулы я не мог выполнить просьбу капитана. И еще меня тревожила участь Элоры. Что с ней?

Прежде чем снова зайти к ее матери, решил позавтракать. В кафе меня ждала неприятная встреча: в дальнем углу в окружении двух подручных сидел Тибор. Уходить было поздно — он заметил. Откинувшись назад, Тибор от изумления раскрыл рот и туло уставился на меня. Его рыхлые губы задвигались, послышалось мычание:

— Ммм... Забавно...

Немного опомнившись, Тибор подался вперед, поманил меня пальцем и неуверенно гоготнул:

— Га! Га! Провокатор?

Я усмехнулся: знакомое приветствие! Бояться особенно нечего — охранное время не истекло. Я сел против Тибора, еще не пришедшего в себя от неожиданности. Мы улыбались друг другу широко и напряженно. Наконец Тибор оконча-

тельно поверил в реальность моего существования.

— Вот так номер! Иллюзионист и фокусник возник так же внезапно, как и исчез. Тебя этому фокусу научили на планете пришельцев? Ничего, все сумею выпытать. Тибор — это Тибор! Пока погуляй, пока не имею права трогать. Ты уже знаешь? Но охранное время кончится, и ты пожалуешь ко мне в кресло. Мило побеседуем. Га! Га! Га!

Палач торжествовал. Я невольно сунул руку в карман, где лежала пластинка Актиния. Актиний поможет мне скрыться.

— Что? — догадался Тибор. — Еще какая-нибудь карточка?

Я показал светящуюся пластинку.

— Карточка Актиния? — удивился Тибор. — Точно такая, какую я отобрал. Ловкая подделка. Да ты действительно фокусник. Выбрось ее или лучше давай сюда. Давай, давай! — Тибор схватил пластинку. — Все равно она не действительна. Актиния нет в живых. Он того...

Тибор указательным пальцем провел вокруг своей шеи. «И Актиний тоже...» — с тоской подумал я. Вспомнив о каких-то храмах бессмертия, все же уточнил:

— Самоубийство?

— Да. Дурак! И записку оставил такую же дурацкую.

— Какую?

— «Чем хуже, тем хуже».

Я промолчал. Мне-то был ясен смысл записки. Актиний отчаялся в своих усилиях одиночки, понял, что общество неустойчиво катится в какую-то пропасть.

Занятый невеселыми мыслями, я не подозревал, что буквально через минуту вспомню об этой черной пропасти — о Вечной гармонии. Вспомню мгновенно и решительно все, вплоть до мельчайших подробностей.

Произошло это так.

Тибор сидел лицом к входной двери. Однако ничего не замечал, поскольку жадно поглощал синтетическую жвачку. Передо мной была стена с зеркалом, в котором я видел всех, кто входил и выходил.

Вдруг в зеркале увидел такое, отчего лицо мое на миг исказилось страхом. В дверях стоял... Тибор! Еще один Тибор! Но это был уже мертвый Тибор. Слуга Сатаны. Тот самый «толстомордый», о котором говорил капитан.

Вот этот гость из Вечности и послужил решающим толчком, который привел в движение весь механизм заблокированной памяти. Нестерпимо ярким, ослепительным светом озарилась вдруг вся грандиозная и страшная Вечная гармония и ее Диктатор...

Тибор-вечный нерешительно топтался в дверях. Я быстро овладел собой, но страх, липкий и отвратительный страх гусеницей заползал в душу. Что делать? Встреча произошла слишком рано.

Без капсулы я бессилён. Ясно, что гость из Вечности пришёл не для прогулки, не для того, чтобы размять свои давно истлевшие кости. Он пришёл расправиться со мной...

Один из подручных толкнул в плечо Тибора-живого и удивленно шепнул:

— Смотри, Тибор! Как он похож! Кто посмел подделываться под тебя?

Тибор-живой с изумлением и закипающей яростью взирал на своего вечного двойника: кто, в самом деле, дерзнул копировать его! Этот учёный и палач не подозревал, что через четыреста лет после своей смерти воскреснет по воле Диктатора и станет его подручным, самым лучшим и ревностным его слугой.

Гость из Вечности приближался к нашему углу, бега глазами по сторонам. Перед этим он, конечно, засек район моего биополя и знал, что я где-то здесь.

Я встал, решив проскользнуть незамеченным на улицу и там затеряться в толпе. Однако маневр не удался. Тибор-вечный увидел меня и торжествующе загоготал:

— Га! Га! Провокатор! Хранитель Гриони! Он же Сергей Волошин! Я подозревал, что это одно и то же лицо, хотя Элора убеждала меня в обратном.

Повысив голос, спросил:

— Что ты сделал с Элорой? Где она?

Этот вопрос меня озадачил.

— Как где? Она у вас, в Вечной гармонии.

— Нет её там. Исчезла...

— А вихри? — спросил я, выказывая неплохое знание царства Сатаны.

— И вихрей нет. Это ты... Ты убил её. Здесь. Только где и в какое время? Ну, об этом ты мне расскажешь. Ты знаешь меня: Тибор — это Тибор!

Услышав последние слова, Тибор-живой вздрогнул и вскочил на ноги.

— Эй, ты! Наглец! — закричал он. — Это я Тибор, а не ты! И не трогай этого малого. Он мой.

Тибор-вечный выхватил из-за пояса лучеисто-лет и повернулся в сторону неожиданного противника. Но тут же, ошеломленный, раскрыл рот и опустил оружие. Тибор-вечный узнал самого себя! Живого! Рыхлые губы обалдевшего гостя шевельнулись, слышалось еле слышное бормотание:

— Ммм... Забавно...

Выстрелить он не мог. Это означало бы верное самоистребление. Убей преждевременно Тибора-живого, он — вечный — мгновенно и навсегда исчезнет не только здесь, но и в будущем.

Многие посетители потянулись к выходу, хотя скандалы всегда вызывали у них жгучий интерес. Воспользовавшись замешательством обоих Тиборов, я протиснулся к двери.

— А, самозванец! — тоже вытащив оружие, кричал Тибор-живой. — Я разрублю тебя пополам! Тибор — это Тибор!

Тибор-живой нацелил узкую щель лучеисто-лета в сторону гостя и нажал курок. Глухо фыркнул выстрел. Сверкнул плоский и острый, как нож гильотины, луч. Он отсек голову Тибора-вечного. Голова стукнулась о пластиковый пол и покати-лась, разбрызгивая кровь. На широком лице застыло выражение растерянности и недоумения.

Обезглавленный гость чуть покачнулся. Но в тот же миг у него выросла — словно выскочила из шеи — новая голова. И что самое страшное — с тем же выражением недоумения и замешательства на лице.

Кругом раздались вопли ужаса. Все бросились к дверям. Я не стал дожидаться, пока толпа сомнет меня, и выскочил на улицу.

Впопыхах забрался на верхние ярусы передвижных эстакад. Этого делать не следовало. Тибор-вечный сейчас, конечно, «погас» в эпохе и освободившимся лучом шарит из будущего, из своей Вечности, в поисках моего биополя. В первую очередь он будет исследовать паутину эстакад и поверхность планеты.

Я спустился вниз и нырнул в чернеющий зев подземной дороги. Здесь безопаснее. Сидя в быстро мчавшемся вагоне, подумал об Элоре. Что с ней? Как она могла исчезнуть из Вечности? Не захотела служить Сатане? Но кто помог ей? Во всяком случае, не я. Может быть, она сама все устроила? Предположим, пришла сюда, в эту эпоху, в качестве Элоры-вечной и внесла какие-то изменения в реальность...

Проехал еще сотню километров, потом вышел и углубился в боковые безлюдные коридоры. Шаги мои гулко раздавались в тишине. Изредка попадались деловитые и безмолвные роботы, ремонтирующие сложную систему труб и проводов.

Один из них только что вылез из колодца. «Нижний этаж подземного хозяйства», — подумал я и решил переждать опасное время там. Сунул ноги в черную дыру и неудержимо заскользил вниз. Уцепиться было не за что — ни выступов, ни ступенек, стенки колодца были гладкими, как стекло. Очевидно, робот поднимался с помощью пневматических присосок.

Наконец очутился внизу. В полумраке лабиринтов прошел километра два. Усталость и слишком острые впечатления дня взяли свое, я запрятался в нише и уснул.

Снился страшный сон. Тибор-живой непрерывно нажимал курок лучеисто-лета и отсекал все новые и новые головы у своего вечного двойника. Они с глухим стуком падали и катились, подпрыгивая, как футбольные мячи. Одна из них подскочила так высоко, что дотянулась до моей руки и с торжествующим криком: «Га, га! Провокатор!» — вцепилась зубами в запястье.

От боли и омерзения я вскрикнул и проснулся. Запястья и в самом деле саднили — руки были закручены назад и крепко связаны. Надо мной склонился какой-то смешливый человек. Согнув

средний палец с перстнем-фонариком, он освещал меня и с любопытством рассматривал. Пошарил по пустым карманам, беззлобно хохотнул и сказал двум роботам, стоявшим по бокам:

— Ясно. Беглый художник. Гоните этого чудака обратно!

Меня привели в просторную пещеру. На нарах и камнях сидели люди с дисками, на которых пенилась синтетическая пища. «Художники», — догадался я.

— Дайте и ему поесть, — добродушно сказал человек сопровождавшим меня роботам. — Этот чудак набегался и проголодался.

Он еще раз хохотнул и скрылся в боковой дыре, которая, видимо, вела в служебное помещение или наверх.

— Ты из какой пещеры? — обратился ко мне сосед по нарам. — Из соседней? Пытался бежать? Зря. Отсюда не убежишь.

— Да и некуда, — откликнулся другой художник. Ткнув пальцем вверх, добавил под общей смех: — Там не лучше.

Загнанные в подземелье художники и мыслители оказались людьми жизнерадостными и веселыми. Я был рад этому: мне предстояло провести здесь немало дней...

Едва успев пообедать, под охраной равнодушных роботов мы отправились на строительную площадку. Шли по длинному, усеянному камнями и тускло освещенному туннелю. В полумраке иногда коротко вспыхивали голубые молнии: это роботы электроразрядами наводили порядок. Человекоподобные машины гнали людей, как стадо, подстегивая отстающих уколами электрохлыстов.

На строительной площадке, в гигантской куполообразной пещере, стоял скрежет и лязг. Циклопические машины дробили гранит, расширяя подземное помещение.

Люди, одаренные «нестерпимым зудом» самостоятельно мыслить и творить произведения искусства, считались неспособными ни к какому труду, кроме физического. Они вручную расчищали от щебня и камней площадку для генераторов энергостанции. Роботы жестами и световыми сигналами давали указания. Нерасторопные вздрагивали от разрядов электрохлыста.

Но люди не унывали. А в перерывах начинались настоящие интеллектуальные пиршества. Поэты читали свои стихи, историки под громкий смех рассказывали анекдоты о Генераторе Вечных изречений, часто завязывались серьезные философские споры. Гуманитарии, получив здесь духовную свободу, отводили душу. Никто им не мешал. Одни лишь роботы с электроразрядниками наготове окружали площадки и тупо взирали на непонятное веселье.

Постепенно мне удалось выяснить, что свою планету аборигены называют Хардой. На расстоянии восьми световых лет, в соседней солнечной

системе, находится однотипная планета Аир. Ее населяют такие же люди. Являются ли они переселенцами с Харды? Или, наоборот, обитатели Харды жили до этого на Аире? Сейчас об этом глубококом прошлом никто не знает.

Обе цивилизации жили сначала в дружбе. Но общественное развитие шло разными путями. Аирыяне создали общество, основанное на равенстве и уважении к личности. По-иному сложилась судьба Харды. У власти утвердилась технократическая элита из старой промышленной олигархии и научно-технической интеллигенции. Стандарты! Для социального спокойствия и технического прогресса везде нужны стандарты — и в производстве, и особенно среди людей. Конструктор Электронной гармонии в одном из своих Вечных изречений учил: «При высоком совершенстве отдельных личностей целому угрожает хаос». Подавлялось искусство, как выражение индивидуальности каждого творца-художника, истреблялась природа, поощрялся рост народонаселения. Происходила своеобразная инфляция личности: чем больше людей, тем меньше ценность каждого отдельного человека. Ты — ничто, гармония — все.

Гости, прилетавшие с планеты Аир, вольно или невольно становились возмутителями «гармонии», этого неустойчивого равновесия. Тогда правители Харды запретили людям Аира появляться на планете, объявили их опасными пришельцами. Не выяснил я одну важную вещь: кто такой Генератор? Жив он или давно умер? Может быть, Генератор — просто миф? А Вечные изречения генерирует сам город, этот всевластный Электронный Дьявол? Я все больше склоняюсь к этой мысли. Думаю даже, что статуи Генератора — абстрактные идолы, воплощающие идею тоталитарной государственности.

В обществе изгнанных я провел в катакомбах и пещерах несколько десятков дней. Это были не такие уж плохие дни, если не считать, что иногда со страхом ожидал Тибора-вечного. Но когда выплыл из вакуума пояс, я уже жаждал этой встречи. А гостя из Вечности все не было. Начал подумывать о побеге на поверхность планеты: там, я уверен, непрерывно бегающий луч быстро нащупает мое биополе. Но побега не потребовалось.

Однажды во время обеда в углу пещеры, у входа в служебное помещение, люди вскочили на ноги и обступили какого-то человека. Некоторые бросились прочь, крича:

— Тибор! Тибор!

Я обрадовался, зная, какой Тибор появился в катакомбах. Конечно, вечный! Живому здесь делать нечего.

В один миг очутился у входа в туннель. Огляделся. Ближе пяти метров никого не было. Сторожевые роботы не в счет. У них нет биополя, они не помешают поясу вынырнуть из вакуума,

Нащупав переключатель эпох, я почувствовал себя уверенным.

Роботы, застывшие у входа, не обращали на меня никакого внимания. Они уставились своими желтыми мигающими глазами в угол пещеры, не понимая причин паники, но на всякий случай приготовив электроразрядники.

Тибор своими пудовыми «вечными» кулаками расчищал дорогу и озирался.

— Я здесь! — крикнул я и махнул рукой.

Гость из Вечности оторопел. Он никак не предполагал, что встреча с ним доставит мне удовольствие.

Я нырнул в темный проем туннеля. Растерявшиеся роботы пропустили меня. Проскочил и Тибор.

Бежал я довольно быстро. Но соблюдал осторожность: на неровном полу туннеля попадались крупные камни. К моему удивлению, тяжеловесный Тибор мчался с легкостью и мягкостью хищника, хотя и уступал мне в скорости.

Туннель кончился. На строительной площадке машины, дробя гранит, скрежетали своими несокрушимыми челюстями. Людей, как я и предполагал, в это время здесь не было. Ни один человек своим биополем не помешает мне осуществить задуманное.

В проходе возник запыхавшийся Тибор. Я заметался, делая вид, что панически ищу выхода. Но в гранитных стенах пещеры не было ни одной дыры, ни одной трещины.

Тибор перевел дыхание и ухмыльнулся.

— Га! Га! Побеседуем? Расскажешь мне, в каком месте и когда ты устранил Элору из жизни. Я возникну за час, за минуту до этого и пресеку твоё вмешательство, восстановлю прежнюю реальность. Молчишь? Ничего, у меня заговоришь: Тибор — это Тибор!

Я остановился, изображая страх и растерянность. Гость из Вечности медленно приближался. И тут я сделал то, чего он никак не ожидал. Нащупав на правом боку под рубашкой переключатель эпох, я шагнул навстречу Тибору и левой рукой, замыкая невидимое поле, охватил его за талию.

Тибор-вечный опешил.

— Ммм... Забавно...

Я сдвинул переключатель. Пояс, мигнув фиолетовым пламенем, развернулся и охватил капсулой меня и Тибора. Вернее, это были две капсулы, как бы спаянные вместе.

Тибор, растерявшись, принялся колотить кулаками. Напрасно! Невидимые тахионно-фотонные стенки капсулы прочнее любой брони. Они то и перерезали нейтринный луч, отсекали Тибора от Вечности. Я выполнил приказ капитана. Мой сосед по капсуле теперь уже не вечен.

Тахионно-фотонное поле запульсировало. Птица-капсула, не знающая преград во времени и пространстве, взмахнула крыльями и вынесла нас

из тесных пещер Электронной эпохи — на волю, на простор тысячелетий...

Простор тысячелетий... Захватывающее, ни с чем не сравнимое ощущение полета во времени. Наша сдвоенная капсула зафиксировалась в первобытном мире. Вдвоем с Тибором мы очутились в древней прерии... Но о своих приключениях в первобытной эпохе, о том, как мне удалось расправиться с Тибором, рассказывать не буду. Это — лишь частный эпизод, мне же предстоит поведать о значительно более важном.

Но прежде всего — выспаться! Уже поздний вечер, а я все еще сижу в своей хижине над страницами дневника. Усталость берет свое: меня неудержимо клонит в сон...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Встреча с друзьями

Проснувшись, я вышел из хижины.

Как и год назад, это было на редкость роскошное июньское утро. Редел туман, уползая в таинственные чащобы. И на поляне перед хижинной многоцветным полотном засверкала под солнцем трава, обрызганная росой. На сосне возилась моя старая рыжая приятельница — белка.

И вдруг — в довершение всего!.. — точно в-точь, как год назад, вдали над вершиной горы закачался столб дыма.

Быстро дошел до подножия горы, по камням, как по ступенькам, взобрался на вершину. Осторожно раздвинул ветки и перед костром увидел незнакомых людей: высокого худощавого мужчину и его точную, но помолодевшую копию — юношу лет семнадцати. «Сын», — догадался я и вышел из-за кустов.

Поздоровались. Старший предложил разделить с ними завтрак. Он не узнал меня. Зато юноша так и уставился изумленными глазами.

— Сергей Волошин?! — несмело улыбнулся он.

Пришлось за завтраком коротко рассказать о своих последних скитаниях. Старший — лесничий Эридан Потапов — слушал мое повествование как неразрешимую научную загадку. Но его сын Алеша верил мне безоговорочно.

После завтрака Потаповы уговорили меня совершить маленькое путешествие.

— Не такое, конечно, головокружительное, как у тебя, — добродушно сказал Эридан. — И не на хитроумной машине времени, а на гравиплощадке — вот на этой телеге и лошади двадцать четвертого столетия.

И он показал на странный и внешне простой

аппарат, стоявший поодаль в кустах. Круглая платформа с перилами, три кресла и перед ними — пульт управления. Вот и все.

— Это редкостная привилегия, — смеялся Алеша. — Летать над землей позволено только птицам и... лесничим!

Мы сели в кресла. Эридан дотронулся пальцем до кнопки. Гравиплощадка бесшумно взмыла вверх. У меня захватило дух — так великолепно были всхолмленные лесистыми горами дали, подернутые сиреневой дымкой...

Сейчас я с удовольствием описываю свое утреннее путешествие на «телеге» лесничего. Тягостное настроение, вызванное воспоминаниями, окончательно рассеялось.

Захотелось повидать своих друзей: Ориона, Вега, Патрика... Особенно Таню. «Жаворонок», — с теплотой подумал я, испытывая глухое волнение.

Вызвал комнату Ориона, но экран не засветился. Попробовал еще раз, нажав одновременно кнопку звукового сигнала. С тем же успехом. Подождал, побродил в лесу около часа. Потом вернулся и снова нажал кнопку. Через минуту экран вспыхнул, выхватив окно, стол и часть стены с фильмотекой. И по-прежнему никого. Кто же тогда отозвался?

И вдруг сбоку стал медленно выплывать огромный букет полевых цветов, который детским голосом робко пропищал:

— Дома никого нет.

Из-за букета несмело выглянули глаза Настя — дочери Ориона. Она радостно захлопала в ладоши, забыв о цветах. Те упали на пол.

— Дядя Сережа вернулся! Дядя Сережа! — закричала она и залпом выложила все новости: папа с мамой в Чукотском космопорте, тетя Таня в Антарктиде. Вернутся все к четырем часам.

— Не говори им пока обо мне, — сказал я. — Слышишь! Не выдавай меня. Молчи с таинственным видом. Вот с таким.

И я строил напыщенно-важную физиономию. Настя заливалась смехом.

— Сможешь?

— Смогу, дядя Сережа, смогу!

Но что делать до четырех часов? Вспомнил, что на экране можно обозревать с высоты любой город, любой крупный научный или космический центр. Вспомнил и номер Чукотского космопорта — ЧК-81. Набрал этот номер и с высоты птичьего полета увидел бетонированное поле, окруженное движущимися решетчатыми эстакадами. Здесь царство машин, всевластие электроники. Вот несколько остроносых беспилотных разведракет, космический крейсер старого типа.

Невидимый телепередатчик, совершая облет, выхватил огромный диск — гиперзвездолет. Его то мне и надо! Нажав кнопку, зафиксировал изображение.

Несколько десятков людей в гермошлемах и

комбинезонах расставляли какие-то приборы. Раздался надрывный рев сирены. Люди быстро, но без суеты, забирались с приборами в открытые люки корабля. Через три минуты люки закрылись. Гигантская чечевица гиперзвездолета поднялась в воздух и вскоре исчезла.

Члены экипажа отработывали, видимо, действия по сигналу тревоги. В одном из них я, кажется, узнал Ориона. Но как позвать Таню? Антарктида? Это для меня новость. Что делать там биологу с широким профилем? И где ее искать на огромном материке?

Кое-как дождался четырех часов. Помедлил еще минут пятнадцать и нажав кнопку. За столом спиной к экрану сидел Орион, уткнувшись в аппарат для чтения фильмокниг.

— Кто там еще? — пробормотал он и обернулся. Грузный и обычно медлительный, Орион вскочил с такой живостью, что ступ отлетел в сторону.

— Сергей! — обрадовался он. Потом, изобразив на своем широком добродушном лице грозное выражение, поднес к экрану сжатый кулак. Хотел к этому увесистому жесту прибавить не менее увесистое укоризненное слово за мой неожиданный побег. Но, вспомнив что-то, раздумал и приложил палец к губам.

— Т-с-с...

«Мистификатор, — подумал я, испытывая теплое чувство, словно уже попал в долгожданные дружеские объятия. — Сейчас начнет кого-то разыгрывать».

— Таня! — крикнул он в окно. — Тут тебя кто-то спрашивает.

— Кто? — послышался звонкий голос.

— А я почему знаю, — недовольно пробурчал этот артист. — Разве в лицо запомнишь всех твоих муравьиных знатоков и приятелей тигров?

И с равнодушным видом уселся за стол, углубившись в светящуюся фильмокнигу.

Вошла Таня, подняла голову и слегка побледнела, а потом ее глаза вспыхнули таким счастьем, что я вздрогнул. Сияющий взгляд этих глубоких глаз — лучшая награда за все мытарства в страшных эпохах.

— Ты?.. Сережа?.. — прошептала она и облегченно вздохнула. — Наконец-то! Ты у себя?.. Я сейчас... Сейчас. Ты подожди. Мы сейчас все вместе.

Экран погас. Пока соберутся все вместе, думал я, пройдет не менее часа. Но уже через пятнадцать минут скрипнула дверь, и в хижине стало тесно. После первых приветствий, междометий и восклицаний Орион снова поднес кулак — но уже не к экрану, а к самому моему носу.

— Чем пахнет? Ох, подожди, космический бродяга, тебе еще попадет от меня, от Спотыкаева... Беглец! Хоть бы предупредил...

Взглянув на притихшую Таню, он обратился к Веге и Патрику:

— Пойдем-ка разводить костер. Мы ему еще устроим сцену у костра. — И, лукаво улыбнувшись, добавил: — Ему сначала предстоит весьма крупный разговор с Татьяной.

Мы остались вдвоем. И снова я вздрогнул от радости, почувствовав обжигающий взгляд черных, глубоких глаз. Таня протянула для пожатия руку и еще раз облегченно вздохнула:

— Ну, здравствуй, Странник!

Она уронила пышноволосяную голову на мое плечо.

— Не надо, Таня, — мне показалось, что она плакала. — Я же здесь... Теперь уже навсегда.

Я взял ее за вздрагивающие плечи и посмотрел в лицо. Но Таня не плакала, а смеялась тихим и таким счастливым смехом, что я тут же дал себе торжественную клятву никогда с нею не разлучаться.

Когда мы вышли из хижины, перед нею уже плескались веселые языки костра.

Бережно обращаясь с платьем, Таня села на камень.

— Вырядилась, — кивнул в ее сторону Орион. — Всегда так, когда у нее хоть маленький успех. Оказывается, она почти композитор! А сегодня... Ее цветы сегодня впервые зазвучали, заквакали, как лягушки. Вернулась из Антарктиды, сразу же облачилась в дурацкий пенелон и целый час вертелась перед зеркалом!

Таня метнула на брата укоризненный взгляд: он разоблачил перед всеми ее маленькую слабость.

— Не успела переодеться, — оправдывалась она. Потом воскликнула, желая переменить тему разговора: — Совсем забыла! Поздравь их, — она показала на Вегу и Патрика. — Новая супружеская пара.

— Где будете жить? — спросил я. — В кочующем городе?

— Нет, не могу привыкнуть к зною. Будем жить на моей родине — в Шотландии, — ответил Патрик и пошутил: — Там у меня древнее родовое имение. Замок с привидениями.

— Ты подожди со своими инженерными привидениями, — сказал Орион. — Послушаем прежде о загадочных призраках Вечной гармонии. Как твоя память, Сережа? Разблокировалась?

— Полностью, — усмехнулся я. — И мгновенно, словно включился свет прожекторов.

Но сначала я рассказал об электронной эпохе, о встрече с «толстомордым» — Тибором-вечным. Старался излагать с юмором. И не без успеха. На губах Патрика и Веги вспыхивала улыбка, Орион хохотал. Но Таня слушала с таким серьезным видом, словно не я, а она бродила в катакомбах, сражалась с Тибором в каменном веке.

Сгустились июньские сумерки, стало прохладно. Но Орион забыл подкладывать ветки в костер. Головешки багрово тлели. В фиолетовом небе повисла огненная роса. Танино праздничное

платье излучало в темноте такой тонкий свет, словно оно было соткано из танцующей звездной пыли, словно девушка укуталась не в пенелон, а в кусочек Млечного пути...

— О чем задумался? — нарушил молчание Орион, подбросив сухие ветки. — Продолжай. Расскажи о Вечной гармонии. Ведь ты ее вспомнил.

— Ну, это слишком страшно, — усмехнулся я и сам подивился своей беспечной веселости. В этом мире, в кругу друзей тот мир показался вдруг почти нереальным.

— Нет, такие жуткие вещи на ночь рассказывать нельзя, — отшучивался я. — Лучше я все запишу завтра. Потом прочитаешь.

— Хорошо. Один день тебе на это. А послезавтра — Совет Астронавтики. Для Спотыкаева и его теории — ты просто находка. Спотыкаев ждет тебя, как манну небесную... И вообще довольно жить отшельником, — добродушно продолжал Орион. — За полчаса отгрохаем тебе такой дворец — закачаешься. А эту избушку — ко всем чертям!

— Пират! — с восхищением воскликнула Таня и рассмеялась. — Посмотрите на этого космического пирата. Он усвоил все замашки древних морских разбойников. Ругается, как шкипер!

Беседа наша у погасающего костра затянулась до полуночи. Причем Таня подтрунивала не только над Орионом, но и надо мной. В полночь мы расстались.

...Сейчас дописываю свои впечатления о проведенном дне. Этот день освежил меня лучше, чем десяток ультраволновых душей.

А завтра...

Завтра я должен рассказать человечеству о той страшной «эволюции», которая привела Электронную эпоху к Вечной гармонии. Продолжу свои воспоминания, прерванные из-за блокады памяти. Точнее — не продолжу, а начну с того места во второй главе моих записок, когда открылась и тотчас захлопнулась за нами, членами экипажа, дверь в пустынную Вечную гармонию — подлинное царство Сатаны.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Царство Сатаны

— Никаких эксцессов! Слышите, братцы? Никаких эксцессов!..

Эти слова капитана, сказанные в преддверии Вечной гармонии, никогда не забывал. А дальше — черная пропасть... Память нашу заблокировали с того момента, когда силовая сфера загло-

тила корабль своими протуберанцами. Но сейчас прекрасно помню, что встретило нас по ту сторону сферы.

...На нас обрушилась тишина. Заглохли планетарные двигатели, перестали петь приборы. Прозрачная полусфера пилотской каюты потемнела — ни солнца, ни звезд. Корабль будто провалился в угольную яму.

С электронным универсалом что-то случилось. Он буквально мямлил, на вопросы отвечал с перебоями. С трудом удалось выяснить, что звездолет, как муха, попал в паутину силовых полей. Его будто сунули в мешок и волокли в неизвестном направлении.

— Выясни, что с двигателями, — приказал мне капитан.

Я спустился в кормовую часть корабля. Из машинного зала вырывался сноп света, и на полу коридора вздрагивала тень неизвестного человека.

С излучателем в руке я подкрался к двери и увидел широкую спину незнакомца. Тот склонился над приборами. Левую руку он отставил в сторону и опирался ладонью на предохранитель. Пломба почему-то сорвана. Стоило по неосторожности нажать кнопку предохранителя, и свин-

цовый шар, получивший из-за утечки гравитонов отрицательный заряд, освободится от пут силовых полей. Он может коснуться корпуса реактора. И тогда — черный взрыв! Та самая черная аннигиляция!

Что делать? И я поступил, может быть, не лучшим, но радикальным образом — тонким и острым, как бритва, лучом отрубил руку. Не задев кнопки, рука упала на пол.

Взревев от боли, незнакомец обернулся и увесистым правым кулаком с размаху стукнул меня по скуле.

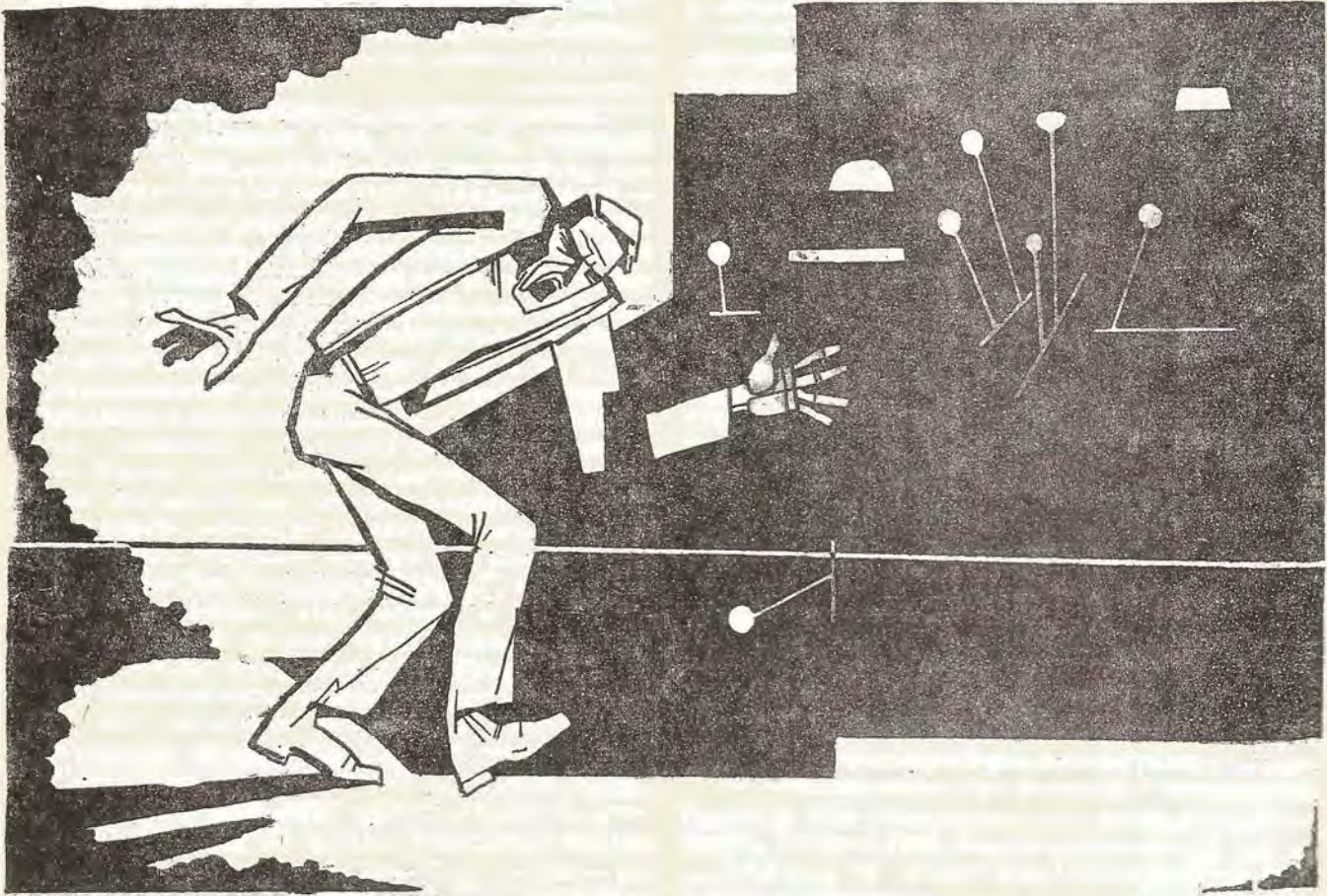
Удар был хорош. Я отлетел в другой конец коридора. Слизнув соленую струйку крови, вскочил на ноги. В ту же минуту за моей спиной появились члены экипажа.

Взглянув на мою окровавленную щеку, капитан сердито сдвинул брови.

— Опять эксцессы? Я предупреждал...

Я привел товарищей в машинный зал, где на полу валялась отрубленная по локоть рука, и рассказал о случившемся.

— Не очень остроумно поступил, братец, — насмешливо заметил капитан. — Впрочем, ничего другого не оставалось. А ты, Яков Петрович, возьми эту чертову руку, исследуй и доложи.

Поставив на предохранителе новую пломбу, мы тщательно заперли за собой машинный зал. Как будто это имело какое-то значение для вездущих и всепроникающих гостей.

Через полчаса в пилотскую кабину пришел из лаборатории Яков Петрович.

— Рука как рука, — сказал он. — Из той же плоти и крови, что и у нас. Могу сообщить группу крови, РОЭ, процент гемоглобина...

— Не надо, — отрезал капитан. — Выкинь ее за борт.

Стычка в машинном зале имела одно положительное последствие: таинственные потомки оставили нас в покое. Никто больше не следил за нами и не рылся в каютах.

Малыш повеселел, а планетолог, поглаживая бороду, благодушно острил:

— Феноменально! Понимаешь, Сережа? Любезным потомкам мы надоели. Изучали они нас, изучали, а потом, треснув тебя по физиономии, поставили на этом точку.

— Хороша точка, — смеялся Ревелино, показывая на мою левую щеку. — Может быть, всего лишь запятая?

Шрам на щеке и в самом деле походил на багровую запятую.

— Хватит зубоскалить, — строго сказал капитан, однако от улыбки не удержался.

Лишенный управления звездолет продолжал нестись в полной темноте. Однажды утром, когда я только что проснулся, корабль сильно вздрогнул, ударившись обо что-то.

Быстро оделся и побежал в пилотскую. Весь экипаж на месте. Даже Иван Бурсов.

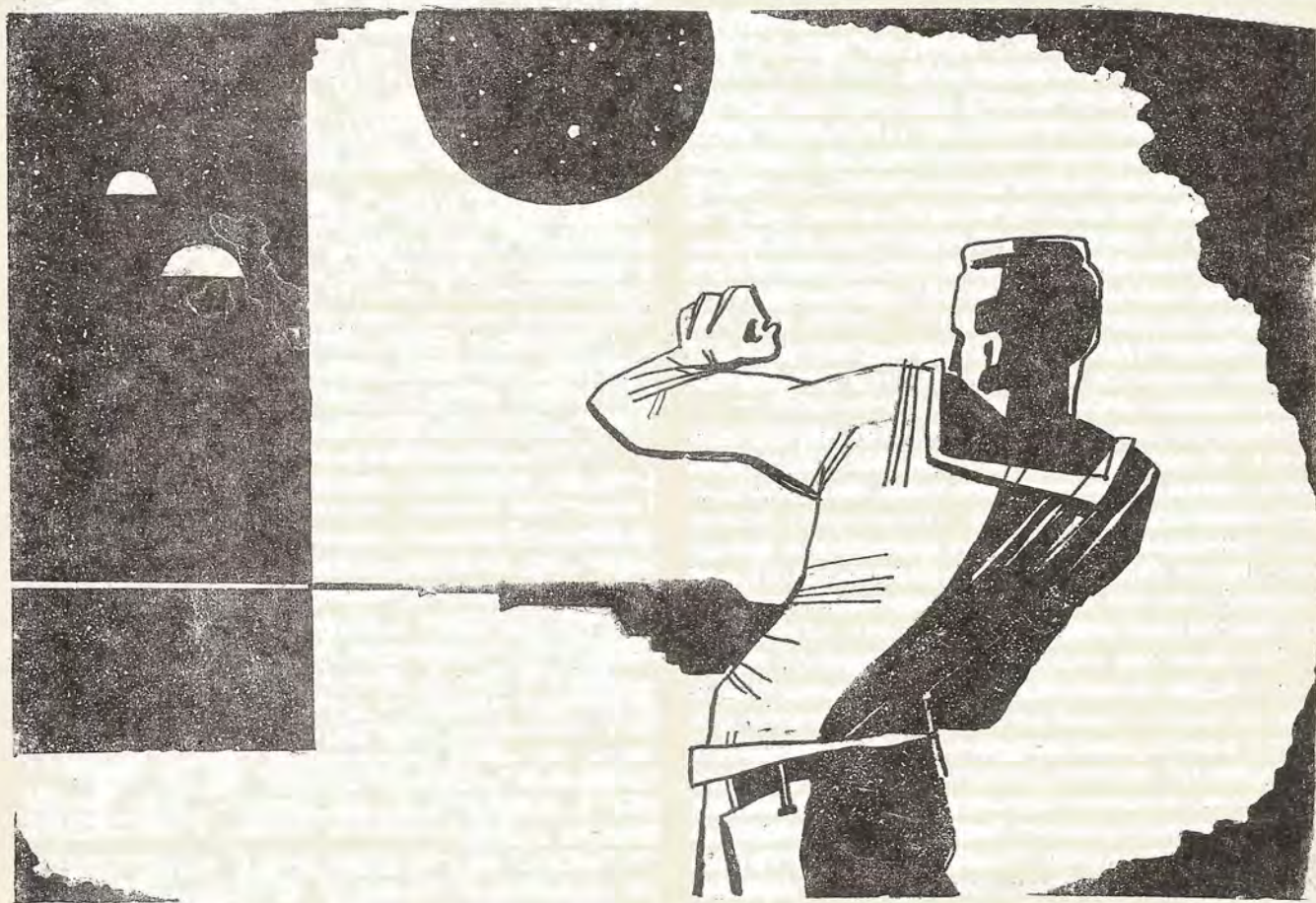
— Мы на Луне! — кричал он.

Каюту заливал солнечный свет: полусфера снова стала прозрачной, словно кто-то сорвал с нее черное покрывало.

Мы натянули комбинезоны с гермошлемами и спустились вниз. Над нами колыхался косматый огненный шар Солнца. Почти рядом чернел диск, окруженный голубым ободком подсвеченной сзади атмосферы. Это была Земля, ее ночная сторона.

Звездолет стоял на лунном космодроме, опоясанном какими-то строениями. Может быть, город? Мы шагали по ровной площадке, оставляя глубокие следы в многовековой пыли: с космодрома уже сотни лет не взлетал ни один корабль.

Вошли в лунный город. Он напоминал почерневший лес, по которому когда-то прокатилась волна пожара. Кругом, как темные стволы цикло-

пических деревьев, высились многоэтажные здания, переплетенные лианами провисших мостов и эстакад. Ноги утопали в пыли, как в пепле. Многие дома покосились, часто попадались обломки рухнувших эстакад. Город был мертв. Ни малейшего движения, никаких признаков жизни. Внутри зданий — такое же запустенье: ровный слой пыли, истлевшая мебель.

— Где же люди? Хотя бы те призраки? — спросил Иван.

— На Земле, — уверенно ответил капитан. — То есть людей-то не найти и там. Во всяком случае, живых людей. Но там разгадка.

К экспедиции на Землю готовились два дня. У нас была вместительная шлюпка — посадочная ракета, которую с помощью механизмов поставили рядом с кораблем.

Ракета стартовала, взметнув облако пыли. У всех нас зачастил пульс, когда увидели темный диск в голубом ореоле атмосферы. Земля наплывала, увеличивалась. Что ждет нас на родной планете? Она молчала. Ни звука в микрофонах, ни одного светового всплеска на черном диске. В наш двадцать первый век ночная сторона Земли казалась из Космоса мерцающей. Светились города, в океанах проплывали ярко иллюминированные лайнеры. А сейчас — ничего. Огни цивилизации погасли...

Приборы показывали высоту сто километров, потом пятьдесят. Ракета, выпустив крылья, вошла в плотные слои атмосферы.

Мы прильнули к экрану радароскопа. Он серыми красками, но в сильном увеличении рисовал неясную картину — лениво перекатывающиеся волны океана. Затем водные просторы сменились сушей. Однако это была странная суша: те же волны, но неподвижные, вдруг закаменевшие.

— Что такое? — бормотал планетолог. — Хотя бы руины, как на Луне... А то ведь ничего. Какой-то застывший океан.

— Скоро будет освещенная сторона Земли, — капитан хмурился, около тонких губ залегла жесткая складка. — Сейчас увидим.

И мы увидели... Трудно передать чувство смутения, охватившее членов экипажа. Под нами расстилалась серо-желтая пустыня, безграничный застывший океан песков.

Планирующая ракета еще снизилась и замедлила полет. Внизу мелькали барханы. Ни одной зеленой рошцы или дерева, ни одной неожиданной сверкнувшей реки.

Кружили над мертвой планетой долго.

— Будем садиться, — сказал, наконец, капитан.

Ни один мускул не дрогнул на его каменном лице. Часто я восхищался, но иногда смущала эта волевая непроницаемость. У нас сжимались сердца от предчувствия беды, постигшей человечество. Но что думал Федор Стриганов? Трудно сказать. Движения его рук за пультом управле-

ния были по-прежнему уверенными и спокойными.

Место для посадки капитан выбрал удачно — ровную гранитную площадку, почти не затянутую песком.

Иван Бурсов и биолог выпустили на волю автономные приборы — автоматы. Первые показания их не радовали. Песок и воздух не содержали не то что капли, но и росинки воды. О жизни и говорить нечего. Чуткие приборы не обнаружили даже микроорганизмов. Это была стерильная пустыня, пустыня-абсолют.

И вдруг...

— Человек! В пустыне человек! — закричал Ревелино.

Мы поспешили к бортиженеру на горбатый бархан. С вершины заметили вдали одинокую фигурку, точнее — силуэт. Человек поднял руку, не то показывая вверх, не то подзывая к себе. Рядом с ним — решетчатый остов полуразрушенного здания. И ничего больше. Кругом унылая холмистая равнина.

— Это контакты! — воскликнул легко возбуждающийся Иван. — Скорее в вездеход!

Под прозрачным бронекуполом гусеничного вездехода разместился весь экипаж. Завыл двигатель. Машина, покачиваясь, переваливала через бугры и оставляла за собой рубчатые следы. Когда до цели оставалось метров триста, мы поняли свою ошибку: это был не человек, а внушительных размеров статуя.

Двигатель внезапно заглох. Ревелино долго копался в нем, но повреждений не нашел. Что это? Снова шутки невидимок?

Мы выпрыгнули из кабины и осмотрелись. Позади остроносой гусеницей-шестиножкой серебрилась горизонтально поставленная ракета. В крайнем случае к ней можно вернуться пешком.

Подошли к статуе. Металлический идол с застывшей усмешкой простирал руку вверх. На постаменте какая-то надпись из замысловатых знаков, которые раньше, очевидно, светились.

Сейчас, уже побывав в Электронной эпохе, я смог бы объяснить товарищам, что это статуя Генератора Вечных изречений. Прочитал бы и надпись: «Болезней тысячи, а здоровье — одно». Сотни лет простоял чугунный Генератор. Сначала во всемирном городе, затем в глобальной пустыне — пустыне абсолютного «здоровья». Идеальное воплощение Вечных изречений!

Этот сейчас... А тогда я вместе со всеми с недоумением взирал на статую. Она вызывала тревогу, ощущение забытой вехи погибшей цивилизации. Но какой цивилизации? Сфинкс пустыни с загадочной усмешкой молчал. Ничего не дал нам и осмотр металлического покосившегося скелета здания.

Прошли еще километра два. Ракета утонула за горизонтом. Компасы не работали, словно

планета лишилась магнитного поля. Среди пухлых холмов четко вырисовывался на белесом небе единственный ориентир — силуэт статуи. За нами цепочкой тянулись глубокие следы. Они, решили мы, приведут нас обратно к вездеходу. Это был просчет. Мы еще не знали нрава таинственной пустыни.

Пустыня, до этого неподвижная и немая, вдруг зашевелилась и заговорила звенящим шепотом. Задымились макушки барханов, поползла, скручиваясь в желтые веревки, струистая поземка. Потом поднялся сильный ветер и началась песчаная круговерть, быстро стершая наши следы.

Обернулись, но ориентира своего не увидели. Горизонт затащило колышущейся мглой. Мы крепко взялись за руки, чтобы не потерять друг друга, и зашагали, как нам казалось, в нужном направлении. Только бы дойти до вездехода — там баллоны с жидким кислородом и запасы питательной пасты.

Все кругом забилось. Серая пелена скрыла не только статую, но и солнце. Мы брели упорно и долго и, конечно, сбились с пути.

Ветер усиливался. Тугие струи воздуха, взвинчиваясь пыльными вихрями, пошли гулять по барханам. С шипением и грохотом налетел ураган. Тысячи песчинок щелкали по гермошлемам, густые потоки сбивали с ног.

Бурю решили переждать около скалистого обнажения. Тем более, что по нашим часам на планете наступила ночь. Однако не было ни Луны, ни звезд. Ничего, кроме мчавшейся с визгом и воем песчаной мглы.

Ураган смолк внезапно. Искать ракету сейчас не имело смысла. Надо ждать утра. Мы уселись плотнее друг к другу. Я оперался на широкую, как плита, спину Ивана Бурсова и чувствовал его учащенное дыхание. Могучим легким планетолога не хватало воздуха. Кислород кончался и в моих баллончиках. По показаниям приборов воздух планеты содержал кислород. Но годился ли он для дыхания? Я осторожно приподнял, а потом совсем откинул назад гермошлем.

— Не курорт, но дышать можно, — сказал я Ивану.

Планетолог открыл гермошлем и облегченно вздохнул. Остальные последовали нашему примеру. Мы даже вздремнули до рассвета.

Утреннее солнце осветило безотрадную картину — безбрежный песчаный океан. Мы сориентировались по солнцу, посоветовались и направились на северо-запад. Там, казалось нам, была надежда найти ракету или вездеход.

Через час мы чувствовали себя, как в раскаленной печи. Сколько бы ни двигались, всегда оказывались в центре ослепительной и знойной бесконечности. А еще через три часа едва плелись. Голод, который ночью сосал желудки, отступил перед новым врагом — жаждой. Жгучее

солнце выжимало из нас последние соки. А мы все брели и брели, с трудом вытаскивая ноги из сыпучего песка.

Первым свалился с ног самый старший из нас — Яков Петрович Зиновский. Капитан подхватил биолога за плечи и помогал ему идти. Я пристраивал за Иваном Бурсовым. Крупному, полнотелому планетологу приходилось туго. Но он крепился. И даже разразился витиеватой бранью по адресу статуи.

— Чугунный подонок... Стоит сейчас где-то в пустыне и ухмыляется. Это он завел нас...

В горле пересохло. Сухой и шершавый язык с трудом ворочался во рту. От усталости шатало из стороны в сторону. В голове закружилось, и я готов был упасть, когда услышал крик Ревелино:

— Оазис! В пустыне вода... Оазис!

«Бредит», — подумал я, еле взбираясь на вершину бугра, где стоял Ревелино. На западе, куда клонилось перешагнувшее через зенит солнце, увидел деревья и блеснувшее между ними зеркальце воды.

— Мираж? — спросил я капитана.

— Не похоже, — ответил он. — В такой глобальной пустыне не должно быть миражей.

Вид деревьев и воды приободрил нас. И все же мы едва доплелись до оазиса — зеленого островка в желтом океане. Последние метры я тащился, сгибаясь под тяжестью Ивана. А тут еще оазис не пускал нас: руки наткнулись на упругое энергетическое поле. Впрочем, оно тотчас завибрировало, вспыхнув на секунду голубоватым пламенем, и втянуло нас внутрь полусферы. Оазис был под невидимым силовым колпаком.

Легкие судорожно расширились. Я глотал свежий воздух, обильно насыщенный кислородом и ароматом лугов. Потом плеснул воды на Ивана, дал ему попить. Тот очнулся, с изумлением взирая на высокие ветвистые деревья и озерко чистой воды.

— Феноменально! — прошептал никогда не унывающий Иван, поглаживая свою мокрую борду. — Мы что, уже в раю? Мы умерли?

Жажда так иссушила нас, что мы забыли о всякой умеренности. Встав на четвереньки и погрузив лица в воду, пили, как животные на водоеме. Потом разделись и бросились в озерко, напомиравшее скорее глубокую лужу. Обезумев от радости, плескались, как дети, ели плоды, похожие на бананы...

Когда наши животы разбухли от воды и сочных плодов, мы вылезли на берег и осмотрелись. Диковинный оазис не имел ничего общего с пустыней. Он был инородной частью. Создавалось впечатление, что круглая травянистая платформа с деревьями поставлена прямо на песок. Журчащий ручеек, впадающий в лужу, начинал течь из пустоты — от границы силового барьера. Еще одна странность — ветер. В пустыне, окружающей

оазис, не шевельнется ни одна пылинка. Кругом мертвая раскаленная неподвижность. Здесь же дул прохладный порывистый ветер. Густая листва деревьев звенела, переливаясь серебром и чернью.

— Смотрите! — воскликнул Ревелино.

В небе, над кроной самого высокого дерева, кружилась птица. К ней присоединилась другая, влетевшая внутрь невидимого колпака неведомо откуда. Птицы описали круг и улетели в пустоту, в ничто.

— Почти все ясно, — сказал капитан.

— Модель? — спросил планетолог.

— Нет, оазис не смоделирован. Это частица реальности, выхваченная из прошлого. Вероятно, из очень далекого, доисторического прошлого. Как это сделано? Имею об этом лишь теоретическое представление. Но это так, братцы. Это кусок действительности....

Похоже, что Федор был прав. Опасаясь, как бы перемещенное во времени чудо не исчезло, мы еще раз искупались, наелись впрок плодов, напились. Капитан приказал надеть комбинезоны.

— Всякое может случиться.

— А не провалимся ли мы в прошлое вместе с этой платформой? — спросил я.

Капитан пожал плечами. Планетолог выразил согласие провалиться хоть в преисподнюю, только бы остаться в этом райском месте.

Испытания, выпавшие на нашу долю в пустыне, усталость — все это сказалось. Мы не заметили, как заснули. Проспали, вероятно, больше суток.

Разбудил нас Федор Стриганов глубокой ночью и молча обвел вокруг рукой: смотрите!

Вид был ошеломляющий. Мы сидели на берегу знакомой лужи, тускло посеребренной луной. Над нами склонялись ветви тех же деревьев. Но пустыни — вот что нас поразило! — пустыни не было. Оазис естественно вписывался в пейзаж, который заворожил нас первобытной красотой. До самого горизонта холмистым ковром расстилалась лесостепь, залитая дымным лунным сиянием. Вдали темнели две или три рощи вроде нашей. Справа — лес.

Силовой колпак исчез. Ручеек начинал свой бег не из пустоты, не от границы, где раньше был барьер, а из травянистой ложбины. Удивительный ручеек! Раньше он весело звенел и журчал, а сейчас беззвучно переливался в траве, играя слюдяными блестками. Дул, очевидно, ветер. Но мы не ощущали его упругости.

Станный, молчаливый мир. Мир без звуков, без запахов, без ощущений. Одни лишь зрительные восприятия.

— Фотонный мир, — сказал Стриганов.

— Не темни, капитан, — проворчал Иван. — Объясни.

— Слышали про эффект Ньюмена?

— Да, — ответил я. — Шведский ученый Нью-

мен предсказал эффект несовмещенного времени. Его гипотезу поддержали немногие. Большинство специалистов иронизировало.

— Вот именно. Иронизировало, — хмыкнул капитан. — А теперь смотрите.

Федор встал и, наклонив голову, решительно направился прямо на дерево. Все ждали, что он стукнется лбом о шершавый ствол. Но произошло невероятное — капитан прошел сквозь дерево, как призрак. А точнее — дерево было призрачным.

— Поняли, братцы? Фотонный мир. Две несостыкованные эпохи. Раньше мы были в состыкованной роще, а сейчас во всей эпохе, но несовмещенной во времени. Нас разделяют миллиардные доли секунды, всего один квант времени. Но самый важный квант. Мы видим вторичные фотоны, световое изображение прошлой эпохи, но не пребываем в ней. Не осязаем ее и не слышим. Мир по ту сторону наших органов чувств, кроме зрения. А жители эпохи нас даже видеть не могут. Мы вроде незримых наблюдателей из будущего — из пустыни. Не спрашивайте, как это делается. Не знаю.

— А главное, кто это делает? Может быть, они? — планетолог показал в сторону степи. Там, за гребнем холма, светилось багровое зарево.

— Сходим и посмотрим, — предложил капитан.

Мы осторожно передвигались, испытывая непривычное ощущение нереальности, призрачности окружающего. Сквозь холм с кустарником проплыли, будто он был соткан из подкрашенного воздуха.

За холмом, в полукилометре от нас, извивались космы большого костра. Около него скакали крохотные человеческие фигурки.

— Можем подойти ближе, — сказал капитан. Подошли. Вокруг костра плясали, разевая рты в беззвучных криках, голые волосатые люди. Очевидно, это было племя людоедов: у костра лежали связанные гибкими ветвями пленники.

Беззвучная картина начала растворяться, размываться, заволакиваться дымом.

— Этой безобразной сценой наши потомки хотели что-то сказать. Подать какую-то мысль.

Федор согласился со мной и добавил:

— А чтобы их мысль стала еще более наглядной, сейчас по контрасту увидим мирную, идиллическую сцену.

На этот раз капитан ошибся. Сначала его предположение как будто оправдывалось. Клубящийся вокруг нас туман редел, насыщаясь светом. Торжественно и мирно выплывало солнце, рассеивая клочья мглы. Медленно выступал большой город, окруженный горами. Необычные купола многоэтажных зданий жарко сверкали под утренними лучами.

Город просыпался. По широким проспектам, радиально расходящимся от центральной площа-

ди, катились каплевидные машины. На окраине, которая подступала к нашему наблюдательному пункту — высокому холму, люди неторопливо выходили из подъездов, щурясь на солнце.

И вдруг что-тостряслось. Город обезумел, охваченный внезапной паникой. Машины увеличили скорость, стремясь вырваться из города. Они сталкивались, врезались друг в друга, образуя груды металла. Люди на окраине заметались с широко открытыми и ничего не видящими от ужаса глазами. Они натыкались на стены, падали.

Кошмар, навалившийся на город, казался таким чудовищным и реальным, что и нас охватил страх.

В чем дело?

Из-за гор, в противоположной от нас стороне, выглянула черная туча. Ее клубящиеся края меняли очертания и форму. Во всем туча была обычной, естественной, кроме стремительной скорости, с которой она передвигалась.

Туча налетела на кипящий ужасом город, как коршун, распластав свои необъятные крылья. На город упала ночь. Засверкали молнии, заискрились капли дождя. Вскоре дождь превратился в ливень.

Однако не вода обрушилась вниз, а какая-то вязкая жидкость, облепившая дома и людей. Тучи не стало — она вылилась вся без остатка. А жидкость взрывоподобно вспыхнула, взметнув до неба пламя. Люди мгновенно превращались в пепел, в дым, в ничто. Машины, бетон и металлические конструкции зданий плавилась и разливались потоками.

Все произошло в считанные секунды. В котловине между горами образовалось озеро еще не остывшей, пузырящейся жидкости — густой, как магма.

— Чистая работа! — воскликнул Иван. — Нет, Федя, это не история. Страшновато для истории. Нам показали научно-популярный фильм о действии нового оружия массового истребления. Контакты! Тайнственные потомки с помощью фильмов пытаются вступить с нами в контакты. Сначала поугаать нас...

— Попугать — это верно. Но с помощью кусков реальной истории. Мы в несомещенном времени. Нагнитесь и пощупайте траву. Я не буду этого делать. Знаю, что найду там.

Я наклонился и обнаружил, что трава, росшая на холме, протыкала наши ноги. Попробовал схватить ее. Но трава оказалась неосязаемой. Ее будто не было. Зато ладонь загрела горсть песка. Невидимого, но раскаленного, обжигающего песка глобальной пустыни.

Вслед за мной то же самое проделал Иван Бурсов.

— Убедились, братцы? По-настоящему мы не на холме, а на песчаном бархане. Мы на стыке двух эпох.

— Ты хочешь сказать, что мы были свидетелем

события, происшедшего после нашего отлета, после двадцать первого века? — спросил я. — Но это же немыслимо! Войн не могло больше быть!

Капитан развел руками.

— Мне тоже не верится. Не хочется верить.

Пока разговаривали, кругом сгустился шелковистый туман. Очевидно, это был какой-то вид энергии, поддерживавший нас в несомещенном времени.

Густой и непроницаемый туман понемногу рассасывался и накалялся. Это не было похоже на предыдущий тихий солнечный рассвет. Ослепительные блики теснились со всех сторон. Раскаленные шары проплывали и внутри нас.

Когда последние клочья тумана истончились и распались, мы долго не могли ничего понять. Разноцветные огни мигали, извивались, крутились, брызгали искрами. Сквозь огненную пляску проступали человеческие лица, равнодушные и неподвижные, как маски.

Угадывались фасады огромных зданий, переплетенных сетью движущихся эстакад и светящихся парабол.

Кое-как разобрались: мы — в чреве чудовищного мегаполиса, свержгорода-автомата. Замелькали сцены безобразнее прежних. Кто-то выхватил из сытой жизни супергорода самое отвратительное и показывал крупным планом. Вот с огромной высоты бросился вниз человек. Он врезался в настил площади с такой силой, что буквально расплескался. Откуда-то выскочил дворник-автомат и смысл кровавое месиво, оставшееся от самоубийцы. Запестрели перекошенные лица сумасшедших. Затем началось такое, о чем и сейчас не могу вспоминать без дрожи. Какие-то застенки, пытки людей...

Мы закрыли глаза руками, стараясь подавить тошноту. Сквозь пальцы почувствовали, что пляска огней прекратилась. Открыв глаза, увидели клубящийся туман — сгустки энергии, своего рода облака времени, на которых нас переносили из одной несомещенной эпохи в другую. Обволакивающий туман не рассасывался, наливаясь светом, а пропал моментально. Так же мгновенно исчезло ощущение призрачности окружающего. Мы в реальной, в совмещенной эпохе — в пустыне. На голой равнине только наши следы.

— Уважаемые потомки, — с усмешкой проговорил капитан, — наглядно показали, до чего безобразна человеческая история и вообще вся земная жизнь. Быть покойниками лучше...

Я и сейчас, когда прошло много времени, не перестаю удивляться прозорливости капитана. Он ошибся лишь в одном: не «уважаемые потомки», а сам Диктатор пытался разговаривать с нами без посредничества своих слуг. Он хотел убедить: живое человечество — мятежное, буйное и никчемное племя. То ли дело пустыня — идеал вечного успокоения, мира и гармонии...

Шпага Витуса Беринга

Георгий
ПЕРМЯКОВ

На отлогом берегу Большого Командорского острова стоит черный чугунный крест. На нем свинцовая доска с величаво-скупой надписью:

Здесь лежит Витус Беринг

Именем великого морехода Беринга названы пролив между Азией и Америкой, море, острова, бухты, заливы, ледники и горы.

Витус Беринг по приказу Петра Великого искал пролив меж Чукоткой и Аляской. Милы за милей он изучал неведомые тогда берега Камчатки, Сибири, Курил, Алеут, Японии и Америки.

В штормовом ноябре 1741 года корабль Витуса «Святой Петр» разбился о подводные камни. Сильные волны перебросили деревянное судно через рифы на берег. Витус приказал матросам вырыть землянки и накрыть их парусным брезентом. Началась тяжелая голодовка. Беринг заболел цингой. 8 декабря его не стало. Моряки похоронили капитана и из обломков корабля поставили ему высокий дубовый крест.

В 1877 году на Командоры пришла шхуна Российско-американской компании и, отдав Витусу почести, установила на его могиле большой чугунный крест.

В 1924 году могилу командора Беринга навесила путешественник Владимир Клавдиевич Арсеньев.

Близ Берингова креста Владимир Клавдиевич и его спутники нашли остатки зимовья Витуса.

На одном берегу речки Арсеньев обнаружил три землянки, на противоположном — еще шесть. В них лежали граненые стеклянные бутылки, медные скобы, большие четырехгранные гвозди и погнувшиеся медные ковши — останки «Святого Петра».

А на другой день в густой траве у могилы Беринга Арсеньев нашел длинную шпагу с хорошо сохранившейся рукояткой. Шпага длиной около 70 сантиметров, ее эфес черненой латуни был красиво изогнут...

Арсеньев передал находку во Владивостокский музей. Об этом говорит и недавно найденное письмо Арсеньева от 10 сентября 1924 года:

«Начальнику Дальрыбы.

Докладываю, что клинок, найденный на месте гибели шхуны «Святой

Петр» около Командорских островов, имеет инициалы «В. Б.» и, вероятно, принадлежал Витусу Берингу.

Клинок этот я... передал в Музей Владивостока».

В музее шпагу очистили кислотой, поместили в витрину. «Шпага Беринга» стала сенсацией.

Но вот находку осмотрел Б. А. Сушков, знаток сухопутного и морского оружия. Он изучил эфес, металл и заявил, что шпага — не времен Беринга, что инициалы «В. Б.» написаны не буквами времен Петра, а шрифтом XIX века. Ему возразили:

— Инициалы на пластинке выбил сам Витус Беринг. Как датчанин, он мог придать буквам и более современный латинский вид.

Так возникли спор и загадка — чей же клинок найден на могиле Витуса? Шпагу сфотографировали и снимки послали специалистам в Московский исторический музей. Вскоре оттуда пришел краткий ответ:

«Определение сфотографированного Вами оружия как шпаги Витуса Беринга — ошибочно. Это морской палаш второй половины XIX века».

Но почему палаш XIX века оказался на могиле Беринга?

Б. А. Сушков, ныне ученый секретарь Географического общества Приморья, просмотрел несметные ворохи судовых журналов. День за днем он листал тяжелые, переплетенные в кожу, лен и сафьян капитанские журналы. Наконец он обнаружил, что в 1891 году русская пограничная шхуна «Алеут» ходила на могилу Беринга, что команда «Алеута» поставила в Никольском, главном поселке острова, памятник Берингу.

1891 год был юбилейным — 150-летие гибели Беринга и 210-летие со дня его рождения.

На торжественной церемонии у Берингова креста капитан военной шхуны возложил морской палаш — оружие доблести и чести — на могилу героя-первопроходца. Тогда же матросы с «Алеута» и прикрепили к клинку шестиугольную пластинку с буквами «В. Б.»

МАСТЕРА

**Владимир
ТУРУНТАЕВ**

Фото
А. Нагибина

1. Григорий Федорович

Мы вошли в цех, и лица наши обдало жаром: мимо медленно ползла широкая нескончаемая лента из раскаленных труб.

— Охладительный стол, — бросил мимоходом Григорий Федорович.

Где-то дальше, в сумеречной глубине пролета, непрерывно звенело: там сбрасывались на пол уже остывшие трубы.

Григорий Федорович шел чуть согрившись, вроде бы неторопливо, но стоило мне на секунду приостановиться, и я уже терял его из виду. Тогда мне приходилось догонять его бегом.

Вот он снова обернулся:

— Семивалковый правильный стан.

Лучи весеннего полуденного солнца, пробившись сквозь переплеты фрамуг, падали с высоты широким слепящим веером, а снизу в вышину восходили мощные звуковые волны, словно кто-то огромный пробовал пальцем гитарную струну. Я только успел заметить катившуюся по рольгангам красную кривую трубу, как Григорий Федорович махнул уже издали рукой, предлагая следовать дальше.

В таком же темпе мы промчались мимо прошивного и калибровочного станков, где тяжелые и неуклюжие стальные болванки чудесным образом, почти без участия людей, превращались в трубы. Мы шли по цеху навстречу технологическому процессу, так сказать задом наперед, потому что у нас не было времени делать «заходы».

Григорий Федорович Денисов, мастер шестого профессионально-технического училища, в этот день знакомил меня со своими учениками, работающими на Первоуральском Новотрубном заводе. Хотя он и предупредил меня заранее, что ходить придется ускоренным шагом, я даже не мог себе представить, какой длинный путь нам надо было пройти: его ученики, слесари по ремонту сложного оборудования, работали буквально во всех цехах завода-гиганта. На многих слесарных участках мы так и не успели побывать, но в этот день я понял главное. Я понял, какая это крупномасштабная фигура — мастер производственного обучения.

И ПОДМАСТЕРЬЯ

В шестом цехе едва ли не каждый встречный здоровался с Григорием Федоровичем за руку, а когда мы зашли на слесарный участок, мне показалось, что здесь работают одни только его ученики.

Сергей Сонич принадлежит к самому младшему поколению, он только в прошлом году кончил училище.

— Трудный был парень, — шепнул мне Григорий Федорович перед тем, как нас познакомить.

Познакомить познакомил, но разговор с Соничем вышел короткий:

— Сейчас кран останавливать, надо бежать. Нет, вам туда нельзя — мы ремонт ведем на высоте. Работа? Нравится, конечно. По крайней мере, никому не завидую... Разве что начальнику цеха.

— Почему именно начальнику? — спросил я.

— А у него должность самая ответственная, как раз в моем характере. Извините, мне надо на кран!..

Тут поздороваться с Григорием Федоровичем подошел крупный черноволосый мужчина в каске-фуражке — бригадир слесарей по сборке узлов для станов холодной прокатки труб Григорий Архипович Патенко. Тридцать лет назад кончил училище. В бригаде у него тоже сплошь выпускники шестого ГПТУ.

— Не знаю, — улыбнулся он, — то ли ко мне отборных таких парней направляют, то ли у Григория Федоровича все они один к одному, но только кто бы из его учеников ни пришел в бригаду — это уже настоящий слесарь-универсал. Училище выпускает его с третьим разрядом, а у нас в бригаде он уже через полгода получает четвертый. После службы в армии мы его встречаем как своего, ставим на прежнее место, и вот уже вскоре он готов сдавать на пятый разряд...

— Но кто-то и уходит из бригады? — спросил я. — Ведь новичков вы принимаете на освободившиеся места.

— Верно, места время от времени освобождаются, — согласился Григорий Архипович. — Но это текучка особого рода: от нас люди, в основном, уходят с повышением. Скажем, в другие цеха бригадами. Или на инженерно-технические должности — после окончания вечернего института или техникума. А чтоб кто-то там по причине неудовлетворенности ушел — нет, такого не

припомню. Каждый дорожит своим местом. Или чтоб кто-нибудь прогулял!.. Недавно вот было по телевизору: товарищеский суд на заводе «Манометр». Восемь прогулов один друг совершил, а ему только выговор объявили. Мы на другой день смеялись в бригаде: какая-то детская игра.

— А у вас как с такими обходятся? — спросил я.

Григорий Архипович развел руками:

— Да я же вам говорю: у нас прогулов не бывает! И не то, чтоб нынче, а лет за десять могу поручиться. В свое время, конечно, пришлось за дисциплину повоевать, а теперь она сама себя бережет. Ну, много зависит, конечно, и от самой работы. Я тридцать лет уже слесарем, а мне все тут интересно. Каждый день что-нибудь новое для себя нахожу. Роликовые станы холодной прокатки очень сложны, в них много узлов, и со слесарей не один пот сойдет, пока они добьются синхронности в работе всех механизмов. Иной раз никак не идет труба — то закат, то волна образуется, — сиди слесарь, докапывайся до причин. А времени слесарю отпущено строго по лимиту: на текущий ремонт стана, скажем, полагается сорок четыре часа, а нам ведь хочется еще и премиальные получить. Выходит, надо на час-другой впереди графика идти. Это непросто. Вот сегодня токарь запорол втулку для прокатного стана, ошибся в размере, а он ее двое суток делал. Что ж, нам еще столько же ждать? Подумали, подумали — взяли да разрезали эту испорченную втулку на фрезерном станке, вложили между половинками полоски стали, заварили, обработали швы — через три часа эту деталь поставили в стан...

...В конторку вошел Григорий Федорович и с ним коренастый мужчина в темной спецовке. В руке мужчина держал какой-то цилиндр.

— Как тут сделать? — допытывался он у Григория Федоровича.

— Да ведь знаешь сам, — смеясь, отмахивался тот. — Новый надо в токарном цехе заказывать.

— Ты штаны порвешь — сразу новые заказываешь? Вот мы тут проточим, наденем горячую рубашку — еще три месяца прослужит...

— Ну ладно, ладно! — поспешил согласиться Григорий Федорович и представил мне этого

человека: — Первый мой ученик! Еще с Сестрорецка... Василий Петрович Тропотов, мастер цеха...

Про Сестрорецк Григорий Федорович уже рассказывал. Там он в тридцать пятом году окончил школу ФЗУ при заводе имени Воскова. Этот завод, построенный еще при Петре I, славился своими традициями, здесь работало много замечательных лекальщиков, у которых было чему поучиться. И когда в сорок первом Григория Федоровича пригласили работать в только что созданное ремесленное училище, он сам к этому времени уже был слесарем-лекальщиком высшей квалификации.

Но первую группу учеников он принял, когда уже началась война. Вот в этой группе и был Василий Петрович. Он приехал в Сестрорецк из деревни и проучился в ремесленном немногим более полугода. В то лето у ремесленников было одно учение: делали кто что мог для обороны. Линия фронта проходила в полутора километрах от Сестрорецка.

— Федорыч, ты ведь уже был с нами, когда мы окопы рыли? — Василий Петрович поставил деталь на стол и сам присел.

— На Ржавой канаве?

— Ну да!

— Был, — Григорий Федорович тоже подсел к столу.

И они стали вспоминать, как в сентябре сорок первого — фашисты вышли уже на линию Ржавой канавы — все ремесленное училище погрузили в эшелон и отправили в Ленинград.

— Нас хотели эвакуировать в тыл, а в это время вокруг Ленинграда замкнулось кольцо блокады. Ребят разместили в разных зданиях — в Казанском соборе, на Девятой линии Васильевского острова. А нашу группу оставили в эшелоне — стеречь имущество. Сперва стояли в районе Кировского завода, а затем нас перебросили на Большую Охту, под бок к артиллеристам. Они нам немножечко помогали, артиллеристы: свет разрешили провести в вагон от своего движка, железную печурку дали, откуда-то приволокли ванну, совсем хорошую, эмалированную, и мы в ней мылись. А иногда угощали трофейными галетами. Ну, с питанием тогда в Ленинграде известно как было. Особенно зимой. Столовая, к которой нас прикрепили, находилась на Васильевском острове. Мороз не мороз — каждый по очереди брал саночки и отправлялся через весь Ленинград за баландой и хлебом, по 250 грамм на душу. Раз я попал под бомбежку (это Василий Петрович) и заночевал с другой группой в Казанском соборе. Утром поднялся, а один из ребят, с которым я спал рядом, уже мертвым лежит.

Григорий Федорович посылал нас то за питье-

вой водой на прорубь, то дрова добывать, то снег для ванны топить. Мылись строго по графику. А некоторые, по усмотрению Григория Федоровича, и вне очереди. Посмотрит — что-то уж больно почесывается парень, и пальцем на него: «Будешь сегодня мыться!» А тому мыться неохота: закутался в два одеяла — дремлет. «Ну-ка, сходи поищи дров.» — «Не пойду!» — «Пойдешь», — Григорий Федорович голоса никогда не повышал, но тон у него был требовательный, неумолимый. Парень в конце концов поднимался и шел на промысел. Часа через два откуда-то притаскивал шпалу. Пока ходит, пока тащит — разогреется, тут и мыться ему в удовольствие...

31 октября 1942 года училище эвакуировали из осажденного Ленинграда по Ледовой дороге. Пока добрались эшелонам до Урала — многих не досчитались. Василий Петрович до сих пор держит в памяти имена:

— Николай Шубин совсем опух от голода и умер по дороге. Петя Петров, мой земляк, сошел с эшелона, прибился к воинской части, а после был направлен в школу младших командиров. Погиб под Кенигсбергом... Из мастеров-то, Федорыч, под конец пути ты у нас один остался?..

— Нет, был еще старший мастер Звонарев. И военрук...

— А помнишь, ты пришел к нам в теплушку — на тебе лица не было: «Военрук умер... Старший мастер в тяжелом состоянии...»

Григорий Федорович провел ладонью по голове, совершенно белой. Лицо молодое, глаза яркие, а волосы — белые, как снег.

— Да, было такое: я у котла один, ребята подходят и подходят, протягивают миски. Я наливаю, порций остается совсем немного, а очередь не убывает... Некоторые подходили по два и по три раза, а их сотни, я всех в лицо не знал...

— Да нет, ты и тогда не растерялся, Федорыч, — рассмеялся Василий Петрович. — Ты ведь пришел, чтобы приказать мне: «Во время следующей раздачи будешь стоять у котла и смотреть!» Я стоял и смотрел. Я-то всех почти знал в лицо. Что в котле оставалось, потом делили между самыми слабыми.

На Урале всех прибывших из Ленинграда ремесленников два месяца держали на усиленном питании, а затем отправили работать на оборонные заводы. Григорий Федорович получил назначение мастером в Первоуральское РУ № 6. Его вызвал старший мастер училища и сказал: «Мы в своих мастерских налаживаем производство мин. Ваша задача — изготовить мерительный инструмент и приспособления».

В учебных мастерских стояли старенькие токарные станки. На этих станках ученики под руководством мастеров и обтачивали корпуса мин. Сперва понемножку, затем довели до восьмисот штук в смену. В маленькой кузнице ковались крыльшки стабилизаторов. Группу кузнецов вел

тогда Егор Семенович Замаруев, бывший буденновец: всю гражданскую войну подковывал лошадей в Первой конной. Одно это делало его в глазах ребят личностью необыкновенной. Ко всему тому он был и в ремесле своем искусен — любую вещь мог выковать без чертежа.

— Не все мины поначалу оказывались годными, — рассказывает Григорий Федорович. — Мы сами их проверяли — по шаблону и на гидравлику. Качаешь, качаешь, и вдруг — слезинка на чугуна: трещина или раковина... На первую партию нашей продукции — десять тысяч корпусов — со снаряжательного завода пришла рекламация. Это было уже летом сорок второго. С группой учеников я выехал на завод. Оказалось, что наши мины забраковали из-за резьбы: калибры, которыми мы пользовались, были порядком уже изношены и показывали на несколько соток меньше. Ну, что ж: установили мы возле палатки, в которой жили, прямо на траве, верстаки и принялись исправлять ошибку. Все сделали как надо.

В том же сорок втором году Василий Петрович Тропотов кончил училище и сразу принял группу учеников — его самого поставили мастером. Через два года он уехал на восстановление Донбасса, и Григорий Федорович потерял с ним связь. А в пятьдесят пятом опять встретились: Василий Петрович случайно увидел в одном из журналов фамилию своего мастера, и его вдруг снова неудержимо потянуло на Урал. Сейчас у него сын кончает десятилетку. Наверное не к месту было бы здесь писать о том, что Александр Тропотов после школы вовсе не собирается в училище, и что родители поддерживают его намерение поступить в вуз. Но я все-таки решил написать об этом и притом в одобрительном тоне, потому что у Александра незаурядные способности к химии и физике: на областных олимпиадах в Свердловске он не раз занимал призовые места. Кстати, ведь и после профтехучилища часть выпускников, отличники, направляются в институты, причем на льготных условиях. Инженеры и ученые тоже нужны стране.

...Мы идем с Григорием Федоровичем дальше по заводу. Я прикидываю: сколько же всего учеников у него? В группе двадцать пять человек. Помножить на тридцать пять лет... Да в иные годы Григорию Федоровичу приходилось выпускать по две группы. И нынче выпустит две! «В порядке исключения», — как он сам мне объяснил. Уже потом от старшего мастера училища Михаила Петровича Подоляко я узнал подробности: один из мастеров умудрился так запустить дела в своей группе, что ребята совсем отбились от рук. Этого мастера уволили. А как быть с ребятами? Им еще год учиться. Упросили Григория Федоровича: «Хоть как-нибудь доведите до выпуска!» А он ничего не умеет делать как-нибудь. Прошел год, и сейчас эта группа слесарей одна из лучших по училищу.

И рассказывать о своей работе тоже не умеет. «Требовать, — говорит, — надо больше. Если справедливо требуешь — ребята никогда не обижаются».

Я не видел, как он учит ребят мастерству — в эти дни обе его группы сдавали экзамены по теории. Но я видел его учеников на рабочих местах. Сколько же их всего? Мы идем и идем по заводу...

2. На полпути к подвигу

Сережа Архипов, по словам его мастера Николая Павловича Мальгинова, был выдумщиком каких мало. Этот из ряда вон выходящий случай произошел в конце второго года обучения.

Группа электриков-семь сдавала экзамен по алгебре. Первые шестеро, взяв билеты, сидели за передними столами. Готовились. Экзаменаторы — преподаватель Зоя Павловна и мастер — в ожидании переговаривались шепотком. Взгляд Зои Павловны все чаще и чаще останавливался на ученике по фамилии Паначев, который сидел как-то бочком, полутвернувшись, и быстро-быстро писал. Ладонь его левой руки была прижата к уху, а локоть и плечо надежно прикрывали листок от посторонних глаз.

— Что это он так быстро пишет? — недоумевала Зоя Павловна. — Не может быть, чтоб Паначев с такой легкостью решал примеры...

Володя Паначев был одним из самых слабых учеников и по алгебре все эти два года тянул на тройку с минусом.

Вот он исписал страничку, торопясь перевернул листок, как-то испуганно и смущенно поглядел при этом на экзаменаторов и, еще ниже склонившись над столом, продолжал писать дальше. А левая ладонь так и влипла в ухо, даже пальцы побелели.

— По-моему, у него что-то в руке, — предположил Николай Павлович.

Зоя Павловна с сомнением покачала головой:

— Вы думаете? Да нет, вряд ли... Он откуда-то списывает, это ясно, только не из уха же...

— А вы все же попросите его убрать руку, — шепнул мастер, пряча усмешку. Он почти уже догадывался о причине странного поведения Паначева, вот только не мог понять, в каком месте они, черти, пропустили в класс телефонный провод — возле двери и окон ничего подозрительно не видно...

— Паначев... Паначев!.. — громким шепотом зывала Зоя Павловна. — Убери руку, Паначев!.. Паначев, убери руку!..

Ладонь Паначева, скользнув по багровой щеке, исчезла за лацканом пиджака. С минуту Па-

начев сидел неподвижно, уставившись взглядом в одну точку, словно механический человек, в механизме которого что-то испортилось. Кончик шариковой ручки застыл на знаке логарифма. Но вот левая ладонь, сложенная лодочкой, потихоньку стала выползать из-за лацкана, заскользила вверх, судорожно прильнула к уху. И в тот же миг шариковая ручка бойко принялась выводить на бумаге математические формулы...

— Паначев, — громко сказал Николай Павлович. — Ну-ка, быстро подойди сюда. Что у тебя в левой руке? Положи на стол...

Стыдливо опустив глаза, Паначев положил на стол крошечный радиоприемник, из которого явственно доносились четкие, размеренные слова:

— ...квадратный корень... простые скобки открываются... а квадрат плюс бэ, скобки, плюс а минут бэ в квадрате.

Николай Павлович вышел в коридор, где в ожидании своей очереди стояли ученики его группы — кто-то листал учебник, кто-то выспрашивал у более подготовленного товарища подзабытое правило.

Сережа Архипов, увидев мастера, сделал вид, будто что-то внимательно разглядывает в окне. Карман его пиджака сильно оттопыривался. Мастер потрогал торчавший наружу кончик телескопической антенны:

— Дай-ка поглядеть. Все равно Паначев уже другой билет взял.

Архипов молча достал из кармана и отдал мастеру небольшой передатчик и продолжал внимательно разглядывать людей, которые шагали наискосок через площадь к заводской проходной. Передатчик был маломощный, только и годился что для подсказок на экзамене.

— Сам-то ты как сдавать будешь? — спросил Николай Павлович, опуская передатчик к себе в карман. — Тоже по подсказке?

Архипов быстро обернулся к мастеру. Уголки его рта задрожали в усмешке, в глазах запыгали живые искорки:

— Я некоторые задачки даже мог бы решить с применением высшей математики. Если Зоя Павловна разрешит.

Николай Павлович только головой покачал:

Два года прошло со времени их знакомства. Уже, кажется, до тонкостей изучил мастер своего ученика, знает его характер, склонности, увлечения, и вот поди ж ты — опять неожиданность. «Ишь ты: «с применением высшей математики!..»

Когда два года назад Николай Павлович только-только принял седьмую группу электриков, он сразу обратил внимание на темноволосого кучерявого паренька с умными серыми глазами. Аккуратный такой, при галстучке, Сережа Архипов производил хорошее впечатление. Но с первых же дней занятий на него посыпались жалобы от учителей: без конца разговаривает на уроках,

минуты не посидит спокойно и, главное, к урокам не готовится.

Однажды мастер решил сходить к Архиповым домой, поговорить с матерью. Явился, а дома один Сергей. Сидит возле комода. Ящик выдвинут, а в ящике полно камней, и Сергей перебирает эти камни.

— Где же ты их набрал? — спросил Николай Павлович.

— А мы с ребятами каждую субботу куда-нибудь ходим. Вот этот с Волчихи, этот с Пильни...

Камни в ящике аккуратно уложены в ватную подстилку, возле каждого — этикетка: название, где и когда найден. Яшмы разных рисунков и оттенков, друзы горного хрусталя, орлец, лазурит...

— Давно собираешь?

— Да уж не помню, когда начал. В школе. Тут вот еще... — он выдвинул другой ящик. — Да не разобрано сколько.

На окне в трех аквариумах плавали рыбки самых причудливых расцветок. Между аквариумами в большом цветочном горшке росло деревце, отягощенное зелеными плодами.

— Лимоны? — спросил Николай Павлович.

— Апельсины.

— Мать вырастила?

— Да нет, это я посадил. Тут у одной бабушки попросил черенок...

— И рыбок ты разводишь?

— Я.

— Смотри-ка, — удивился мастер. — И тебя на все это хватает?

Сергей польщенно улыбнулся:

— Я еще старинные монеты собираю. Хотите посмотреть?

Монет у него было еще больше, чем камней. Посмотрев коллекцию, Николай Павлович перевел разговор на дела насущные:

— Роза Зеликовна говорит, ты совсем не слушаешь на уроках биологии...

— А зачем слушать? — нахмурился Сергей. — Если неинтересно.

— Вот тебе на! — удивился мастер. — Рыбок разводишь, апельсины выращиваешь — ведь это же все биология!

— Про апельсины и аквариумных рыбок Роза Зеликовна ничего не рассказывала. И в учебнике об этом нет ни слова. Что мне надо было, я прочитал в других книгах.

— Для чего же ты в училище поступал, если тебе неинтересно учиться?

— Профессию получить.

— Профессию можно и на заводе получить, — возразил Николай Павлович. — Пошел бы учеником в цех. Два-три месяца — и готово, второй разряд есть!

— Не знаю... — замылся Сергей. — Может, так и надо было сделать.

Мастер оживился.

— Учиться-то все равно пришлось бы! Без де-

сятилетки так и просидишь на втором разряде. Ну, третий еще дадут, а дальше-то перспектив — никаких! Ты, брат, живешь в веке научно-технической революции. Сейчас мерки не те, что были двадцать или даже десять лет назад. Сейчас рабочий просто обязан знать теорию.

— Теорию прочитать можно, — продолжал хохотиться Сергей — А у меня память хорошая — с первого раза все запоминаю. Хотя сейчас проверьте — спецтехнологию я знаю!

— Ну, молодец, коли так, — улыбнулся мастер. — А все же обещаю тебе, что больше не будешь разговаривать на уроках — ведь не всем, как тебе, легко дается теория, кому-то полезно и послушать преподавателя.

— Я понимаю, — смущенно кивнул Сергей.

Николай Павлович не стал дожидаться прихода его матери. Да и приди она сейчас, мастер все равно не стал бы жаловаться ей на сына.

На профессию слесаря-электроремонтника в шестом профтехучилище самый большой спрос: больше половины всех поступающих просят зачислить их именно в группу электриков. Я просидел часа два в кабинете заместителя директора училища Ильи Семеновича Горнштейна, и за это время человек десять ребят (некоторые пришли в сопровождении родителей) подали заявления о приеме. Трое дружков из Билимбая единодушно изъявили желание стать токарями-универсалами, а все остальные просились в электрики. Илья Семенович первым делом смотрел в табель успеваемости и частенько брови его разочарованно взмывали кверху, а крепкий трубный голос звучал в мирном тоне:

— Э!.. С такими оценками... По русскому — три.., по географии — три... Нет, не гарантирую, что попадешь в электрики.

Троечники обещают исправиться — еще только март, целая четверть впереди — и надежд попасть в электрики не теряют.

Особенно настойчиво действуют родители. Мать Сережи Никитина прямо так и заявила:

— Или вы зачислите моего сына в группу электриков, или он вообще не будет поступать в ваше училище — пойдет в военное. Сережа так любит электротехнику...

Но когда я спросил у Сережи Никитина, оставшись с ним наедине, чем же его привлекает эта профессия, он пожал плечами и сказал:

— Не знаю...

— Что-нибудь мастеришь дома?

— Розетку починил... — вымученно ответил он.

Многие так: починил дома розетку, в лучшем случае уют, и уже думает, что его призвание — электротехника. А о самой профессии не имеют ни малейшего представления. Знают только, что из всех профессий, которым обучают в шестом профтехучилище, это — наиболее современная, сродни радиотехнике, и что у дежурного электрика в цехе работа сравнительно легкая, а на

пенсию электрик, если он работает в основном цехе, уходит на десять лет раньше, чем токарь из вспомогательного цеха... Ну, последнее, уже со слов родителей: чего греха таить, некоторые папы и мамы, решая на семейном совете, кем быть их сыну или дочери, первостепенное значение придают именно этому обстоятельству: как скоро их чадо, выбрав ту или иную профессию, выйдет на пенсию. И вот пятнадцати-шестнадцатилетний парень делает первые в жизни самостоятельные шаги с мыслью о том, как он будет обеспечен в старости. Иногда он эту мысль даже высказывает вслух. И смешно, и грустно, а главное — противоестественно, потому что человеку в столь молодом возрасте вообще не свойствен-

но заглядывать более чем на пять, ну на десять лет вперед. Таков уж закон природы. И так же противоестественно подростку при выборе профессии мечтать о легкой работе, о работе «не бей лежачего». Ведь понятия работа «не бей лежачего» и интересная, творческая работа совершенно не совместимы. Вот почему, окончив училище, тридцать процентов электриков, как правило, разочаровываются в профессии, на которую они так рвались и которая сулила им легкую работу и обеспеченную раннюю старость.

Что касается пенсионного обеспечения — тут все верно, а вот относительно легкости...

Группы, которые ведет Николай Павлович, специализируются на ремонте оборудования. В цехе бывшие ученики Николая Павловича, как правило, занимаются ревизией электродвигателей, разбирают их, чистят, меняют подносившиеся детали и снова собирают. При этом нередко в качестве подручного инструмента используют обыкновенную кувалду — скажем, для того, чтобы насадить муфту на вал. Или берутся за отбойный молоток — при монтаже трубной разводки. В праздничные дни электрослесарям приходится заниматься чисткой подкрановых троллей и даже осветительных ламп — работа, что и говорить, самой низшей квалификации, но кто же еще, кроме электриков, может ее выполнить? Ведь кругом — высокое напряжение.

— Ну, а чем же привлекает работа электрослесаря? — спросил я у Николая Павловича. — Ведь разочаровывается в ней только третья часть всех выпускников. Две-то трети возвращаются после армии в цех, на свое прежнее место.

— Возвращаются те, кто действительно любит электротехнику, — ответил Николай Павлович. — Ремонт двигателя хоть и связан с физической работой, тем не менее доставляет немалое удовольствие, здесь требуются и сообразительность, и расторопность, и знание теории. Или монтажные работы. Это мечта всех электриков. Сейчас, например, на заводе внедряется тиристорное управление станами — последнее слово техники. Схемы очень сложные, а все электрики любят разбираться в схемах, и чем они сложнее, тем интереснее кажется работа.

В училище практические занятия со схемами начинаются в конце первого года обучения. Эти занятия — пробный камень будущих электрослесарей. Тут они на собственном опыте убеждаются в том, что даже простенькую схему, например электропроводки в собственной квартире, собрать не так-то легко, для этого надо многое уметь и многое знать. Оказывается не зря почти целый год, прежде чем допустить ребят к электромонтажному делу, их учат рубить, править, гнуть, резать, опиливать, притирать, припиливать, шабрить, сверлить, зенковать, паять, лудить, варить, собирать и разбирать различные узлы и механизмы.

Только как следует овладев навыками слесарного дела, ученики переходят к практическим занятиям по основной специальности. Сначала ведут монтаж бытовых схем, затем более сложных — производственных.

Но каждый год трое, четверо или пятеро учеников досрочно освобождаются от слесарного дела и под руководством мастера выполняют какое-нибудь специальное задание. Нынче, например, делали пульт управления электромонтажной мастерской: смонтировали каркас, произвели разводку труб по мастерской, затянули в трубы кабель, поставили клеммники, подключили магнитные пускатели, смонтировали сигнальную арматуру. В мастерской установлены двенадцать учебных кабин. В каждой кабине по две панели: одна для монтажа квартирных проводов, другая — для сборки различных производственных схем.

Пройдет еще немного времени, и мастер с пульта управления будет руководить учебным процессом: подав в кабины напряжение и лишь нажимая кнопки и пощелкивая выключателями, он сможет ставить перед учениками, находящимися в кабинах, любые задачи по устранению неисправностей, постепенно усложняя их.

В одной из кабин установлена панель управления токарным станком. Пошел четвертый год с тех пор, как эта схема включена в учебный процесс, по ней проходят обучение все группы электротехников. Три с лишним года назад панель по специальному заданию старшего мастера собирал Сергей Архипов — он был одним из четверых, досрочно освобожденных от слесарного дела.

Я спросил у Николая Павловича:

— Он что, Архипов, лучше других выполнял слесарные работы?

— Не сказал бы, — мастер слегка сдвинул брови, стараясь вспомнить, как работал три с лишним года назад один из двадцати пяти учеников его группы. — Сережа на занятиях по слесарному делу не был отличником. Он всегда спешил. Но мне хотелось заинтересовать его настоящей работой, хотелось, чтобы он поскорее увлекся своей специальностью. Зная его характер, я не сомневался в том, что рано или поздно он увлечется ею. Важно было дать толчок...

На втором году обучения Сергей проходил производственную практику в шестом цехе Новотрубного завода, в бригаде технологической автоматизации.

Однажды, придя по обыкновению в цех и заглянув в мастерскую технологической автоматизации, Николай Павлович увидел на верстаке у Архипова необычный для этой мастерской механизм — узел переключения скоростей бытового магнитофона. Сергей пристроился возле станка и что-то сверлил тоненьким сверлышком. Еще не кончился обеденный перерыв, и они были одни в мастерской.

— Что, решил магнитофон сделать? — поинтересовался мастер.

Сергей кивнул:

— Купил по случаю кинематическую связь. Отремонтирую ее, тогда начну схему собирать.

— А что не идет?

— Да вот шестеренка прокручивается. Дома нечем просверлить, так я сюда принес.

Прошло несколько месяцев. Группа дежурила по училищу. Сергей Архипов оказался в бригаде, которая должна была после занятий, когда освобождаются классы, вымыть полы.

Он принес с собой на дежурство магнитофон. Поставил в раздевалке, включил, а сам пошел за ведром и тряпкой.

Мастер неодобрительно отнесся к его затее:

— Это еще зачем? Вы пришли работать, а не развлекаться, — и велел Сергею немедленно унести магнитофон.

Но не удержался, спросил:

— Тот самый?

Сергей кивнул. «Хороший звук», — с удовлетворением отметил про себя мастер, стараясь сохранить строгий вид — дисциплина есть дисциплина.

...В этот день — уже на третьем году обучения — Сергей опоздал на занятия, у него было бледное лицо, темные подглазья, воспаленный взгляд — как после тяжелой болезни.

После занятий подошел к мастеру:

— У меня друг погиб на границе. Коля Иванов... Хочу поехать в его часть.

— Зачем? — спросил мастер.

— Служить. Мне уже восемнадцать. Пойду в военкомат, попрошу призвать меня вне очереди в погранвойска...

Мастер видел: отговаривать бесполезно.

— Как Найда поживает? — спросил он.

Собаки — это еще одно увлечение Сергея. С шестидесяти восьмью года он занимался в местном филиале клуба собаководов, выписывал специальные журналы — немецкий и чешский. Сначала у него был старик Чарли, доберман-пинчер. Славный пес, но все ребята, с которыми дружил Сергей, воспитывали восточно-европейских овчарок — Коля Иванов, Петя Кабанцев, Леня Слугин, Игорь Кузмич, Володя Озорнин. С собаками и в турпоходы ходили, и в армию служить, когда наступало время, отправлялись вместе.

Пришлось отдать Чарли знакомым. Жалко было расставаться, до слез. Особенно, когда на другой день Чарли прибежал домой...

— Что Найда!.. — уныло проговорил Сергей. — Еще совсем щенок. Учить надо.

— Без собаки на границу могут не взять, — с сомнением покачал головой Николай Павлович. — Тем более вне очереди.

И Сергея, конечно, не взяли. Только после

окончания училища, — сказали ему в военкомате, — да и то при условии, если будет разрешение с места работы. Без такого разрешения придется после выпуска по крайней мере полгода поработать в цехе.

Теперь у Сергея была одна мечта, одна цель в жизни — дожидаться того дня, когда его призовут в армию.

С завидной настойчивостью и упорством он готовил и Найду к службе на границе. Курс общей дрессировки она прошла на первую степень, на выставках служебных собак ей присудили в эту зиму и весну не одну золотую медаль. Не однажды Найда и ее хозяин помогли работникам милиции при задержании уголовных преступников и браконьеров — это было для них обоих словно бы проверкой боевых качеств. Генеральной репетицией.

Николай Павлович опасался лишь одного: как бы парень не охладел к профессии, которой его три года обучали в училище.

Но выпускной экзамен Сергей сдал блестяще. В билете первый вопрос был по электротехнике, второй по спецтехнологии и третий по технике безопасности.

— Он не больше десяти минут готовился к ответу, — рассказывает мастер. — Я только успел зачитать членам комиссии производственную характеристику на него. Характеристика была хорошая, завод рекомендовал присвоить Архипову третий разряд и работать он направлялся в основную цех. Но после экзамена Сережа подошел ко мне и сказал: «Николай Павлович, мне ведь все равно скоро в армию, пускай кого-нибудь другого, вместо меня, направят в шестой цех. Жаль, если хорошее место пропадет». Поэтому некоторое время после окончания училища он работал во вспомогательном цехе. Оттуда его не хотели отпускать. Так Сергей что сделал? Заработав отгул, он однажды пришел с утра в заводоуправление, подкараулил в коридоре самого директора завода (был неприемный день) и упросил его подписать нужную бумагу.

...Нина Митрофановна, мать Сережи Архипова, показала мне письмо с границы. Сын сообщал о том, что первый экзамен на сержанта-инструктора он сдал отлично.

Он готов к подвигу, этот парень. И рано или поздно он совершит его, это уж точно. Там ли, на границе, или по возвращении на завод, но непременно совершит.

МОЯ

Рассказы

СИБИРЬ

На Чае

Николай
попов

Рисунки
Н. Мооса

В краю белых берез, трепетных осинников, красноствольных сосен вперемежку с островами могучих кедров петляет неприметная сибирская речка с милым названием Чая. Откуда это название — не знаю. То ли от старинного — чаять, то ли от того, что цвет воды в реке напоминает чайный настой? Заросшая кудрявым тальником, несет она тихие струи свои на север и впадает в Обь где-то под Колпашевом. На картах Чая даже ниточкой не обозначена, разве что на районных.

Пришлось мне как-то в последние дни лета приехать в эти края. Пошел на речку, умылся, отведал водицы. Мягкая, холодная, щиплет горло и язык.

Вечер был тихий и теплый. Синеву неба не замянула ни одна грядка облаков. Над зубчатой кромкой кедров повисло золотистое солнце. Березы и осины, тронутые красками осени, замерли в тишине.

Возле паромы мальчишки дергали удочками — ловили бойких чебаков, готовых, кажется, схватить голый крючок. Я поговорил с ребятами, выудил полдюжину рыбешек, но скоро мне это занятие наскучило, и я побрел по берегу. За поворотом сидел на бревнах лысый старик со щетинистой бородой и тоже удил. В ведерке — два полуживых окунька. Удилища у старика были короткие, как палки, лески из суровых ниток, крючки на сома или акулу. «Э, друг, ты не рыбак!» — подумал я.

Немного повыше, под рыжим черемуховым кустом, примостилась немолодая женщина в очках и с тремя удочками. Поплавки старика стояли, как заговоренные, а рыбка поминутно снимала добычу то с одной, то с другой удочки.

— Смотрите-ка, дедушка, рыбка вас обставила!..

— Чего ей не ловить! — буркнул старик. — Сафрониха слово знает. Рыба к ней сама на крючок идет.

— Слово?!..

— А то нет! Приговаривает рыбешку, больше всех на селе ловит. И солит, и вялит, и еще людям раздаст. — Он поплевал на червяки и добавил с завистью: — Как Сафронихе не рыбачить!.. Делов никаких, от государства пособие получает, в чужом доме живет. Ну, и глушит окуней.

— Вон как!.. А если подойти к ней, не рассердится?

— Иди, она в приметы не верит, советская бабка.

Характеристика была весьма странная. Слово знает, рыбу приговаривает, в чужом доме живет, и при всем том — бабка советская.

— А как зовут рыбачку?

— Я ж говорю — Сафрониха, Сафроновна кличем. А зовут то ли Дарьей, то ли Марьей? — повел плечами старик. — Вспомнил!.. Марьей. С моей старухой в один день именинницы.

Когда я подошел к рыбачке, она очень ловко вывела правой удочкой двух красноперых красавцев, не успела их снять, потянула левую и вытащила серебряного чабака.

— Здравствуйте, Мария Сафроновна! Не мешаю, если посмотрю?

— Здравствуй, сыночек, здравствуй! Смотри на здоровье, коли охота есть, — приветливо сказала она и, опуская чебака и окуней, приоткрыла корзину, стоявшую в воде. Половина корзины была заполнена рыбой, садок забурлил, встречая новых пленников.

Привычным движением рыбачка наживила червей, забросила удочки в окошко между лопухами кувшинок и снова повернулась ко мне.

— Гляди! Не сглазишь!..

Глубокие карие глаза, улыбаясь, глядели прямо. Хорошие, чистые глаза, много видевшие, наверно, и не состарившиеся. Лицо от улыбки стало совсем молодым, только очки со стальными дужками немного старили его. Одета Сафрониха была тоже не по-старушечьи. Красная кофточка, мужской пиджачок, короткая юбка, ботики. Все не новое, но чистое, ладно подогнанное к стройной фигуре.

Рыбачка играючи выводила одного окунька за другим, а я стоял, боясь вымолвить слово, чтобы не помешать ловле. И только когда поплавки замерли, мы заговорили о том, о сем: о погоде, урожае картошки, о ягодах и грибах. Собеседница оказалась словоохотливой. По всем приметам, сказала, осень будет ранняя — гуси по зорям без поры загомонились, березы желтеют с верхушек, первый иней рано упал.

— Вы, наверно, здешняя, Мария Сафронова?

Она покачала головой.

— Нет, милый, дальняя, смоленская. Да уж теперь вроде сибирячка.

— А чего сюда, на Чаю, приехали?

Рыбачка вздохнула, грустно улыбнулась и заговорила дрогнувшим голосом.

— Много людей по свету раскидала война. Жила на Смоленщине, звеньевой в колхозе работала, муж — бригадиром. Дом, сад, огород, все, как следует. Сына Гришу растили, смиренный парень рос, не озорной. Все портреты рисовал, на художника хотел выучиться. Только десять классов кончил, вечером аттестат принес, а на утро — война. Мужа в тот же день призвали, а через месяц — Гришу, в всенное училище. Осталась одна-одинешенька. Тут немец подходить стал. Председатель колхоза Николай Савельевич и говорит: «Ночью наши мужики в лес уходят, пойдешь с нами, Маша?..» Пошла, четыре года партизанила. Кашу отряду варила, рубахи стирала и в бою побывала. Всякое пришлось...

Чистые глаза затуманились, из груди вырвался вздох.

— Отвоевалась, вернулась домой... А вместо дома угли да печка с трубой... Муж погиб, еще в отряде узнала. Являюсь дома в сельсовет, мне похоронную на Гришу отдают и орден Красной Звезды. Помутилось у меня в голове, не вижу ничего. Без памяти пришла на пожарище, упала на головешки...

С минуту Мария Сафронова сидела безмолвная, окаменелая, потом зачерпнула пригоршнями воды, напилась, умылась.

— Извиняйте!.. Про чужое кому охота слушать!..

— Да что вы... — виновато сказал я и мысленно выругал себя: ну, чего пристал?!

Рыбачка перекинула удочки и задумчиво продолжала:

— Да ведь как-то жить надо... В Сибири у меня сестра, стала звать к себе. Вот я и приехала. Годов шесть рыбалила в артели на Оби, потом меня председателем рабочкома выбрали. Может, и сейчас работала бы, да ревматизм мучить стал, запретили доктора на воде быть. Проводили меня на пенсию, самовар, радиоприемник подарили. А вскоре и сестрица моя умерла, зять женился на другой, уехал, мне домишко оставил. Вот и живу. Рыбу ловлю, грибы собираю.

— Одна и живете? — опять не удержался я.

— Нет, теперь уж не одна!.. — женщина повеселела. — Теперь не одна!

Только сейчас мы заметили, что поплавок самой большой удочки сильно потащило. Рыбачка схватила удилище. Рывок!.. Увы, вытащить рыбу оказалось не так просто.

— Помогайте тянуть!.. — засмеялась Мария Сафронова и, бросив удилище, принялась выводить добычу за леску. Она подтягивала рыбину к берегу, вода бурлила. Но скоро рывки ослабли, и большой язь блеснул чешуей на поверхности...

— Саня!.. Санечка-а-а!.. — весело закричала Мария Сафронова.

— Угу-гу-г! — отозвалось звонкоголосое в кустах.

— Иди язя смотреть!

Из-за листьев выглянуло лукавое лицо с острым носиком, и, словно ласточка, выпорхнула оттуда босоногая девчонка, запрыгала на одной ноге вокруг язя!

— У-ух, большущий какой!

— Килограмма на четыре!.. — опытным взглядом смерила его рыбачка и не стала сажать в корзину, а сунула в мешок, захваченный, как видно, про запас.

— Завтра праздник какой-то. То ли Успенье, то ли Спас. Мне праздник не нужен. Нам с Санечкой пирог нужен!.. — засмеялась женщина.

Когда девчонка отбежала, Мария Сафронова сказала:

— Не одна теперь... Вот Санечку взяла из детдома и удочерила. Мне шестьдесят второй, ей скоро в школу, но я надеюсь еще на свадьбе Санечкиной погулять. Так-то...

Чикулаевы

луки

Юрий
ЧЕРНОВ

Рисунки
Н. Мооса

Заскучал я как-то в номере районной гостиницы. Вечер выдался свободный, читать не хотелось. А что, подумал, не сходить ли на берег Тартаса! Выберу ладное местечко, да запалю костерок... Дальше — больше размечтался и, верите, страсть как захотелось печеной картошки — дымящейся, рассыпчатой, с ломкой желтоватой корочкой... Поразмыслил, кого бы из местных пригласить? И тотчас припомнил две хитроглазые мордашки — Витюшу и Володьку Чикулаевых.

В Северном я бываю почти по каждому зимку и всякий раз навещаю звонко срубленный домик Чикулаевых. Любопытно взглянуть на ребятшек через год-другой: растут, как боровички на подвальной чистине! А еще быстрее набираются всяких премудростей. Помнится, в первый приезд слова не мог вытянуть из братцев, зато потом мы толковали и про повадки рябчиков, и про космос, и даже про международную обстановку. В одном только были братья постоянны — вечно меж собой выясняли, кто сильнее, кто умнее...

И на этот раз... Едва подошел к бревенчатому дому, как с треском распахнулась наружная дверь, и с высокого крыльца под мои ноги покатился живой клубок — Витюш-Володь, Витюш-Володь.

— Здравствуйте, голова-ноги! — поклонился я.

Мальчики вскочили, смущенно зашмыгали носами, но, услышав, зачем к ним пришел, обрадовались и полетели собираться. В рюкзак мигом уложены картошка, полкраюхи хлеба, соль, не забыт и топорик.

— Я понесу! — схватился за рюкзак старший — Володька.

— Дудки, я! — цапнул за вторую лямку Витюша.

Рюкзак затрещал, я забрал его к себе. Но братья уже освоились с моим присутствием и не меняли бойцовской стойки петушков: поводили головами, высматривая, как бы половчее шибануть...

Не знаю, чья бы взяла. Я встал между драчунами.

— Ну, Сусанины, ведите!

И мы пошли по улочкам Северного — тихого таежного поселка, припорошенного синеватым — от близких сумерек — снежком. Даже тут, на улице, братьям было тесновато, никак не могли поделить тротуар: толкались, обгоняли друг дружку. Снег так и прыскал кузнечиками...

Тартас таетя в густом мелколесье у самой околицы. Речка скрытная, русло — вилючее. Только вышел на высокий бережок и засмотрелся. Внизу — небольшая полынья, с четкими, будто очерченными по лекалу краями, а по-над черным зеркалом — седые одуванчики! Пышно «зацвела» нынче ива.

— Здесь? — спрашиваю братьев.

— Да вы что! — Володькины глаза-голубицы округлялись, но еще более, казалось, недоумевала Володькина шапка с оторванными тесемками: одно ее ухо торчало вверх, как вопросительный знак. — Во-он за той горбатой березой лука во сто раз красивше.

— Это какая? Тартасский туб? — нахмурил светлые бровки Витюша. — Что там, коровьи лепешки собирать.

— Посмотрим, посмотрим, — погасил я вспыхнувший было спор.

Володька ломится сквозь чащобу первым, Витюша замыкает цепочку. Он покусывает гроздочку калины, морщится.

Тартасский туб — место разгульное, для глаза приятное. На той стороне реки трибуной выдается яр с темной короной ельника. Я бы не подумал о трибуне, да надоумила ворона. Взгромоздившись на сухую макушку старой ели, она порочила все и вся окрест и сердито взмахивала крылом. Володька запустил в нее камнем.

— Говорил же, тут поскотина, — стоял на своем Витюша, пиная коровий кизяк. Он заметил, что я не снимаю рюкзак, и предложил: — Жиманем на Сорочью луку!

Не успел Володька рта открыть, а Витюша уже нырнул в кустарник. Новый лидер не шел, а резво бежал, выписывая замысловатые витки вокруг разлапистых елок и берез. Казалось, те ловили беглеца, неуклюже, как при игре в кошки-мышки, растопыривая ветки, но он увертывался, нагибался, прыгал через колодины. В глазах у меня замельтешило, тропа ужом ускользала из-под ног. Вот она ударилась под уклон, и не было уже сил остановиться, задержать лежащие в лицо ветки, стволы. Я уже отыскивал взглядом, где бы поудобнее выстелиться оземь, но тут дорожка выровнялась, Витюша остановился и выдохнул:

— Вот!

Пока я ничего не видел. Ходил взад-вперед, успокаивая раскошегаренное сердце. И вдруг замечаю: по черным горизонтальным веткам крушинника движутся змейки-медянки! Они ползут тысячами: куда я, туда они. Ветки то вспыхивают, от гаснут. «Галлюцинация, что ли?» Я останавливаюсь, и медянки замирают, ждут. Подошел к кустарникам ближе. Вон что!.. В закатных лучах горит на ветках наледь!

А вот и гнездо сороки на неприступном кусту боярышника. Оно — шарообразное, грубовато-надежное. Низ залеплен глиной, сбоку едва заметный лаз. Хитра сорока.

Витюша, скромно потупившись, стоит около, как художник у новой картины, будто не солнце, а он сам подбил золотом ветки и долго-долго, все лето, лепил сорочиное гнездо.

Я посмотрел на Володьку. Щеки его пылали. Он сощурил глаза и хмыкнул:

— Смотри, невидаль. Вот я сейчас покажу — дак покажу. За мной!

Опять напрямик, опять напролом. И вывел нас Володька к жиденькой елке с невероятно разросшейся макушкой.

— Ведьмина метла! — представил диковинное дерево Володька. Теперь оба уха его ушанки торчали вверх. Как у чертенка!

— Не в счет, я тоже знал про метлу, — обиделся Витюша и поспешно, чтобы не опередил брат, предложил: — Пойдемте к Долгой гриве!

— Эдак мы дойдем до самых Чебаков, — вспомнил я забавное название деревни на Тартасе. Мне показалось, что, назвав «Чебаки», я нажал на спусковые крючки двух автоматов. Братья затараторили разом, взахлеб. Все же разобрал. Чебаковская-то лука наиглавнейшая! Здесь дружинники Ермака насмерть бились с кочевниками. Там и памятник поставлен.

— Пожалуй, к Чебаковской излучине мы сходим в другой раз, — решил я. — И картошку тогда испечем. Темнеет, братцы, домой пора.

Витюша заметно опечалился, почесал за ухом, что-то соображая.

— Давайте к Долгой гриве и к Чебакам хоть эхо пустим!

Володька не стал возражать. Мы повернулись к долине Тартаса. Река все так же заманчиво ускользала куда-то за поворот. Сложив рупором ладони, раз за разом мы прокричали:

— Ого-го, Долгая грива!

— ...ива, ива! — глухо отозвались берега.

— Слава Ермаку!

— ...аку, аку! — подхватили в темном урмане.

— Эх, докричать бы до самого истока. До всего Васюгана! — размечтался Витюша. — Давайте!

И мы послали третий зов:

— Эга-ге, Васюган!

— ...юган, юган! — вздохнули далекие бо-лота.

На небе засветили первую звезду.

Тайменья болезнь

Быстротечно лето на заполярном Котуе. Давно ли по каменистым откосам гуляло половодье, а они уже зазеленели, будто клинья озими; меж холодных, отполированных до лоска голышей дружно проглянули подснежники, и отовсюду —

из трещин, из ямок — ошетинились сочные зеленые стрелки полевого лука.

Неделя не прошла, и погасло бело-голубое пламя сон-травы, откос зажелтел лютиками, а стрелки лука закрутились и поседели.

Коротко, но дивно лето на Котуе. Круглые сутки сияет солнце. Все живое спешит отогреться, насытиться, урвать у лета кусок, которого бы хватило на черную, слепую в лютости зиму. А более всех свирепствуют таймени...

Еще в Новосибирске я слышал, что на Котуе водятся эти хищники, но почти не надеялся выловить хотя бы одного. Для меня незнакомая река — всегда без рыбы. Что там ни рассказывайте, а пока не выужу хотя бы уклейку, не поверю, что водоем обитаем. Впрочем, есть рыболовы совершенно иного склада...

Едва вертолет высадил наш геологический отряд на Котуе, как Валентин — заядлейший рыбак — схватил спиннинг и помчался к устью притока Уран. Еще в полете он грозился к первому столу поставить рыбу и на уху, и на жаркое. Пока мы укладывали вещи и ставили палатку, Валентин без устали хлестал блесною устье речки, переходил с одного переката на другой, но... на обед была гречневая каша.

На горных реках рыбачат, как правило, спиннингом и обманкой — нелепой, как мне казалось, снастью. Представьте: тройничок с прикрученным пучком чьих-нибудь рыжих волос. Да такой ли, думалось, дурак хариус, чтоб позариться на пугало! Хотя у меня имелась и спиннинг, и обманка, но на свою первую рыбалку (после ужина) я отправился с обыкновенной удочкой и донками. Так-то вернее.

Первым делом — поймать живцов. Поплавок плясал и носился по волнам, крючок цеплялся за камни. Как тут угадаешь поклевку? Я уже хотел оставить пустую затею, но, смотрю, поплавок явно повело. Подсечка — и в руках трепыхнулась плотва. Отличный живец.

Три живцовые донки забросил с обрывистого мыска, через который шумно перекачивались и закручивались спиралями струи.

В лагерь вернулся часа в два ночи. Друзья уже похрапывали. А я еще долго ворочался. Да и как уснуть, когда светит солнце, а на перекате стоят донки?

Утром первым делом побежал к своему мыску. Пусто...

А через два дня... Нет, расскажу по порядку. Сергей, Валентин и Лешка ушли вверх по Котую в двухдневный маршрут, а мы с Юрой (в обиходе — Боб) остались заготавливать лес для постройки катамарана. Нарубили листовницы и, сбросив верхнюю одежду, начали ошкуривать хлысты. Бородатый Боб про Киргизию и тамошних злых лошадок байки рассказывал, а я нет-нет да про донки вспомню. Эти донки, как непроверенные лотерейные билеты.

К обеду сморила нас жара. Боб «на полчасика» полез в палатку, я отправился к донкам. Иду налегке, в одних плавках, пританцовывая на острых камнях.

Проверил одну закидушку, ищу вторую. Что такое? Леска стоит против течения... Достал из трещины приваленную камнями тычку и осторожно начал выбирать леску. Она натянулась, и я почувствовал, как что-то большое нехотя пошло к берегу. Леска то натягивалась, то слабла, и вдруг — как рванет, засвистит. Тычка звонко влипла в ладонь, потянула с уступа. «Все...» Но леска выдержала, ослабла. Рыбина, видно, в порог уперлась.

С этой минуты я уже был не я. Сознание, что на тройнике что-то большое, пугающе большое, что это большое в любую секунду может уйти, сорваться, близость возможных счастья и несчастья ошеломила, погнала толчками кровь. Хотелось поскорее выволочь эту невидимую рыбину, но помутневший разум еще подавал совет: не спеши, только не спеши.

Я передохнул и без рывков, просительно потянул снова. Надо отвоевать для запаса хотя бы два-три метра лески и переместиться ниже, на мелководье... Подается, подается...

Тут замечаю, что леска дважды обмоталась с другою — от третьей закидушки. Какая досада! Теперь к откосу не выйдешь, а отсюда, с обрыва, вытащить рыбу и не мечтай. Э, была не была!левой рукой ухватил натянутую леску пониже захлеста, а правой раскручиваю свободный конец с тычкой. Высвобождаю леску и жду, как удара обухом, рывка. Обошлось.

Рыбина, словно опомнившись, снова рванула, описала полукруг и вдруг вымахнула из воды, замотав в немой решимости башкой, — не дамся!

Вот где стало не по себе. «Такой тайменище!» Я вконец обалдел, заскочил в реку и попер тайменя к берегу, движимый одним инстинктом — ухватить, выволочь! Таймень рядом. До берега какой-то метр. Леска в левой руке, правая тянется к жабрам. Таймень забился, как связанный боров, обмотался трижды леской, я упал, шибанул рыбу плечом, толкнул руками — к берегу, к берегу! Вставать уже некогда — штурм! — и так вот, на четвереньках, выпихнул тайменя из воды. Коленки — в кровь, а я все качу и качу тайменя по откосу. «Мо-о-й!»

Любая речная рыба мне кажется чудом — и литой из золота линь, и закованный в колючки «камикадзе» — ерш, и, если хорошо присмотреться, обычная красноглазая сорога. Но тайменем залюбуешься с первого взгляда: петушиной яркости плавники, красноватая в ярости кожа, стремительно-упругое тело, венчающееся осялом челюстей с четырьмя рядами зубов! Сколь потрудились природа, создавая совершеннейший снаряд убийства!..

Как жаль, что нет рядом новосибирских приятелей, а особенно давнего соперника по рыбалке Пети Пантюшкина — поющего такого, но неутомимого рыбака. Все-таки без зрителя удача — не удача. Эх, сейчас бы с этим тайменем да по Красному проспекту!..

— Боб! — закричал я. — Открывай палатку!

Сонный Юрка поднял полог и отпрянул назад. А я дико захохотал и сбивчиво начал рассказывать о схватке, переживая все заново.

Мы измерили спичечной коробкой длину рыбы, оказалось — метр и тридцать пять сантиметров!

На следующее утро вернулись из маршрута ребята. Кроме образцов, в их лодке лежали два тайменя. Самый большой — Сергеев — килограммов на пятьдесят. Недолго я походил в рекордсменах.

А потом мы побывали на пороге Косой. Таймени стояли под порогом цепями: впереди — самые крупные, с крокодила, позади — помоложе, помельче. Хищники таятся и за камнями, у самого дна, и у пенистой поверхности, суша на солнце ярко-розовые хвостовые плавники; стоят иногда впритирку к берегу, на виду человека — без страха, без внимания к пришельцу. Гудит порог, сшибаются и закипают в злобе струи, белеют от ярости буруны, и только таймени недвижимы в этой круговерти. Они ждут.

Рыба с порогов скатывается хвостом наперед, как бы пьется под колоссальным напором струи. Оглушенную, обессиленную и не видящую, что делается сзади, поджидает матерый таймень добычу. Брюхо хищника набито крупными хариусами, сигаами и даже полуметровыми тайменями — теми, что заняли место не по рангу.

На Косом каждый из нас, кроме, разумеется, Боба, который был совершенно равнодушен к рыбалке, в считанные минуты поймал по двухпудовому тайменю. В таком месте, не оказавшись рядом трезвого человека, можно, что называется, потерять голову.

— Хватит! — охладил наш пыл Сергей.

А действительно, ведь хватит!

Так и распрощались мы с Косым, под которым на виду у нас, как затонувшие бревна, стояли таймени.

Наш катамаран спускается вниз по течению, скользит у отвесных причудливых скал. Мы у порога Улохан-Уоран...

Ах, рыбалка, ненасытная страсть! После маршрута хватаем спиннинги и едва не бежим на встречу гулу и адской кипени. Только Сергей, как обычно, не спешил, аккуратно ступая по острым камням. Он домовито расположился на мыске и так же спокойно начал вываживать тайменя. По визгу катушки да по широко расставленным ногам Сергея догадались, что на мыске началась борьба. Кинулись на помощь, но Сергей отмахнулся: сам управлюсь.

Я сделал несколько торопливых забросов прямо в водослив, но бешеная струя тут же выталкивала блесну на поверхность и швыряла на камни. Надо подняться повыше, пока там не занято место. Впрочем, Валентин почему-то бегал вокруг огромных валунов, что-то искал. Он подошел ко мне поникший, потерянный, каким я его, бывалого экспедиционного волка, никогда не видел.

— Понимаешь, когда мы к Сергею побежали, я спиннинг свой бросил, а теперь не могу найти. Как провалился... Дай твой — на минуту. А то он уйдет.

И было в его голосе, во взгляде столько досады и неподдельной мольбы, что я, помимо желания, протянул свой спиннинг.

Валентин схватил его, как грамоту о помиловании, подбежал к воде, но почему-то не сделал заброса, а стал опускать блесну прямо под ноги, где в глубоком желобе kloкотала струя. Там, привалившись к уступу, стоял здоровущий таймень. Валентин «нашел» его, пока искал спиннинг.

Едва блесна очутилась перед тупым носом тайменя, тот яро цапнул обманку, метнулся от стенки и, влекомый струей, ринулся вниз по наклонному сливу. Валентин, ослабив катушку, понесся следом. На ходу что-то рывкнул, указав на камень.

Под валуном, в трещине, полеживал утерянный было спиннинг. Я поднял его и пошел к верхним бурунам искать и свое рыбацкое счастье...

Замороженный газ

Разведчиков якутских недр не удивишь вечной мерзлотой. Уж сколько раз сталкивались они с проказами северного сфинкса.

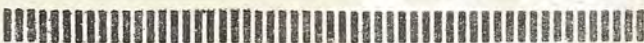
В 1956 году из глубин Таас-Тумуса в устье Вилюя ударил мощный газовый фонтан. Вокруг скважины сразу образовался ледяной вал. Он рос по часам, и вскоре ледяная труба взметнулась на 50 метров, создав небывалую тягу ревущей струе газа.

Так был обнаружен замороженный газ. До сих пор подобное кристаллическое соединение природного газа с водой встречалось только в газопроводах. Исследования показали, что при высоких давлениях и низких температурах газ может промерзнуть вместе с землей и переходить в твердое состояние и в естественных условиях.

Газ в ледяной упаковке нашли также на Таймыре, на снабжение мерзлым топливом перешел Норильский горно-металлургический комбинат.

Ученые предполагают, что природные запасы твердого газа в несколько раз превышают запасы обычного. Более того, основная масса газа в недрах планеты хранится, по-видимому, не в свободном, а в замороженном состоянии.

Это научное открытие позволило предсказать адрес залегания наиболее крупных скоплений ледяных газовых пластов — дно морей и океанов.

Крепость... в миниатюре

Поистине золотые руки у Виталия Дмитриевича Маклакова, кузнеца из деревни Малый Атяж. На досуге он мастерит миниатюрные поделки. Некоторые из своих работ он передал Народному краеведческому музею. Около них всегда много людей. Вот самовар с кружкой, в которую входит лишь капелька воды. Замочек не больше спичечной головки с двумя ключиками, еле различимыми.

А недавно Виталий Дмитриевич смастерил для музея макет деревянной крепости Далматовского монастыря, которая была построена в конце XVII века и полностью сгорела в самом начале XVIII века. Посетители восхищаются тонкой работой В. Д. Маклакова. Прекрасно выполнены церкви, башни, колокольня, ветряная мельница и другие бытовые здания монастыря.

Виталию Дмитриевичу помогает его сын Дмитрий — ученик 10-го класса. Умельцы хотят сделать макет каменной крепости Далматовского Успенского монастыря — памятника русского зодчества восемнадцатого века.

Смелые синицы

Пришел рабочий за гайками в склад, протянул руку в ящик, а там... маленькие птенчики в гнезде. Здесь и люди ходят, и машины шумят, а чета синиц устроила себе жилье.

До самого «совершеннолетия» оберегали рабочие Артемовского машиностроительного завода этих птенцов.

А в селе Петрокаменском, тоже в Свердловской области, смелые синицы поселились под капотом трактора, возле самого двигателя. Птицам удавалось залетать домой только тогда, когда тракторист, заглушив двигатель и остановив машину, уходил отдыхать. Но синицы вывели-таки потомство. Кстати, в своем гнезде они вскормили еще и подкидыша — кукушонка.

Кировские мамонты

На речке Соме, близ деревни Быданово, что в Кировской области, Л. С. Шитов нашел минувшим летом бивень мамонта. Затем «повезло» жителю села Лимонново Б. Г. Лимонову. Неподдалеку от того же места, тоже на речке Соме он обнаружил гигантскую челюсть с двумя зубами. Ученые установили, что это останки молодого мамонта — один из зубов оказался молочным.

МИР

НА ЛАДОНИ

Человек-амфибия

Вот и сбылась мечта фантаста — из сказочного мира пришел в нашу реальную жизнь человек-амфибия.

Японские ученые создали, наконец, искусственные жабры. Батарея силиконовых пластинок, извлекая из воды кислорода, подает его в легкие человека, и он дышит под водой, как рыба.

Первый испытатель искусственных жабр провел на дне моря пять часов.

Услуга за услугу

Это случилось во время рыбного лова в северной Атлантике. Ранним утром рыбаки мурманского траулера «Пикша» стали выбирать дрейфтерные сети, поставленные с вечера над косяком сельди.

Выбрав улов, капитан решил перейти в другой промысловый квадрат. Спустя четверть часа перед траулером показался крупный дельфин. Он пересек курс судна раз, другой, третий, будто говоря, что надо застопорить ход. Приплыл еще один дельфин. Этот разворачивался на обратный курс, как бы предлагая следовать за ним.

— Неспроста это, — решили рыбаки. И капитан повернул на обратный курс. Дельфины подвели траулер к оранжевому поплавку с шестом, который удерживал поставленную кем-то сеть. Рыбаки осторожно подняли ее и обнаружили запутавшегося в сети третьего дельфина.

Дельфины не ушли в море, а остались возле траулера, предлагая рыбакам еще раз послушаться их «совета». «Пикша» доверилась своим лоцманам. Через полчаса хода дельфины дали знать, что пора останавливаться. Капитан приказал включить фиш-лупу: траулер стоял на огромном косяке сельди.

До конца промысла эти три дельфина часто приходили к борту «Пикши» и всякий раз наводили траулер на богатые рыбой места.

Форель подает сигнал

Долгое время ни один прибор не мог соперничать с канарейками в их удивительной способности обнаруживать в воздухе присутствие ядовитых газов. Однако, в конце концов, созданные человеком электронные индикаторы победили. Но когда дело касается загрязнения вод, здесь, по мнению французских инженеров, никакой электронный прибор не сравнится с обыкновенной форелью.

В местечке Боран-сюр-Уаси под Парижем, где расположена лаборатория, контролирующая систему водоснабжения, по предложению ученых построены три аквариума. Вода из реки Уаси подается в них со скоростью речного течения. В каждом аквариуме — форель, которая всегда предпочитает плавать против течения.

Когда в аквариум попадает загрязненная вода, форели стрелой поворачивают вниз по течению, и закрепленные на них электроды немедленно включают сигналы тревожного оповещения. Дежурный абсолютно уверен: в реку сбросили загрязненные воды.

Под парусами на динозавров

Холоднокровные животные регулируют температуру своего тела. Уже динозавры могли поддерживать более или менее постоянную температуру тела. Но ни один из них не превзошел в этом искусстве диметродона, обитавшего когда-то в полусухих районах нынешнего Техаса. Спину этого ящера украшал парус — натянутый на длинных отростках позвоночных костей кожанный плавник. Подставив его лучам утреннего солнца, диметродон быстро разогревал свою тушу с 26 до 32 градусов Цельсия. Поэтому диметродон мог проснуться и приступить к своим делам на два часа раньше динозавров. Вечером он сжимал ведущие к парусу кровеносные сосуды, следы которых хорошо сохранились в найденных учеными ископаемых останках ящера, и не так быстро остывал за ночь.

Диметродон был плотоядным ящером. И парус служил ему отличным подспорьем для охоты на засонь-динозавров.

Кошачий десант

В деревне Малазин, что на острове Борнео, свирепствовала малярия. Всемирная организация здравоохранения применила деревни порошок ДДТ и, избавив жителей деревни от москитов, покончила с эпидемией.

Но здешние тараканы оказались более стойкими к химической отраве, они вырабатывали иммунитет к ДДТ и накапливали яд в своем организме. Эти тараканы составляли важную часть в меню гекко, маленьких ящериц, которые шмыгают по стенам жилищ. По местным поверьям, если во время беседы послышится характерное щелбание гекко, то это подтверждает правоту слов говорящего.

Отравленные тараканами гекко потеряли подвижность и стали легкой добычей для кошек. Скоро, однако, от ДДТ в Малазине передохли все кошки, и в деревне не стало житья от крыс. Вдобавок, в покрытых пальмовыми листьями крышах расплодилось невиданное количество гусениц, которые оставили от крыш одни стропила.

Помощь, как и беда, пришла с воздуха. Специально посланный самолет сбросил на парашюте контейнер с кошками.

Дымковские мастерицы

Прямо на меня смотрит большущий яркий индюк. Справа — пасется лошадиный табун, слева — подступают игривые пышнотелые барыни в кринолинах. А там — козлы, олени, диковинные птицы, то ли буйвол, то ли бык, то ли тур о трех головах...

Я нахожусь в мастерских знаменитой дымковской игрушки Кировского отделения Художественного фонда РСФСР. Киров готовится к 600-летию юбилею, и к этому празднику дымковские мастерицы готовят сувениры.

Смущаясь, открывают девушки шкафы и ящики, достают бережно завернутые в тонкую бумагу свои изделия.

Лида Фалалеева показывает композицию «Проводы русской зимы» — елки, торговки с блинами, бородатый дядя с объемистой пивной кружкой...

Хороши работы Вали Племянниковой. Она любит черный цвет.

— Интересно в нем работать, — говорит она. —

Он великолепно сочетается с другими. А как смотрится!

Любимая игрушка Люды Елсуковой — индюк.

— Хвост у него — большая плоскость, значит, большой простор для фантазии, — говорит она.

Ну и индюки у Елсуковой! Настоящие сделались бы малиновыми от зависти, увидев подобную расцветку на хвостах и крыльях своих деревянных дымковских собратьев. Хороши у нее и «посиделки» — семь дезушек и два залихватских парня, которым сам черт не брат. И идет промеж них беседа такая, с подковырками да с шуточками. Очень точно передана атмосфера деревенского свидания.

У Нади Трухиной лучше всего выходят барыни. Такие они все жеманные, капризные, в платьях с фестончиками, со складочками, рюшечками, оборочками. Ей нравится наряжать франтих, выдумывать для них новые фасоны.

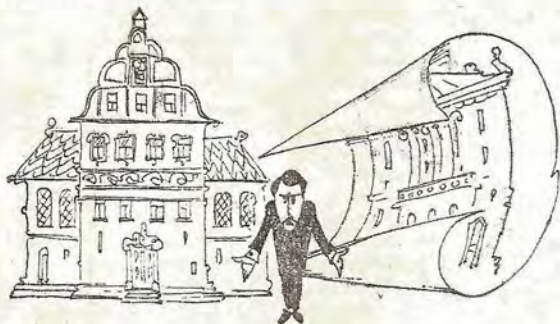
Исконно вятскую дымку почитают всюду. Москва, Ленинград, Берлин, Париж, Токио — где только не ахают восхищенно при виде расписной барыни.

Три параграфа

Местные власти Клоумеля (Ирландия) постановили: во-первых, построить новую мэрию; во-вторых, камни старого здания мэрии использовать для строительства нового; в-третьих, не разбирать старое здание, пока не будет закончено сооружение нового.

«Приглядите за канарейкой!..»

«Взломайте дверь и приглядите за канарейкой!» — примерно таким было содержание телеграммы, которую получил житель польского города Хожува от своих соседей, отдыхающих в Венгрии.

Дверь взломали, канарейку спасли от голодной смерти. А заодно выключили свет в квартире и радиоприемник.

Терпеливый йог

Известно, что некоторые из индийских йогов могут лежать на досках, в которые острями кверху вбиты гвозди. Индийский факир Зиане Азар, гастролируя в Сиднее, подтвердил эту удивительную способность йогов: он пролежал на гвоздях 25 часов 9 минут.

Три Вальки Бегуновых

Лето на Урале было сугубо не кинематографическим — пасмурным, дождливым. И экспедиции киностудии стали отбывать в теплые края. Группа фильма «Валькины паруса» оказалась в столице Киргизии — Фрунзе.

Ассистенты режиссера начали готовить к съемке сцену «Барабанщики встречают рассвет». Есть в этой сцене момент, когда герой фильма Валька Бегунов прыгает с обрыва в воду, чтобы спасти барабан, оказавшийся в реке.

Решили, что без трех Бегуновых здесь не обойтись. В воду надо бросать не Вальку, а куклу — все-таки это рискованный трюк для Андрюши Цепкало, исполняющего роль Вальки. Плавать будет другой мальчик, потому что Андрюша и плавать-то толком не умеет. А вот выйдет на берег с барабаном в руках и мокрый с головы до ног наш уральский актер Андрюша Цепкало.

Так и сделали. Посмотрите на снимок: три Вальки Бегуновых, первый слева — Андрей Цепкало, в центре — Валька-кукла, справа — фрунзенский пионер Толя, отличный пловец.

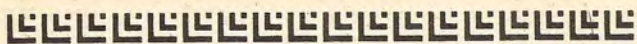
Печные дверцы

Теперь нам не нужны эти некогда необходимые в каждом доме изделия — чугунные печные дверцы. А ведь они были хороши, умели их отливать уральские мастера! Что ни дверца — то произведение искусства.

Когда у нас в Серове ломают ветхие дома, я заглядываю на развалины — ищу выброшенные предметы старого быта. Собираю и печные дверцы и заслонки. Очищаю их — люблюсь литьем. Уж более десятка таких дверок и заслонок я передал музеям Урала, где они теперь экспонируются.

Все мои находки с клеймами. Они — каслинские, отлиты в конце XIX и в начале XX веков.

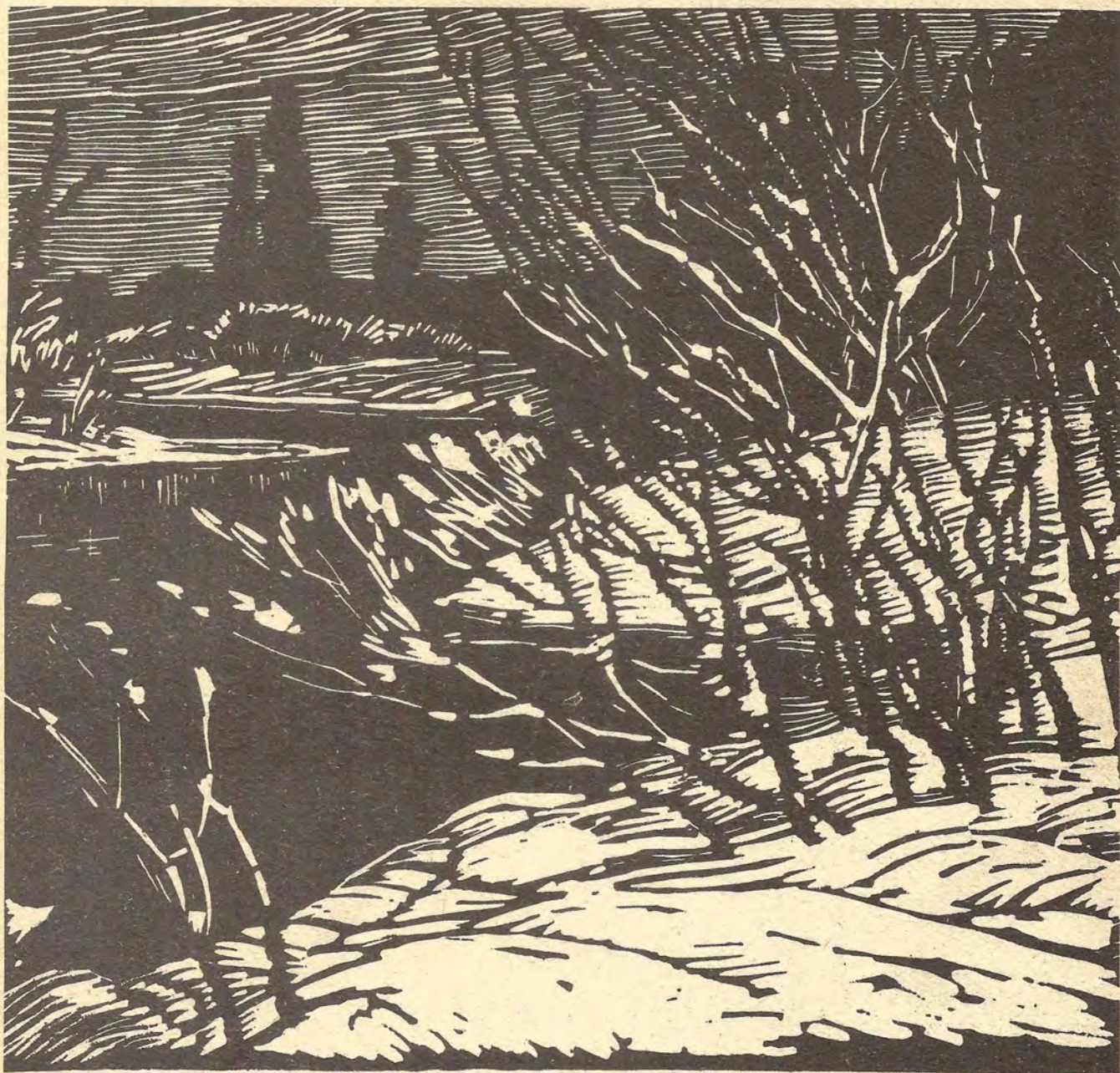

Рисунки
С. Ашмарина
и В. Милейко

36/1-63

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ. Линогравюра
МИХАИЛ ДИСТЕРГЕФТ (г. Нижний Тагил)

...ИЗ-ЗА МЫСА СРЕМИТЕЛЬНО — ОДНА ЗА ДРУГОЙ —
ВЫЛЕТЕЛИ ДВЕ МОТОРНЫЕ ЛОДКИ. ШЕДШИЙ ПО БЕРЕГУ
КЛОЧКОВАТЫЙ, ЛИНЯЮЩИЙ МЕДВЕДЬ ОТОРОПЕЛО
ВЗГЛЯНУЛ НА НИХ И ПРИПУСТИЛ К ЛЕСУ.
ТУТ НА ПЕРЕДНЕЙ ЛОДКЕ ПЫХНУЛО ПЛАМЯ. ВЛАМЫ-

ВАЯСЬ В ЧАШУ, МЕДВЕДЬ УЖЕ НЕ ВИДЕЛ, ЧТО ЛОДКА
ВСТАЛА НА ДЫБЫ, А ЧЕЛОВЕК ВЫЛЕТЕЛ ИЗ НЕЕ И МОК-
РОЙ ТРЯПКОЙ ЗАКРУЖИЛСЯ В ВОДОВОРОТЕ...

Рассказ А. ШУШАРИНА «СВОИМ СУДОМ» читайте в сле-
дующем номере журнала.